

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**БРЯНСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА**

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ**

Сборник статей

Выпуск 10

Под общей редакцией доктора философских наук
Н.В. Попковой

Брянск
Издательство БГТУ
2012

ББК 87.6

П 78

Проблемы современного антропосоциального познания
[Текст]+[Электронный ресурс]: сб. ст. / под общей ред. Н.В.Попковой.
– Брянск: БГТУ, 2012. – Вып. 10. – 140 с.

ISBN 978-5-89838-630-6

Рассматриваются актуальные темы и проблемы современной социальной философии, философской антропологии и философии истории.

Предназначен для преподавателей философских и социально-гуманитарных дисциплин, докторантов, аспирантов, а также может быть полезен для студентов.

Редколлегия:

В.Г. Горбачёв – кандидат философских наук, доцент;
Э.С. Демиденко – доктор философских наук, профессор;
Е.А. Дергачёва – кандидат философских наук, доцент,
ответственный секретарь;
Н.В. Попкова – доктор философских наук, профессор,
ответственный редактор.

Рецензенты:

кафедра философии, истории и политологии Брянской государственной сельскохозяйственной академии, заведующий кафедрой профессор, доктор философских наук А.Ф.Шустов.

ISBN 978-5-89838-630-6

© Брянский государственный
технический университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н.В. ПОПКОВА, Е.А. ДЕРГАЧЕВА</i> Возрожденному философскому обществу на Брянщине – 10 лет (28.02.2002 – 28.02.2012 гг.): Брянская научно-философская школа по исследованию социотехноприродных процессов.....	5
<i>Э.С. ДЕМИДЕНКО</i> Введение в философию социально-техногенного развития мира.....	19
<i>В.Г. ГОРБАЧЕВ</i> Антропосоциальная философия как форма междисциплинарного знания.....	29
<i>Н.В. ПОПКОВА</i> Социология техники: проблемы и перспективы.....	37
<i>Е.А. ДЕРГАЧЕВА</i> Истоки и смысл современной глобализации.....	45
<i>Е.А. ЛАРИЧЕВА</i> Усиление глобализации как катализатор кризисов.....	54
<i>А.Ф. ШУСТОВ</i> Социально-экологические проблемы развития технической деятельности.....	61
<i>А.Ф. СТЕПАНИЩЕВ, Д.М. КОШЛАКОВ</i> Номотетизм и идиографизм в контексте методологии социально-гуманитарного знания.....	66
<i>А.А. СВИДЕРСКИЙ</i> Основные тенденции развития социокультурных оснований материально-преобразовательной деятельности.....	73
<i>И.В. ШЛЕМИНА</i> Сущность социокультурной среды и основные проблемы ее функционирования.....	79
<i>Н.А. НОЗДРИНА</i> Социальная ответственность как потенциал плодотворного общения	84
<i>Г.А. ХОТИНСКАЯ</i> Misterium tremendum et fascinosum: тайна великая и завораживающая Питирима Сорокина.....	90

<i>Ю.Ю. СИБЕРИНА</i>	
Социальные функции культуры и принципы их выделения.....	100
<i>А.И. ХОТИНСКАЯ</i>	
Полемика Иммануила Канта с Эммануэлем Сведенборгом (отношение Канта к эзотерической философии).....	103
<i>С.В. ГОВОРУШКИН</i>	
Антропосоциальная паразитология: недостающий аспект познания.....	117
<i>В.М. МИХАЛЕВ-ВОЛООКОВ</i>	
Почему человечество погибнет от научно-технического прогресса.....	118
<i>Е.А. ДЕРГАЧЕВА, О.А. ЛАППО</i>	
Тенденции транснационализации: социологический аспект.....	121
<i>Е.Е. СТРУГОВЕЦ</i>	
Будущее человека в контексте научно-технического прогресса	130
<i>А.А. МАЖУКИНА</i>	
Изменения в обществе под воздействием научно- технического прогресса	131
<i>ДЕМИДЕНКО ЭДУАРДУ СЕМЕНОВИЧУ – 75 лет.....</i>	132
<i>Сведения об авторах</i>	134
<i>Требования к рукописям в сборник «Проблемы современного антропосоциального познания».....</i>	136
<i>Список членов Брянского отделения Российского философского общества в 2012 году</i>	138

УДК 101.1:316

ББК 87.6

Н.В. ПОПКОВА, председатель Брянского отделения РФО
Е.А. ДЕРГАЧЕВА, ученый секретарь

**ВОЗРОЖДЕННОМУ ФИЛОСОФСКОМУ ОБЩЕСТВУ
НА БРЯНЩИНЕ – 10 ЛЕТ (28.02.2002 – 28.02.2012 гг.):
БРЯНСКАЯ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА
ПО ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИОТЕХНОПРИРОДНЫХ
ПРОЦЕССОВ И СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОГЕННОГО
РАЗВИТИЯ МИРА**

Рассматривается деятельность Брянского философского общества с момента его основания по настоящее время.

Десять лет назад, в 2002 г. под руководством Э.С.Демиденко было образовано Брянское отделение Российского философского общества (ныне получившее право именоваться Брянским философским обществом в составе РФО), сконцентрировавшее свое внимание на подготовке философских и обществоведческих кадров для Брянщины. Сейчас оно насчитывает более 40 членов, среди которых 5 докторов философских наук, 3 заведующих кафедрами философии. Председателем Брянского отделения РФО стал Э.С.Демиденко; с 2007 г. он является его почетным председателем как внесший значительный вклад в развитие философии на Брянщине. Сейчас председателем БФО является доктор философских и кандидат технических наук профессор Н.В.Попкова, секретарем – экономист и кандидат философских наук доцент Е.А.Дергачёва. В настоящее время в Брянском государственном техническом университете на базе кафедры «Философия и история» (зав. кафедрой д.филос.н. проф. А.Ф.Степанищев, рук. аспирантуры по социальной философии д.филос.н. проф. Э.С.Демиденко) и Брянского отделения философского общества сложилось новое научно-философское направление. В его рамках ведутся социоприродные исследования формирования глобального техногенного (индустриального и постиндустриального) общества, его воздействия на биосферу. Особое внимание уделяется трансформирующему воздействию стремительно растущего технического мира на земную жизнь и человека. Были сконцентрированы усилия значительного количества философов и аспирантов на актуальных исследованиях социально-техногенного развития общества и земного мира, что привело к образованию работоспособной научно-философской школы при БГТУ. С 2007 г. (когда данное направление было официально признано Министерством образования и науки Российской Федерации при аттестации университета) Э.С.Демиденко сконцентрировал свои усилия на исследованиях (вместе с подготовленными им философами и пришедшими в школу соратниками) социально-техногенных

проблем, социоприродных и социотехноприродных процессов, глобальной трансформации биосферы и человека, стремительного разрастания техносферы.

Брянским философским обществом проводятся массовые мероприятия, встречи со студентами и научной общественностью города. Вместе с видным брянским философом В.Г.Горбачевым был задуман и издается с 2003 года (ныне – при поддержке БГТУ) ежегодный сборник научных статей «Проблемы современного антропосоциального познания», в котором рассматриваются актуальные проблемы социальной философии, антропологии, философии науки, техники, техносферы и т.д. Научно-философская школа работает в тесной взаимосвязи с учебными и научными звеньями БГТУ, ученые школы принимают активное участие в международных и отечественных научных конференциях. Школа расширяется, объединяя специалистов по техническим, экономическим и информационным наукам. Учеными этой школы при разработке этого направления на значительном статистическом и социологическом материале проводились исследования коренных изменений, происходящих в развитии общества и земной природы под воздействием технических революций – промышленной, научно-технической, информационной. Было показано, как естественные факторы социоприродного развития замещаются искусственными, открывающими огромные возможности для роста человеческих богатств и благосостояния людей. Не случайно только в XX веке количество богатых и социально обеспеченных людей возросло почти в 200 раз и составляет около половины населения планеты. Но в то же время крупные техногенные изменения на планете привели к негативной трансформации человека и деградации земного биомира. Ученые вскрывают факторы техно-ноосферного перехода жизни, опасности такой эволюции общества и планеты для человека и дают рекомендации по преодолению избыточной техносферизации земного мира, преодолению разрушений в биосфере и формированию гуманного, безопасного развития человечества в коэволюции с биосферной природой. В рамках этой научной школы работают д.филос.н. Н.В.Попкова и к.филос.н. Е.А.Дергачева; анализом состояния рациональности занимается д.филос.н. А.Ф.Степанищев. Под их руководством работают аспиранты и соискатели, публикуются учебные пособия. Ученые школы принимают активное участие в российских и международных научных конференциях. В БГТУ читаются курсы по выбору для студентов «Философия техники», «Техногенное общество и процессы социально-экономической глобализации» и т.д. В течение указанного срока на базе кафедры проводилась активная работа по подготовке докторов и кандидатов философских наук. Заведующий кафедрой А.Ф.Степанищев защитил докторскую диссертацию по становлению постнеклассической философии, Н.В.Попкова – докторскую диссертацию по философии техносферы, Е.А.Дергачева и Н.Н.Лапченко – кандидатские диссертации по философии техногенного общества. Сегодня около 10 соискателей – аспирантов и докторантов – готовят диссертации по указанному научно-философскому направлению.

Учеными научной школы социоприродных исследований в 2002-2012 гг. издано более 30 монографий, учебных пособий и сборников научных работ,

опубликовано более 40 статей в центральных журналах и журналах, рекомендуемых ВАК РФ, около 200 статей в других изданиях. Около 10 монографий и книг получили признание видных специалистов на различных конкурсах в нашей стране. Философы и ученые, исследующие социотехноприродные процессы, становятся ежегодно победителями конкурсов, посвященных развитию науки, техники и иных инноваций. Администрация Брянской области пошла им навстречу и совместно с РФФИ учредила гранты по изучению проблематики техногенного общественного развития и ее последствий. Дипломами Губернатора области Н.В. Денина отмечен ряд ученых, их монографии и статьи. Это – Э.С.Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В.Попкова. В конкурсах молодых ученых по гуманитарным наукам в вузах Брянской области «Современные научные достижения – Брянск 2008, 2009, 2010» первые места по социологии и философии заняли научные работы Е.А.Дергачевой. В последние годы расширяются гранты на научные издания не только философам и ученым, но и аспирантам, соискателям. В Брянском государственном университете выиграла конкурсы на печатание монографий представители научно-философской школы, нынешние преподаватели и бывшие аспиранты Н.Н.Лапченко (успешно защитившая кандидатскую диссертацию), издавшая монографию «Информатизация общества в условиях техногенного социоприродного развития: философский и правовой аспекты», и С.Н.Чувин, издавший монографию «Человек в техногенном мире».

Какова основная проблема, сделавшая необходимыми социоприродные исследования? Глобальные проблемы современности (в том числе – антропологический кризис, ведущий к техногенным трансформациям человека, его психологии, физиологии и образа жизни) требуют теоретического анализа, поскольку уже существующие программы, претендующие на разрешение глобальных проблем, признаны недостаточно эффективными, а концепции, их обосновывающие, по-разному понимают направление желаемых трансформаций и порою предлагают несовместимые мероприятия. Необходимо философское исследование технической составляющей бытия человека, его места в создающейся техногенной среде. Актуальность этих исследований определена назревшими противоречиями: между стремительным ростом техногенной среды, потребляющей природные ресурсы, – и возможностями природы эти ресурсы восполнять; между системными характеристиками техногенной среды – и стремлением человека управлять ею в своих интересах. Особое внимание данным направлением при БГТУ уделяется техногенному общественному развитию и трансформирующему воздействию техногенного общества и стремительно растущей техносферы на земную жизнь и человека. Проблема философского осмысления возникающих и развивающихся острейших трансформационных противоречий является особенно актуальной для подготовки специалистов в области технических наук не только в нашем, но и любом инженерно-техническом вузе. С одной стороны, благодаря научно-техническим нововведениям совершенствуется человеческое бытие, создается искусственная комфортная среда обитания – техносфера, достигается социальный, хотя и противоречивый, прогресс общества, а с другой стороны, такая научно-техническая

рационализация осуществляется за счет эксплуатации значительной части населения планеты экономической в союзе с политической элитой и уничтожения ресурсов былых и нынешней биосферы, что приводит к скоротечному уничтожению биосферной жизни. Ученые этой школы на значительном статистическом и социологическом материале исследуют происходящие коренные изменения в общественном и природном развитии под воздействием промышленной, научно-технической, информационной и других революций. Естественные факторы былого социоприродного развития замещаются искусственными, открывающими огромные возможности роста человеческих богатств и благосостояния людей, не осознавая, что при существующих уже постбиосферных технологиях не только происходит исчезновение ресурсов, но и самой очень хрупкой биосферной жизни – ведь крупные техногенные изменения на планете привели к негативной трансформации человека и деградации биосферного мира.

Ознакомление студентов на этапе их обучения с гуманистическим философским мировоззрением имеет не только важное значение для формирования эколофского сознания будущих инженеров, но и вносит огромный вклад в программу поддержания эволюции биосферы и ее сохранения для наших потомков и в целом жизни. Опасности такой реальной, техногенной эволюции общества и заставляют более тщательно исследовать социотехноприродные процессы сегодняшнего дня и разрабатывать рекомендации по преодолению избыточной техносферизации и формированию гуманного и безопасного развития человечества и природы. Техногенный кризис показал: на Земле сформирован единый социально-природный организм, и его будущее зависит не только от человека, но и от возможностей биосферы сохранять свои характеристики. Наука подтверждает наличие предела экстенсивного использования природных ресурсов, на котором основано техногенное развитие, и предупреждает о грозящих катастрофических изменениях при нарастающем преобразовании природной среды. Анализ исторического взаимодействия между человечеством и биосферой Земли представляет большое значение для решения глобальных проблем современности. Традиционное представление о технике, порождаемой целесообразной деятельностью людей и управляемой ими, сталкивается по мере технического развития с противоречием между рациональным происхождением отдельных технических объектов и стихийным (непредсказуемым и неуправляемым) функционированием техногенной среды. Поэтому необходим анализ не столько отдельных технических объектов, сколько техногенной среды в целом, что позволит обосновать необходимость глобальных программ гуманитарных контролируемых и корректирующих воздействий на технические процессы в направлении, благоприятном для развития человечества и сохранения природы.

Еще в первой половине XX века В.И.Вернадским, Э.Леруа, П.Тейяром де Шарденом были отмечены новые факторы, вызванные техногенным развитием: гоминизация биосферы (совокупное воздействие человечества на биосферу в целом) и социализация ее природных компонентов (их зависимость от общественной деятельности, прежде всего производственной), которые на современном историческом этапе стали причинами экологических трудностей и, по мне-

нию этих ученых, могут привести или к деградации биосферы, или к новому, антропогенному этапу ее эволюции. Сочетание признания единства человечества, его положения в качестве подсистемы биосферы и самобытности локальных социоприродных систем позволило бы не только дать истолкование минувших эпох, но и определить общие черты будущего. Такой социально-исторический подход можно назвать *социоприродным*: учитывая и закономерности общественного развития, и эволюцию биосферной среды, он сможет объяснить функционирование и усложнение техногенной среды на фоне взаимосвязанного развития биосферы и человечества. Основы этого подхода заложены В.И.Вернадским, позднее развиты в трудах А.М.Ковалева, Н.Н.Моисеева, А.Д.Урсула. Но социоприродный подход в целом еще не разработан: есть лишь наброски. До сих пор нет целостной концепции перехода от естественной, биосферной жизни, к искусственной. Сложившаяся под руководством д.филос.н. Э.С.Демиденко на базе БГТУ философская школа социоприродных исследований занимается ликвидацией этого пробела, совершенствуя представления о техногенной среде и обусловленных ею социоприродных трансформациях.

Школу социоприродных исследований возглавляет Эдуард Семенович Демиденко, социолог-урбанист, защитивший кандидатскую и докторскую диссертации по социологии и философии урбанизации и сейчас активно работающий над проблематикой техно-ноосферного перехода жизни на нашей планете, глобальной трансформации человека. В трудах Э.С.Демиденко с научно-философских позиций анализируются урбанизация, ее социально-экономическая основа и исторические границы. Им разрабатывается новая для социальной философии проблематика: материально-пространственной и архитектурно-технической организации постземледельческого общества и его культуры. Анализируются социально-политические и демографические проблемы урбанизации, раскрываются ее характерные черты и методы управления ею. Урбанизация впервые рассматривается как процесс техносферизации, т.е. формирования на земном шаре глобальной техносферы, благодаря чему социум ускоряет свое развитие, техносоциализацию и сайентификацию человека и живой природы. Последние два десятилетия внимание Э.С.Демиденко уделяется разработке социально-философской концепции техногенного обществен. и социоприродного развития, раскрытию сущности и содержания техногенного общества. Его работы посвящены формированию глобальной социотехноприродной системы, приходящей в III-м тысячелетии на смену биосферной, осуществляющемуся переходу жизни от эры кайнозоя к эре ноозоя – первой постбиосферной эре жизни, от естественных форм жизни – к искусственным. Особое внимание уделяется разработке коренных принципов и эффективных мер по сохранению вековой биосферы, человека и земной биосферной жизни. Активно работает Э.С.Демиденко и в других научных организациях. Он является действительным членом Международного Информационно-экологического Парламента (МИЭП при Совете Европы), МАИ, Российской Экологической Академии и ряда других; президентом АНО «Всемирная Информ-Энциклопедия». Э.С.Демиденко является автором более 250 науч. и методич. публикаций, среди них 10 автор-

ских и 20 коллективных монографий и книг. За последние 4 года (2008-2011) он становился 5 раз лауреатом конкурсов на лучшую книгу: всероссийских – в Москве и Сочи (РАЕ и РАО), региональных в Брянске, а соавторы и его ученики в эти годы получали дипломы и почетные грамоты свыше 10 раз.

Э.С.Демиденко указывает на то, что остальные метаконцепции исторического развития, в том числе наиболее распространенные – формационная и постиндустриальная – не охватывают природную среду, в которой происходит прогресс человечества, и видят его развитие изолированным от потока земной жизни. Эволюционные процессы в биосфере вступают в сложное и непредсказуемое взаимодействие с расширяющейся искусственной средой: как в окружающем человека мире (техно-биосферный экологический кризис), так и внутри него (техногенные изменения биологического субстрата и психики людей). Вектор социоприродного развития направлен к возрастанию искусственности человеческой жизни: от простого удовлетворения потребностей за счет биосферы человек переходит к формированию (с помощью наукотехнических производительных сил) постбиосферного, антропогенного мира. Биологические законы саморегуляции по ходу общественного развития сменяются закономерностями антропогенного происхождения. Учет тенденций техногенного роста становится необходимым в ходе дальнейшего исторического развития. Системный социоприродный подход, развиваемый Э.С.Демиденко, выделяет две основные стадии развития жизни на Земле: сначала – генезис и развитие биосферной жизни, приводящие к формированию глобального человеческого общества (которое постепенно приобретает с помощью научно-технических производительных сил власть над биосферой); затем в результате социально-биосферного переворота человечество подчиняет себе биосферу. Содержанием современной эпохи в социоприродном смысле является «великий социально-культурный переход» – от биологического мира к постбиологическому.

Э.С.Демиденко обращает внимание на глубинный смысл постиндустриального социума – трансформацию Земли и жизни на ней от мира естественного к искусственному. При этом искусственными становятся и биоприрода, и человек. Рассмотрение дисгармонии между обществом и природой в отрыве от процессов их эволюции ведет к ограничению проблемы антропогенным загрязнением природной среды, к разговорам о деградации жизни. На самом деле, как подчеркивает Э.С.Демиденко, жизнь не деградирует – она «прогрессирует», принимает новые, социальные формы. Можно говорить только о деградации биосферной жизни, к которой относится и биосферный человек; за этим последует развитие новых, социально-биосферных существ, создаваемых коллективным человеческим разумом. Согласно законам эволюции, развитие новых форм жизни происходит за счет разрушения прежних, в данном случае – биосферных. Поэтому в ходе социоприродного развития новая, общественная форма жизни создает себе новое материальное окружение – техносферу, которая отрицательно воздействует на жизнь биосферную. Эта стадия эволюции носит противоречивый характер: человек, разрушая биосферный мир во имя социального, разрушает и основу собственного биологического существования. По

словам Э.С.Демиденко, человек стал стремительно видоизменяться и терять свои природно-функциональные качества, приобретая социальные и социально-техногенные. В его исследованиях отмечается не только все большее изменение человеческой телесности, ее уклон к искусственности и рост необходимости технологического вмешательства для сохранения здоровья и жизни современного человека, но и наличие духовной трансформации человека, технологизации на интеллектуально-эмоциональном уровне (интеграция индивидуального сознания с виртуально-компьютерным миром). Нарушения деятельности органов чувств, эндокринных и иммунных систем в постиндустриальном мире стали массовыми. По наблюдениям Э.С.Демиденко, идет технологизация самого организма человека. Человечество в последних поколениях слепнет и глохнет настолько стремительно, что оно стоит перед проблемой постоянного «ремонта» органов зрения и слуха. А с учетом операций по замене других органов человеческого тела, мы можем уже говорить о появлении переходного к киборгу типа человеческого существа. По ходу урбанизации и глобализации (как социальных механизмов технологизации общества) люди переходят из биосферных условий жизнедеятельности в техносферные: на смену биосферному человеку приходит новое существо, возможно, постчеловеческое – человек техносферный. Начался новый процесс – интеграции человека и техносферы, формирование биотехносоциального существа в человеческом облике. Среди его основных признаков – возможность существования только в техногенных условиях: его потребности удовлетворяются, а жизнь и здоровье поддерживаются не биосферой, а промышленной и социальной инфраструктурой.

Е.А. Дергачева, кандидат философских наук, доцент кафедр философии и экономики, ученый секретарь Брянского отделения Российского философского общества, специалист по социальной философии и экономике. В 2002-2005 гг. обучалась в аспирантуре БГТУ по специальности «Социальная философия», успешно ее окончила, досрочно защитив кандидатскую диссертацию по теме «Техногенное общество и противоречивая природа его рациональной трансформации» в совете (председатель проф. д.филос.н. Л.А.Микешина) при МПГУ. С 2005 г. работает доцентом кафедр философии и экономики БГТУ. С 2010 г. обучается в докторантуре МПГУ по социальной философии.

Е.А.Дергачева занимается проблематикой техногенного (индустриального и постиндустриального) общественного развития и противоречиями его техногенной (экономической, научной и технико-технологической) рационализации, проблематикой социотехноприродной глобализации, техногенной экономики, социотехноприродной (техногенной социоприродной) глобализации. В социально-философской и обществоведческой литературе основное внимание, как правило, уделяется трактовке процессов глобализации в контексте социально-экономического направления исследований и анализу экономических, политических, социокультурных и экологических аспектов глобализации, в то время как глобальные процессы (и сопутствующие им глобальные проблемы) усложняющегося природно-биосферного и социального взаимодействия и единства в их совместном историко-эволюционном развитии остаются в стороне от вни-

мания исследователей по глобалистике. Е.А.Дергачева вполне обоснованно обращает внимание на то, что даже в работах философов и ученых, исследующих экологические составляющие процессов глобализации, которых еще относят к сторонникам социоприродной глобализации, отсутствует понимание действительной сути изменяющихся взаимоотношений глобализирующегося современного общества и трансформирующейся биосферной природы, когда в ходе социализации глобализирующиеся на основе научно-технических производительных сил техногенные общественные системы не просто разрушают и даже уничтожают биосферу ради удовлетворения своих потребностей, но и создают искусственный техносферный мир, замещают им биосферный, не считаясь с необходимостью сохранения биосферы как универсальной саморазвивающейся системы биологической жизни на Земле. В этой связи Е.А.Дергачева ставит перед собой задачу – провести именно социально-философский анализ данного феномена, рассмотреть глобализирующиеся разнородные общественные системы на фундаменте техносферы как новой основы развивающегося природно-биосферного мира. Решению этой задачи и посвящены ее исследования, среди которых 6 монографий, 2 научных издания, 6 учебных пособий (4 из них по экономике), 22 статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, призовые места в конкурсах научных работ среды ученых Брянска, Москвы, Сочи.

Исследования Н.В.Попковой посвящены разработке ряда вопросов философского анализа техники, которые могли бы стать основой новых направлений. Так, *философия техносферы* – развиваемое Н.В.Попковой философское направление, исследующее *техносферу* как целостную среду, заключающую в себе жизнедеятельность человека. Н.В.Попковой были типологизированы теоретические концепции и дискурсы, сложившиеся в философии техники, и выявлен философский смысл, вкладываемый в понятие «техносфера». Были выделены традиционные подходы к исследованию техносферы, основанные на несовместимых теоретических предпосылках: элементный подход (глобальность техногенной среды считается недостаточной для исследования ее в качестве единого целого), техноцентрический подход (техносфера – результат взаимодействия между техническими объектами и системами), эоцентрический подход (техносфера – результат взаимодействия между человечеством и природой), антропоцентрический подход (техносфера – объективирование взаимоотношений людей в ходе их жизнедеятельности). Н.В.Попковой было показано, что традиционные подходы рассматривают техносферу как реальный объект и основаны на противопоставлении глобальных понятий природы, человечества и техники, понимаемых как непересекающиеся целостности, находящиеся во внешнем контакте. В результате критического анализа традиционных подходов выявлено, что их основной недостаток – натурализация техносферы. Продолжение анализа техногенной среды требует выработки новых подходов, дополняющих традиционные: они были предложены Н.В.Попковой.

Представлены три подхода: социоприродный (на основе развиваемых Э.С.Демиденко принципов социоприродного исторического подхода) – анализирующий природу и человеческое общество (порождающее технику) как сту-

пени единой лестницы эволюции, имеющие общие законы функционирования; социотехнический – рассматривающий социокультурные и технические практики как порожденные единой коммуникационной средой; биотехнический – исследующий природные и технические системы как поле действия объективных закономерностей, а поэтому элиминирующий из процессов их развития субъективный фактор. Эти нетрадиционные подходы основаны на различении техногенной среды (совокупности сосуществующих технических и техногенных объектов) и техносферы (понимаемой в качестве не объекта, а концепта, задающего способ описания техногенной среды и формируемого на основе гипотезы о существовании ее упорядоченности в глобальном масштабе).

Таким образом, традиционное представление о техногенной среде, порождаемой целесообразной деятельностью людей, сталкивается по мере технического развития с противоречием между рациональным происхождением отдельных технических объектов (результатов целенаправленного творчества) и стихийным (непредсказуемым и неуправляемым) функционированием техногенной среды в целом. Изменения в способах представления техногенной среды позволят по-новому взглянуть на ряд задач, попытки разрешения которых в рамках традиционных подходов так и не смогли дать реализуемые стратегии социального действия. Исследователи, работающие на основе традиционных подходов, ставят целью восстановление контроля людей над техногенной средой и, после попыток реализации глобальных программ, часто приходят к выводу о невозможности достижения этой цели и неизбежной деградации природы и человека. Следовательно, необходима разработка иных подходов, снимающих редуцию технического к материальному (то есть понимающих технику как исторически обусловленные, социокультурно нормированные способы и средства изменения природы). Это приведет и к переосмыслению понятия техносферы (как упорядочивающей их структуры): отказу от ее натуралистической трактовки и употреблению в качестве концепта, задающего способ описания техногенной среды (объективность которой проявляется прежде всего как ее сопротивляемость познанию и управлению). В концепте «техносфера» будет отражен универсальный социокультурный код работы человека с природой: ее переработки техническими практиками, перестройки естественных объектов в искусственные. Формируя новые формы осознания автономности техногенной среды, философия техносферы, как показывает Н.В.Попкова, сможет создавать альтернативные методы концептуализации технической реальности.

Также исследования Н.В.Попковой посвящены выявлению антропологических оснований философии техники: критическому анализу разных пониманий человека, которые имеются в современной философии техники и кладутся в основу различных ее направлений. Н.В.Попкова ставит целью систематизацию основных концепций и в этой области. Констатировав различные подходы в философии техники и показав несовместимость их основных положений, следует вывести эти различия из более глубоких оснований данной дисциплины – антропологических. Поскольку техника является творением человека, а современный человек во все большей степени – объектом техники, их рассмотрение

взаимосвязано. Те основные принципы антропологии, которые были наработаны за тысячи лет дискуссий, проникая в область философии техники, порождают различные представления о закономерности и обоснованности преобразования природы, о цели технического прогресса, о допустимости трансформации самого человека для приспособления к технической среде и т.д. Несовместимость философских подходов к исследованию техники неизбежна, поскольку не существует единого представления о человеке и его активности. Считая формирование антропологии техники (как философского направления, исследующего взаимосвязь человека и техники, показывающего их взаимную обусловленность и создающего новые формы их представления) необходимой ступенью развития современного философского знания, Н.В.Попкова обосновывает ее необходимость и систематизирует ее предпосылки и дискурсивные основания, прослеживая их с самого начала философской мысли. Ею выделены основные (классические) философские подходы к исследованию технического аспекта человека и антропологического аспекта техники, предлагающие разнообразные формы осознания техногенной среды и развивающие на их основе проекты совершенствующих ее практик. Рассмотрение подходов сопровождается их методологической реконструкцией, сопоставлением и проверкой на возможность дополнять друг друга внутри единой концепции. Анализируются выделяемые на основе классических подходов закономерности технической деятельности человека и тенденции ее развития, а также исследована необходимость и возможность распрямления понятия «техника» и оценена необходимость разработки неклассических подходов антропологии техники (преодолевающих ее натуралистическое понимание). Используемый Н.В.Попковой метод – методологическая рефлексия, преодолевающая натуралистический способ мышления и распрямляющая традиционные представления. Распрямление понятия (то есть критическая рефлексия, преодолевающая предметную точку зрения и показывающая, какой познавательной установкой это понятие обусловлено, каковы ее основания и границы) ведет к построению новых идеальных объектов, на основе которых будет осуществляться проектирование, создаваться новые способы мышления и действия. Изменения в способах представления техники позволят по-новому взглянуть на ряд современных проблем, попытки разрешения которых в рамках традиционных подходов так и не смогли дать реализуемые глобальные стратегии социального действия.

Анализ антропологической обусловленности технологических процессов (как предустановленных порядком мышления и деятельности людей) ведет к переосмыслению понятия техники (как отражающей универсальный социокультурный код работы человека с природой: ее переработки техническими практиками, перестройки естественных объектов в искусственные). Разработка нетрадиционных подходов философии и антропологии техники, рассматривающих техногенную среду в целом и снимающих редукцию технического к материальному (то есть понимающих технику как исторически обусловленные, социокультурно нормированные средства изменения природы), позволит, пола-

гает Н.В.Попкова, создать альтернативные методы понимания технической реальности и предложить новые проекты выхода из цивилизационного кризиса.

Н.В.Попковой показано, что традиционные представления о технике как объекте, порождаемом деятельностью людей и управляемом ею, не могут объяснить ни возникновение и нарастания негативных последствий технологической деятельности человека, ни бессилия человеческой мысли нейтрализовать эти последствия в глобальном масштабе. Отсутствие отрефлексированности дискурсов, применяемых при обсуждении техногенных проблем, и несогласованность философских концепций завершаются противоположными выводами относительно нынешнего положения человечества и его перспектив, а также противоположными практическими рецептами разрешения глобальных проблем современности. Систематизировав основные взгляды на проблемы современной цивилизации и показав их несовместимость, Н.В.Попкова стремится обратить внимание на неотложную задачу философии: систематизацию собственных концепций, их упорядочивание, методологическую проверку и изложение на доступном большинству людей языке. Отсеивая мнения необоснованные или ведущие к губительным практическим последствиям и оставляя обоснованные (хотя и противоречивые), философия поможет решать современные проблемы. Невозможность формирования единой точки зрения должна быть выявлена и доведена до формулировки аксиологических оснований противоречивых концепций, требующих уже не продолжения анализа, а свободного выбора человека. Н.В.Попкова показала, что философское исследование техники в чистом виде невозможно: анализ любой проблемы, имеющей техногенный фактор, неизбежно переходит в дискуссию о сущности человека, о смысле его активности. Нужно проанализировать имеющиеся взгляды на роль активности человека (прежде всего технической) и его отношения с природой, выявить их антропологические основания, прояснить смысл употребляемых терминов.

Н.В.Попковой предлагаются основные принципы и методы нового направления – философской экологии. Она направлена на мировоззренческий и логический анализ тех положений, которые рождаются при обобщении конкретных экологических разработок и предлагаются в качестве основы практических программ. Противоречивость и непродуманность мнений о взаимоотношениях человека и природы – вот с чем она станет бороться. Методика, использованная ранее при анализе техносферы, показала свою применимость ко всей области изучаемых вопросов и должна быть распространена на главную задачу экологии – определение места человека и его технической деятельности во Вселенной. После этого критического анализа останется некоторое количество философско-экологических подходов, которые будут основаны на качественных мировоззренческих различиях. Сделать выбор между ними на словесном уровне невозможно: их правота выявится в социокультурной практике.

А.Ф.Степанищев, заведующий кафедрой философии, истории и социологии БГТУ, в своих работах исследует проблемы содержания понятия «рациональность» в философии и науке, его эволюцию в ходе классического, неклассического и постнеклассического периодов развития философии и научного

знания. Прежде всего, исследованию подвергается научная рациональность, ее внутренние противоречия, ее развитие, а также влияние на функционирование науки и техники, общества и культуры, формирование новых проблем экологии. При этом техника и экологическая проблематика интерпретируются через различие техники и технологии двух сфер: материально-производственной и социально-гуманитарной (техника и технология социально-гуманитарной сферы включает в себя такие широко распространенные сегодня феномены как политические технологии, психотехники и т.п.). Развитие обоих видов техники и технологии, показывает А.Ф.Степанищев, порождает рост экологических проблем, связанных с такими важными феноменами как экология человеческой души, экология социоинформационной среды, психосемантическая безопасность и т.п. В этом узле проблем возникают новые задачи этики и философии науки и техники: каждый подход, по сути дела, исследует одну цепочку «наука – техника и технология – экология и культура», пусть и в разных аспектах.

Согласно исследованиям А.Ф.Степанищева, современная постнеклассическая философия характеризуется научно-философской рациональностью, а также рациональностью «философии коммуникативного действия», «биофилософии» и философии постмодерна. Следовательно, «полиморфизм» и «мультифинальность» современной философской рациональности, на которую справедливо обращают внимание постмодернисты, является лишь гранью ее целостного облика. Как уже было показано в трудах философов, наука в ходе своего развития прошла три сменявшие друг друга ступени – классическую, неклассическую и постнеклассическую. Им присущи свои виды рациональности. Но специфика нынешнего состояния философии пока еще редко ставится в связь с соответствующей ступенью развития науки. А.Ф.Степанищев в своих работах вносит вклад в ликвидацию этого пробела, прежде всего относительно исследования онтологических и логико-гносеологических оснований научного знания.

Тема научного и философского видения детерминизма служит предметом его анализа и приводит к осмыслению единства теоретических граней философской и научной рациональности. Согласно А.Ф.Степанищеву, основанием специфики рациональности философского и научного знания явилось сложившееся еще в античной философии двойственное отражение бытия как «мира горнего» и «мира дольного». Философской рациональности изначально присущ «событийный» взгляд на движение и развитие, а научной – «процессуальный». Развитие научной и философской рациональности характеризуется встречным движением: возможности философской рациональности дополняются «процессуальным» видением, а научной – «событийным». С этим встречным движением и связаны, по мнению А.Ф.Степанищева, этапы развития науки и философии. Характерный для периода классики разрыв между «событийным» и «процессуальным» видением сменился новыми этапами. В период неклассики философская рациональность смогла частично отразить еще и «процессуальные» аспекты движения, а научная рациональность смогла начинать исследование событий. Постнеклассическая рациональность уже в состоянии отражать единство «событийного» и «процессуального» в движении и развитии.

Ключевая роль в данном процессе принадлежит общенаучному знанию (вероятностные и статистические методы, теория систем, кибернетика и синергетика). В частности, с созданием синергетики рациональность общенаучного знания приобретает новую ступень целостности и начинает непосредственно взаимодействовать с философией. В новейшей философии наблюдаются типы рациональности, прямо связанные с постнеклассической наукой: рациональность научно-философского отражения всеобщей детерминации, рациональность коммуникативного действия, рациональность биофилософии. Постмодернизм (стремящийся отказаться от всей предыдущей философии и провозгласивший «закат метанарраций» – целостных моделей реальности, к которым относится и наука) представляет лишь одну из граней философии, абсолютизация которой представляется неправомерной. Итак, показывает А.Ф.Степанищев, научная рациональность уже выходит на тот уровень, который ранее был доступен только философии, а философская рациональность принимает участие в разработке научно-философской картины всеобщей детерминации.

Кандидат философских наук В.Г.Горбачев много лет занимается исследованиями в области философской антропологии, которая, по его словам, может стать основанием всей системы знаний и представлений о человеке. Философская антропология призвана быть основанием тех социальных практик, которые определяют становление и развитие человека и общества. Ее место – в центре антропологического познания, в качестве его мировоззренческих и методологических оснований. Данный статус предполагает, что философская антропология, оставаясь в общей системе философского знания, призвана решать ряд крупных теоретико-прикладных задач: формировать методологические основания научного познания человека; осмыслять и обобщать тот массив знаний и представлений о человеке, который накоплен (и продолжает накапливаться) в различных отраслях антропологического познания; и, наконец, сближать две сложившиеся формы антропологического познания – научное и вненаучное.

Для лучшего выполнения этой миссии В.Г.Горбачев предлагает развивать новую форму междисциплинарного знания – антропосоциальную философию. Объектом ее исследования станет антропосоциальная система «человек - общество». Исходная идея антропосоциальной философии – органичная взаимосвязь двух феноменов бытия – человека и общества и, соответственно, двух потоков знания – философской антропологии и социальной философии. Одна из ее важнейших задач – преодоление обособления (не говоря уже о противопоставлении) данных потоков. Еще одна задача – это сближение социального и гуманитарного знания, недопущение их изоляции по отношению друг к другу. Становление антропосоциальной философии станет одним из важных признаков обретения философской антропологией своего статуса, знаком активного развития междисциплинарных связей в современной философии. Связь человека и общества, считает В.Г.Горбачев, – это и есть реальное антропосоциальное единство, предполагающее постоянные диалектические взаимодействия, взаимопереходы сторон друг в друга, их взаимообусловленность и, конечно же, противоречия (иногда острые, конфликтные) в рамках этой целостности.

Антропосоциальная философия преодолевает слабости социальной философии, имеющиеся в ней (схематизм представлений, доминирование макропо-

нятий и т.д.). Она делает это, интегрируя в общественную жизнь живого человека, пытающегося создать для себя оптимальную социальную среду. Тем самым философская антропология и социальная философия дополняют и усиливают друг друга, способствуя недопущению разрыва между гуманитарным и социальным знанием. С другой стороны, антропосоциальная философия преодолевает и некоторые слабости философской антропологии, связанные с ее абстрактным пониманием человека, предельно общим представлением о нем.

В конечном счете, основная задача антропосоциальной философии – это преодоление разрыва во взглядах и представлениях, которые касаются единства человека и общества (которые на самом деле настолько взаимообусловлены друг другом, что в итоге образуют органичную целостность). С точки зрения антропосоциального подхода, реальная жизнь общества есть движение сущности человека к универсальному самовыражению и воплощению ее в разнообразных формах духовно-практической жизнедеятельности. Но, в то же время, жизнь общества означает также становление сущности человека, ее формирование в системе общественных отношений. Общество есть превращенное бытие природы человека как системы его качеств. В общественной жизни проявляются и воплощаются различные качества человека – его психологические черты, мышление, ценностные установки, отношение к миру, фантазия, воля, то есть все, что делает человека человеком, создает целостность его натуры и личности. Только творя мир общественных отношений, подчеркивает В.Г.Горбачев, человек может по-настоящему проявить свою природу, выявить и увидеть самого себя в социуме. Так он переводит свой внутренний мир во внешнее состояние, делая себя открытым для других людей. Общественная жизнь – это движение человека к самому себе как существу с универсальной природой в обществе как в антропосоциальном пространстве. В этом пространстве человек ищет и находит (или же не находит) возможности для своего становления в качестве человека и реализует эти возможности. Общественная жизнь – это единый антропосоциальный процесс, в котором человек и общество создают друг друга в ходе взаимодействия. Необходимость антропосоциальной философии – признак того, что сегодня философия переживает естественный процесс смены парадигм, преобразования и обновления своих методологических оснований.

Следует упомянуть также результаты философских исследований других философов Брянска: разработки, касающиеся философии техники, принадлежащие доктору философских наук А.Ф.Шустову, заведующему кафедрой философии БСХА; работы по философии права и политической философии, освещающие проблемы современной России и анализирующие предложенные модели ее модернизации, кандидата философских наук Т.М.Сычевой; труды кандидата экономических наук В.М.Михалева-Волоокова, который пытается понять природу пространства и времени, а также разрешить проблемы философии и богословия с помощью методов математического моделирования.

Таким образом, Брянское философское общество и существующая на базе его кадрового потенциала Брянская научно-философская школа социоприродных исследований продолжают свою работу, которая находится в основном русле главной проблемы современной философии – гуманизации общества.

Материал поступил в редколлегию 01.02.12

ББК 307 72.3 87.22

Э.С. ДЕМИДЕНКО

ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОГЕННОГО РАЗВИТИЯ МИРА

В 2011 г. вышла книга «Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины» (М.-Брянск, 2011. – 388 с.), авторы которой являются Э.С.Демиденко, Е.А.Дергачева, Н.В.Попкова. Она является пробным научно-энциклопедическим изданием по проблематике, которую исследуют в течение последнего десятилетия философы и ученые Брянской научно-философской школы исследований социотехноприродных процессов. Авторы не только собрали в книге актуальные статьи по философии техники и дали им свою интерпретацию, но и предложили десятки своих терминов и понятий, которые были введены в процессе исследований и дают представления, в каком направлении развивается современный мир – как человеческий, так и биосферный. Ниже публикуется статья Э.С.Демиденко, которая дает представление о совершенно новом направлении исследований.

Как известно, в настоящее время мир человека и мир биосферы стремительно развиваются, изменяются и трансформируются, что заставляет вести поиски основных факторов таких изменений, анализировать положительные и отрицательные последствия различного рода воздействий науки, машинной техники, техносферы, техногенных явлений в развитии и трансформации жизненных процессов. Это заставляет нас сформировать научно-философское видение различного рода изменений земной жизни, определить ее перспективы на ближайшее и отдаленное время. Мы также должны дать себе отчет и в том, что в философии техники, а тем более техносферы, техногенного развития общества и земного мира, никогда не существовало некой единой или одинаково понимаемой их роли в развитии жизни на нашей планете. Тем не менее, философы делают попытку на большом статистическом и социологическом материале высказать свое научно-философское понимание техники и техногенных процессов в современной эволюции биосферы и перспектив жизни.

В XX-XXI веках эволюция жизни органически связана, как никогда ранее, с усложняющимся техногенным общественным развитием, его характером, размахом, направлениями и целями деятельности, с достижениями науки и философии, с научно-философским осмыслением и пониманием современной эпохи и ее глобальных процессов и проблем. Речь идет о стремительно усложняющихся процессах не только общественного развития на основе использования достижений науки, технологий и техники, но и социотехноприродной эволюции земного мира. Ведущей стороной в развитии жизни на планете *выступает уже не биосфера* с ее накопившимися природными ресурсами в ходе саморазвития жизни, а *техногенный социум*, стремительно развивающийся и соответственно изменяющий биосферный мир, свое природное окружение.

В познании и осмыслении мира философия занимает свое определенное место. В отличие от наук, которые при изучении мира «разорвали» его на специфические части, именуемыми природными или социальными объектами со своими особенностями и законами развития, когда каждый объект изучения

отделен друг от друга определенными, хотя и условными, границами, философия изучает мир как единое неразрывно развивающееся целое. При познании мира философия, если она не собирается «витать в облаках», вынуждена опираться на достижения всех наук (а таковых, признанных научным сообществом, свыше пятисот). Но этого недостаточно: в поле философской рефлексии находятся ненаучные знания, социокультурные ценности, многовековой опыт развития человечества во взаимосвязи с миром и многое другое. Не только с башни одной науки, – пусть даже самой высокой, какой является сейчас, например, биология, – невозможно осмыслить эволюционирующий мир, но его нельзя всецело охватить мыслью и с «вавилонской башни» философии, и даже после суммирования и интеграции всех наук. Философия не является наукой наук, как иногда о ней говорят. Она все больше и больше играет интегрирующую роль, поскольку через ее «всеохватное око» с обобщающим видением явлений, процессов и событий философы и ученые способны проанализировать взаимодействующие части мира, схватить и описать их в виде системного эволюционирующего целого. Не случайно в Новое время начинает развиваться философия истории, затем – философия техники и науки, философия искусственного мира [5], а с начала XXI века – и философия техносферы [6] что позволяет этому «всеохватному оку» шаг за шагом продираться к содержанию и сущности изучаемого нами сложнейшего и далее стремительно усложняющегося мира.

С позиции всеобщего и проникающего вглубь охвата противоречивого бытия, его множасьих предметов и явлений в основном за счет развития бытия социального и духовного, сейчас исследуются достаточно много крупных и не очень крупных областей взаимосвязанной жизни природы и общества. С вершин же интегрированного философско-научного знания и мировоззрения анализируется и сама усложняющаяся и дробящаяся жизнь – биологическая, общественная, социоприродная, социотехногенная, социотехноприродная, а теперь уже и наступающая искусственная. Вспомним о философии жизни как философском направлении, сложившимся в последней трети XIX века главным образом в Германии и во Франции. Возникнув как оппозиция классическому рационализму и как реакция на кризис механистической картины естествознания, она утверждала понимание жизни как первичной реальности, как целостный процесс ее развития, исторического становления: но в то же время такой процесс завершался биологическим творчеством, которое не поддается рациональному осмыслению, поскольку она иррациональна в своей основе.

К сожалению, не только философы жизни в свое время, но и современная философия в целом при оценке сегодняшней жизни, и особенно ее перспектив, игнорирует достижения многих наук, рассматривает философское знание то как научное (почему-то упуская из виду сотни противоречащих друг другу философских систем), то как научное и специфическое, имеющее свой особый объект и предмет, отделяясь «забором» от достижений множества наук. Трагедия философов, разрабатывающих проблематику философии жизни, и заключается, прежде всего, в том, что они опирались на достижения биологической жизни и всю эволюцию жизни сводили к биологии, отбрасывая общественные и другие

науки. Современная философия, которая пытается получить ранг науки или же приписывает уже себе этот ранг (не понимая только, зачем это ей), игнорирует многие науки, свысока смотрит на них – учите, дескать, философию, без которой вы «как без воды – и не туды, и не сюды». А если заглянуть в глубины нынешних философских учений, то наука в ней «с боку припека». С одной стороны, она не может своим изолированным от наук мировоззренческим глазом охватить стремительно изменяющуюся картину мира, а с другой стороны, она без глубоких знаний, научных достижений вязнет в узкомировоззренческом околонаучном болоте. На защиту по философии выносятся полным-полно узкоспециализированных тем, которые далеки от сегодняшней изменяющейся и даже исчезающей на глазах нынешнего поколения биосферной жизни.

Рассмотрим только один пример. Существует социальная философия как теория развития общества и как методологическое учение для общественных наук, анализирующая общественную жизнь с философских, «всеохватывающих» высот. Нередко философы представляют ее как науку. Существует и социология как наука об обществе, которая пытается вывести закономерности, направления, перспективы своего развития сугубо из общественных отношений, т.е. «понять общество из него самого», как пытались понять жизнь философы жизни конца XIX – начала XX веков. Выстраиваются при этом системы земледельческого (традиционного), индустриального, постиндустриального, информационного общества... А «научная философия» вместо анализа взаимосвязей общества как подсистемы биосферной жизни с более высоким уровнем системы, т.е. биосферы, принимает выводы социологии, выводы, вытекающие только из взаимоотношений людей в обществе, не обращая внимания на то, как развившийся техногенный социум уничтожает биосферу, эволюционирующую миллиарды лет, какое направление этот социум дает развитию *живого вещества* (по Вернадскому), каковы перспективы биосферной и человеческой жизни. Эти «перспективы» обычно не выходят далеко за пределы споров, каким будет завтрашний мир человечества – капиталистическим с «обществом всеобщего благоденствия», или коммунистическим; а поскольку человечество делает поворот к капитализму, притом с его усиливающимся мировым кризисом, споры разгораются уже в ином ключе – будет ли общество по-прежнему капиталистически-эксплуататорским или станет «социальным капитализмом».

Без понимания современной философией всех коллизий взаимоотношений общества и природы, без понимания наступающей гибели биосферной жизни не может быть и реалистичных разработок моделей как развития общества, так и природы на перспективу. Без проникновения в глубины трансформации жизни под воздействием *техно, понимаемого как искусственное*, философия не может дать и рекомендаций науке, а точнее, – множеству отдельных наук и построенных на их основе практических дисциплин, которые, *в силу специфики развития либерально-экономической (рыночной) цивилизации, вовсе не нацелены спасти гибнущую биосферу, биосферную жизнь на нашей планете, а обучают миллионы и миллионы молодых людей, как изъять последние биосферные ресурсы из недр Земли, чтобы в виде несметных богатств бро-*

сидеть их под ногами сверхбогачам современного мира – миллиардерам, мультимиллионерам, проходимцам, потерявшим элементарную совесть политикам. Разве это гуманно или даже терпимо, когда тысяча, всего лишь «лидирующая» тысяча семей миллиардеров и части мультимиллионеров, обладает такими богатствами, как более 4-х млрд беднейших людей на земном шаре. И делается современное производство под маркой «заботы о народе», не осознавая то ли в силу своей глупости, то ли в силу своей «обжорности», интеллектуального бандитизма, что и своим детям и внукам не оставляют эти современные богачи никаких шансов на жизнь, не говоря уже о жизни полноценной.

Если К.Маркс и Ф.Энгельс свой коммунизм выводили из общности человеческой жизни, из социального равенства и гуманизма, товарищества, то идеология либерально-экономического общества исходит из юридических прав отдельной личности, которая сегодня все больше и больше пронизывается насквозь индивидуализмом и эгоизмом. Следует также заметить, что последователи марксизма основу общественного прогресса видели прежде всего в изменениях в способе производства материальных благ, и сам способ производства рассматривался с классовых позиций – как осуществляемый переход от классово-антагонистического капиталистического к бесклассовому обществу, коммунистическому. При этом переоценивалось значение производственных отношений и существенно недооценивалась технико-технологическая и организационная сторона человеческой деятельности, тогда как государственные или общественные формы собственности автоматически не приводят к рационализации производственной или иной деятельности, росту богатств.

Особую роль в современном повороте от социализма к капитализму в бывшем СССР и европейских социалистических странах сыграли сами перемены в образе жизни и сознании, связанные со стремительной индустриализацией и урбанизацией. Население, покидающее село и сельскую общину и перебирающееся в города, особенно крупные, вначале маргинализировалось, а затем, по мере городской социализации, индивидуализировалось и эгоизировалось. Города переплавляли сельского, общинного человека в индивида уже с иным не только мирозерцанием, мировоззрением, но и иными цивилизованными потребностями и интересами. И если Х.Ортега-и-Гассет писал о том, что новый человек рожден эпохой либерализации и научно-технического развития в XIX в., то еще более значимым фактором становления нового человека в XX столетии стала урбанизация и последовавшая за ней техносферизация человеческой жизнедеятельности. Ежечасно и ежеминутно рождаемый новой цивилизационной действительностью «массовый человек» становится историческим субъектом инновационного творения нового общественного организма, а посредством дальнейшей социализации – и нового творческого человека. «Человеку массы» мало удовлетворять свои потребности и интересы по минимальным или даже средним жизненным потребностям: он ориентируется на элитные потребности и интересы не только элиты своего государства, но и наиболее развитых стран мира, т.е. центрального, господствующего в мире капитализма.

На смену формационной теории общественного развития в середине XX века приходит теория индустриального общественного развития, на базе которой в свою очередь в 70-е и последующие годы формируется метатеория постиндустриализма, созданная в своих основных чертах Д. Беллом, американским экономистом и социологом. В теории формационного развития предполагалось: на протяжении истории сменяют друг друга первобытное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и социалистическое общество с перспективой формирования коммунистического, то есть историческая смена общественных систем органически связывалась с закономерными социально-экономическими изменениями в единстве с классовыми. Теории индустриального и постиндустриального общества базируются на таких факторных началах, когда основную роль играют технологические и собственно экономические элементы. В аграрно-традиционном обществе лидирующим и массовым видом деятельности является земледелие, в индустриальном – промышленность, в постиндустриальном – сфера услуг с ее сердцевиной: научным, образовательным и информационным обслуживанием. Благодаря научно-технической революции и перестройке капитализма на историческую арену выходит средний класс со своей интеллектуальной собственностью, который не только не исповедует коллективность жизнедеятельности, но более того – всецело пропитан индивидуализмом и эгоизмом. В странах бывшего социализма процессы индивидуализации и эгоизации являлись итогом урбанизации, сокращения промышленного сектора экономики и увеличения сферы услуг, особенно массовой интеллектуальной деятельности. Становится общепризнанным, что теория постиндустриализма более объективно описывает вектор общественных процессов, чем формационная теория, она более реально отражает развитие социума под воздействием научно-технической и информационно-коммуникативной революций, охвативших практически большинство регионов мира. Но обе метатеории страдают одним недостатком: они рассматривают социум только как открытую систему в природно-биосферном окружении и тем самым, по сути, игнорируют в своих исследованиях и расчетах складывающуюся социально-биосферную целостность, в границах которой и развивается социум, игнорируют диалектику эволюции – этого противоречивого единства общества и природы.

Со второй половины XX века особенно сильно начали развиваться и обостряться глобальные проблемы, которые являются следствием бесконтрольно развивающихся глобальных процессов – индустриализации, урбанизации, техносферизации, научно-технической революции, информатизации и ноосферизации планеты, стремительного роста ее населения и особенно потребностей и интересов. Становится ясным, что давление разросшейся и утвердившейся при помощи научно-технических производительных сил (наукотехники) общественной системы (которая еще недавно рассматривалась как подсистема биосферы) на всю земную природу по своим масштабам превышает возможности природно-биосферной среды на свое самовосстановление. Именно в нарастающем дисбалансе между увеличивающимися антропогенными воздействиями на земную природу и в силу этого заметным снижением биосферного саморазви-

тия кроется угроза уничтожения социально развившимся человечеством биосферы как природно-исторической системной целостности.

Падение естественной продуктивности биосферы на протяжении многих последних десятков миллионов лет дополнилось быстро возрастающим антропогенным прессом, что и вызвало эволюционный глобально-экологический кризис, ведущий к быстрому уничтожению биосферы. По оценкам Н.Ф. Реймерса, за весь период развития человечества потеряно примерно 40% биосферного живого вещества; по нашим оценкам, за последние два столетия промышленного развития биосфера потеряла около трети активных своих частей, т.е. живого вещества, гумуса в обрабатываемых землях и биогенного вещества (органики) в недрах Земли. Если бы шел естественный процесс падения продуктивности биосферы и дальше, то ее хватило бы на 3-4 млн лет (по оценке М.И. Будыко) [4, с.40], а при активной «помощи» человечества деструктивным факторам она может умереть в течение третьего тысячелетия, если не раньше – на протяжении первых 3-5 веков 3-го тысячелетия. За истекшие два столетия техногенного индустриального развития (XIX-XX века) произошли крупные изменения социального и природного плана, что практически изменило весь характер развития жизни на земном шаре. В космических временных рамках это можно назвать «земной катастрофой» как для биосферы, так и для биосферной жизни, включая и человеческую жизнь. Небывалый за два века рост численности населения Земли (в 6 раз – до 6,0 млрд человек), рост численности городского населения (почти в 70 раз – до 3 млрд человек), еще более высокие темпы роста и удовлетворения человеческих потребностей за счет земной природы, формирование техносферы как материально-искусственного мира, масса которой стала сопоставимой с массой биоты, стремительная социализация человека и земной природы – важнейшие составляющие системы факторов такой катастрофы. В итоге составные части биосферы и ее энергетика разрушаются примерно в 10 раз быстрее, чем восстанавливаются живыми организмами, а разрушение почв во второй половине XX в. шло в 30 раз быстрее, чем в доиндустриальную эпоху [3, с.158-203]. «Технологическое развитие цивилизации стало носить катастрофически быстрый, а по меркам геологического времени, – отмечает А. Кацура и З. Отарашвили, – взрывной характер... При этом надо иметь в виду, что суммарная мощность производства в мире удваивается каждые 14-15 лет, т.е. антропогенная деятельность по своим масштабам и интенсивности стала не только соизмеримой с природными геологическими процессами, но и существенно их превосходит» [4, с.40]. Если техническая деятельность обусловлена человеком, его многообразными потребностями и мотивами, то и человек по мере возрастания мира техники и техносферы все в большей степени обуславливается последними. Это особенно подтверждается катастрофическим падением состояния здоровья и деградацией населения в крупнейших городах мира и городских агломерациях, распространением так называемых «цивилизационных болезней» в индустриальных странах. И если теории формационного развития, индустриализма, постиндустриализма, постмодернизма и многие другие концентрируют свое внимание на саморазвитии социума, то в настоящее

время возникает настоятельная необходимость в исследовании взаимосвязанного развития социума и биосферы как единой системы жизни, которой они на самом деле являлись на протяжении сотен тысячелетий и являются сейчас.

Как известно, биосфера, социум, литосфера, педосфера, гидросфера, атмосфера, мантия и т.п. представляют собой компоненты развивающейся Земли. При этом нельзя не учитывать, что открытая система Земля имеет свое космическое окружение, воздействующее как на планету в целом, так и на ее составные части. Если планета и ее компоненты постоянно изменяются, то космические условия относительно стабильны. В свою очередь, и человечество на определенном этапе развития становится важнейшим компонентом биосферы, в решающей мере определяется законами ее развития. Без понимания системности более высокого (т.е. обширного) порядка, чем общественный организм, мы не можем не только получить реальную картину сегодняшнего развития социума, но и сделать прогноз на ближайшую и отдаленную перспективу.

В связи с этим основой наших исследований мы выбрали *системный социоприродный подход*, который в сочетании с другими подходами – микроисторическим, цивилизационным, формационным, постиндустриальным, с оправдавшими себя методами – диалектическим, историческим, эволюционным, системным, синергетическим, факторным и т.п. позволяет, с одной стороны, получить более реальную картину взаимосвязанной эволюции биосферы и человечества в XX-XXI веках, а с другой стороны, наметить действенные меры по сохранению биосферы и биосферной жизни. Своими корнями системный социоприродный подход уходит к исследованиям В.И.Вернадского, Э.Леруа, П. Тейяра де Шардена и Н.А.Бердяева. В первой половине и середине XX века они не только показали органическую связь в развитии человечества и земной природы, но и возрастающую роль социума и коллективного человеческого разума, науки в социоприродном развитии. Речь идет о том, что современные жизненные процессы на нашей планете, будь то жизнь человечества или биосферы, представляют собой антропосоциоприродное единство, определенную развивающуюся целостность «общество-человек-природа», в которой социальная форма жизни переподчиняет себе нарастающим образом биосферные формы. И подход к изучению многообразных и взаимосвязанных процессов жизни должен быть, на наш взгляд, адекватным. Осознавая опасность нарастающей дисгармонии между общественным и природным развитием, между человечеством и биосферой, философы и ученые пока что рассматривают нарастающую дисгармонию в отрыве от единого эволюционного потока жизни на планете, разделяя этот поток на две самостоятельные системы, хотя и взаимодействующие – на социум и биосферу, естественную природу. Если мы обратимся к социально-экологической проблематике, то в общественном сознании она ассоциируется со спасением естественной природной среды от разрушений и ликвидации антропогенных загрязнений в ней. Поскольку экологами в большинстве являются биологи, не знающие закономерностей и характера общественного развития, то за пределами их изучения и осмысления находится, по сути, развившийся *системный эволюционный кризис глобального масштаба* (Л.В.Лесков). Простых

решений от его избавления не существует, и новой реальностью социоприродного развития должны в равной степени заниматься как социологи, так и биологи. Делая упрек биологам, следует сказать, что и социологи пока что глубоко не изучают новую социально-искусственную и социоприродную реальность, а традиционно концентрируют внимание на социуме и внутриобщественных взаимодействиях. В то же время эволюционный кризис и многие другие кризисные явления привлекают внимание ряда философов и ученых – и в этом направлении проводятся немногочисленные исследования. Авторы книги при анализе техногенного общества опираются не только на труды В.И. Вернадского, но и его последователей – Э.В. Гирусова, А.М. Ковалева, Н.Н. Моисеева, А.Д. Урсула, Ю.В. Яковца, А.Л. Яншина, в значительной степени развившие идеи патриархов ноосферы и выдвинувших свои концепции социоприродной эволюции, а также на новаторские идеи социоприродных взаимодействий и трансформаций современных исследователей – В.А. Кутырева, А.П. Назаретяна, Ю.В. Олейникова, А.А. Оносова, В.И. Пантина, Т.В. Столяровой и др.

В.И. Вернадский отмечал не только возможность возникновения нового этапа социоприродного развития, но и его закономерное наступление по мере геохимического воздействия человечества на биосферу. Человечество – часть биосферы, но оно активно преобразует природные условия с помощью коллективного разума и организованного труда. «Научной мыслью и государственно организованной, ею направляемой техникой» люди формируют новую биогенную силу, воздействуя создаваемыми орудиями на «косную, сдерживающую его среду биосферы» и творя ноосферу. «С человеком, несомненно, появилась новая... геологическая сила на поверхности нашей планеты, - считал он. – Равновесие в миграции элементов, которое установилось в течение геологических времен, нарушается разумом и деятельностью человечества» [2, с.215]. Технологическая деятельность человечества оценена В.И. Вернадским в целом как позитивно воздействующая на биосферу; им подчеркивалось, что в результате создаются благоприятные условия для заселения областей, куда раньше не проникала биологическая жизнь [1, с.256-260]. Вместе с тем В.И. Вернадский так и не пришел к окончательному выводу относительно начального рубежа ноосферизации планеты: то он указывает на середину XX в., когда научная мысль становится геологически заметным фактором, то на возникновение человека как биологического вида, с рубежа которого начинает формироваться его разум и воздействие на биосферу [1, с.409]. Кроме того, он постоянно колебался между сознательно организованным и стихийным, закономерным формированием ноосферы [1, с.252-253].

Системный социоприродный подход исходит из понимания *двух основных стадий в развитии жизни на Земле – биосферно-биологической и социально-биологической*. Биосферно-биологическое развитие жизни на протяжении 3,5-3,7 млрд лет завершается формированием биосферного человека, который в кратчайшие по космическим меркам сроки – в пределах одного миллиона лет, или 0,03% всего периода формирования и развития биосферы – создал общество со своей специфической социальной жизнью. И далее мы на протяжении

развития человечества можем выделить четыре качественно различные ступени формирования *собственно социальной* жизни. *На первой ступени* – собирательного способа производства – человечество из элемента биосферной системы превратилось в подсистему, развиваясь преимущественно по природным законам. В этот период, длившийся многие сотни тысяч лет, человечество уничтожило значительную часть крупных животных на планете, подорвало свой основной ресурс питания и вынуждено было перейти от экономики собирательства к производящей экономике. *На второй ступени* развития, со становлением земледелия, начинается заметное ответное воздействие на самый чувствительный элемент природы – биосферные почвы с помощью биологических, или естественных, производительных сил, какими являются человек и одомашненные животные. Примерно за 10 тыс. лет аграрно-традиционного производства (до 1800 г.) человечество уничтожило 1,5 млрд. га почв, или около трети пригодных для земледелия земель на земном шаре. В этот период мы можем говорить о *природно-социальной детерминации* общественного развития, хотя воздействие человечества на биосферу практически ограничилось на основе биосферных взаимодействий, поскольку общественный организм не приобрел еще научно-технических производительных сил, а 98% социальной энергетики еще в 1800 г. приходилось на человека и одомашненных животных., тогда как сейчас такая доля приходится на техноэнергетику. Выход на арену социально-природных закономерностей начал осуществляться в XV-XVIII веках, когда преиндустриальное развитие породило промышленную революцию, после чего человечество перешло к промышленному способу производства общественной жизни, или *третьей ступени развития*, с которой начинается, по сути, техногенное развитие. И, наконец, с научно-технической революции середины XX века началась *четвертая ступень развития* человечества на основе научно-технологического способа производства, когда формирующийся глобальный социум выходит из подчинения биосферы, ее законов и начинает развиваться на своей собственной научной и технико-технологической базе и активно переподчинять биосферу своим потребностям и интересам. Подорванная биосфера в ходе техногенного развития практически прекращает свою дальнейшую самостоятельную эволюцию, передавая функции творения постбиосферного биологического мира техногенному социуму [3, с.99-134].

Нынешнее социоприродное развитие, где главную роль начинает играть социум, а не биосфера, как это было на первых трех ступенях развития человечества, весьма сходно с развитием биосферных эр: каждая восходящая новая эра строила свой биологический, более совершенный мир за счет материала предыдущей эры. И сейчас социальная форма жизни строится в основном за счет материала биосферы эры кайнозоя, длящейся уже примерно 70 млн лет; человечество создает теперь и свое окружение, соответствующее ее сути и содержанию; и таким окружением становится сейчас искусственно-естественная среда с перспективой формирования глобальной инфо-техносферной.

На наш взгляд, пришло время более широких научных и философских обобщений, в рамках которых единичные и даже многие глобальные тенденции

современной переходной эпохи могут быть осмыслены на основе *наиболее общих закономерностей социально-техногенного развития земного мира*, которые в определенной мере выявлены и описаны философами и учеными. Среди таких закономерностей мы можем назвать процессы усиления роли техники в общественном (К.А. Сен-Симон, К. Маркс, Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, Р. Дарендорф и др.) и социоприродном (Х. Ленк, В.Г. Горохов, В.М. Розин, Н.В. Попкова) развитии, социализации биосферы, перехода биосферы в ноосферу (В.И. Вернадский, Э. Леруа, А.Д. Урсул, А.Л. Яншин); воздействия коллективного онаученного разума на развитие живого вещества и биосферы планеты в целом (В.И. Вернадский, Н.Н. Моисеев); расширения и обогащения человечеством биогеохимических процессов и биогенного переноса атомов в биосфере за счет введения новых химических веществ (В.И. Вернадский); нарастающего и опасного воздействия современного общества на биосферу (Э.В. Гирусов, Н.Ф. Реймерс); перехода естественного мира в искусственный, то есть созданного человечеством (П. Тейяр де Шарден, Н.А. Бердяев, Э.С. Демиденко, В.А. Кутырев); формирования постбиосферного, то есть техно-ноосферного и биотехнологического живого вещества, а также первой постбиосферной эры – эры ноозоя (Э.С. Демиденко); техногенного и постчеловеческого технобиосоциального существа (Э.С. Демиденко, В.А. Кутырев, Ф. Фукуяма); формирования научно-технологического способа производства общественной жизни (А.М. Ковалев); нарастающего ухода биосферы и человека в антропогенный период от естественного состояния (А.П. Назаретян); техногенного развития общества и планеты (В.С. Степин, Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева); формирования техносферы и техногенной жизнедеятельности разумных существ и биологических организмов в процессе урбанизации и техносферизации планеты (Э.С. Демиденко, А.Д. Иоселиани, Н.В. Попкова), перехода от биосферной к техносферной детерминации общественной жизни (Н.В. Попкова), становления техногенной рациональности жизнедеятельности людей и социотехноприродной глобализации (Е.А. Дергачева); нарастающей социализации и ноосферизации жизни и необходимости ноосферного проектирования социоприродной эволюции (Ю.В. Олейников, А.А. Оносов); усиливающегося системно-интегрированного социотехноприродного развития земной жизни (Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова); техногенной трансформации человека с развитием социальных и деградацией природных качеств (Э.С. Демиденко).

Опираясь на эти и многие другие закономерности социоприродного развития земного мира, формируется теория техногенного общества и развития земного мира. Речь идет о раскрытии системы действующих закономерностей в ходе техногенных преобразований на основе индустриального, а затем и научно-технологического способа производства общественной жизни. Это вовсе не означает, что земной мир в будущем будет развиваться на основе познанных многими философами и учеными и сгруппированных нами выше закономерностей. Поскольку техногенное развитие ведет к деградации биосферы, биосферной жизни и биосферного человека, то задача заключается в том, чтобы, с одной стороны, *познать основной вектор нынешнего развития земного мира*, а с

другой – выработать такие направления и условия человеческой жизнедеятельности, которые позволили бы гуманизировать развивающийся мир, сохранить биосферу, биосферного человека, биосферную жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И.Вернадский. – М., 2003.
2. Вернадский, В.И. Очерки геохимии / В.И.Вернадский. – М., 1934.
3. Демиденко, Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э.С.Демиденко. – М., 2003.
4. Кацура, А. Экологический вызов: выживает ли человечество / А.Кацура, З.Отарашвили. – М., 2005.
5. Кутырев, В.А.Естественное и искусственное: борьба миров / В.А.Кутырев. – Н. Новгород, 1994.
6. Попкова, Н.В. Философия техносферы / Н.В.Попкова. – М., 2007.

Материал поступил в редколлегию 01.02.12

ББК 72.3

В.Г.ГОРБАЧЕВ

АНТРОПОСОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ФОРМА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ЗНАНИЯ

Рассматривается антропосоциальная философия как форма междисциплинарных исследований и соответствующих ей знаний. Автор исходит из необходимости недопущения разрыва между социальным и гуманитарным знанием.

Сегодня мы говорим не только об активном становлении отечественной философской антропологии, но и о ее *современной форме* как относительно самостоятельной области философского познания и знания. Впрочем, надо заметить, что и до сих пор (хотя и редко) встречается мнение, будто бы философская антропология вовсе не должна иметь такого статуса, в том числе и в структуре «вузовской» философии. Мотивируется это тем, что поскольку человек в основе своей – существо социальное, живущее в обществе, то и его проблемы могут разрешаться (в теоретическом смысле) в рамках социальной философии, а в целом – в сфере научной формы философского знания. Конечно, в социальной философии имеются огромный познавательный потенциал и богатые традиции. Она всегда имела очень большой вес и влияние в системе знаний. Но ведь социальная философия и философская антропология – это разные области теоретизирования. У них разные объекты, они ставят и решают разные задачи, и говорят они тоже на разных (хотя и «пересекающихся») языках.

Изложенное вовсе не означает нашего намерения противопоставить социальную философию и философскую антропологию. На самом-то деле лучше было бы их сопоставлять и выявлять линии их взаимодействия, не отождествляя,

разумеется, их друг с другом. При таком сопоставлении их синтезом явится *антропосоциальная философия* как форма междисциплинарного знания.

Очевидно, что человек вне общества – почти ничто, всего лишь биологический организм, но ведь и общество без человека – тоже почти ничто, всего лишь пресловутая «социальная среда». Они взаимно проникают друг в друга, определяя себя через свою противоположность: человек – через общество, а общество – через человека. Все это есть безусловный онтологический факт, в связи с чем будет уместным говорить об антропосоциальной системе «человек-общество» как объекте исследования. В нашем представлении, исходная идея антропосоциальной философии – это идея органичной взаимосвязи двух феноменов бытия – человека и общества и, соответственно, двух потоков знания – философской антропологии и социальной философии. Одна из ее важнейших задач – преодоление возможного, но неуместного обособления (не говоря уже о противопоставлении) данных потоков. Еще одна задача – это сближение социального и гуманитарного знания, недопущение их изоляции по отношению друг к другу. Становление антропосоциальной философии – один из важных признаков обретения философской антропологией своего статуса, знак появления в современной российской философии новых веяний и умонастроений, признак активного развития междисциплинарных связей.

Известно, что на рубеже 80-90-х годов XX века в отечественной философии и в общественном знании стала происходить активная и неуклонная смена исследовательских парадигм. Это был переход от так называемого формационного подхода с его акцентом на определяющей роли способа материального производства (и, соответственно, простого физического труда) в историческом процессе к подходу цивилизационному, который предполагает непрременный учет универсальной жизнедеятельности живого человека, всей его субъективности в историческом процессе. В связи с этим исследователи стали подчеркивать особо важную роль таких сфер жизни общества, как культура, образование и воспитание, наука, социальная политика, а также вести речь о человеческом потенциале. По сути дела, цивилизационный подход представал как «возвращение» человека в социально-философское знание, в науки об обществе и его истории, как наполнение этих форм знания необходимым антропологическим содержанием. Накопившееся к началу 90-х годов кризисное состояние общественности преодолевалось поисками новых для него оснований (методологических, идейных, организационных и иных). Единой строгой методологии социального познания уже практически нет, а новая еще не сложилась. Одна из причин такого кризиса – те догматические принципы, которые были заложены в советское время в науки об обществе и его истории: то была, по выражению В.Кудрявцева, «эра неприкрытого догматизма» в соответствующих науках [4, с. 28]. На грани перехода между двумя важнейшими метатеориями XX века (формационная и цивилизационная) стали появляться и иные методологические подходы к познанию общества и его истории («социоприродный», «социокультурный» и иные), разрабатываться соответствующие им идеи и концепции.

Широко распространились идеи, связанные с концепцией постиндустриального («постэкономического») общества, с осмыслением глобальных процессов и проблем современности. Получили развитие и те взгляды, которые принято обозначать термином «постсоветский марксизм». Все это было очень важно, поскольку к началу 90-х годов в отечественном обществознании прежней единой методологии фактически уже не было (догматизм в социальном познании стремительно рушился), а новые подходы, однако, еще нуждались в своем обосновании, оформлении и признании. В работах 90-х и последующих лет человек постепенно стал восприниматься тем, чем он по-настоящему и должен быть – и источником исторического прогресса, и его воплощением, и его важнейшим критерием. В социальном и историческом процессе стали видеть и раскрытие человеком своей деятельной сущности, и процесс ее становления в ходе универсальной самодеятельности. Общественная жизнь, история в целом стали восприниматься как процесс, имеющий под собой антропологические основания – жизнедеятельность человека, выражение им творческих начал своей сущности. Обществознание все чаще стало вести речь о *человеческом потенциале* как подлинном источнике социально-исторического процесса.

Человек, таким образом, начал открываться с точки зрения своей многомерности – и как субъект, и как объект в одном лице. Несомненно, это способствовало становлению методологической базы философской антропологии. На одном из состоявшихся в редакции журнала «Вопросы философии» круглых столов отмечалось, что сегодня речь идет уже не столько об интеграции социально-гуманитарного знания, сколько о новой методологии познания. Это – методология «антиредукционистского типа», которая призвана уходить от когда-то сложившихся достаточно жестких рамок и перегородок между человеком и обществом, проявляя себя на стыке различных исследовательских логик в рамках междисциплинарных взаимодействий. В таком случае имеющие место «социализация» философии и «философизация» наук о человеке и обществе, сближение социального и гуманитарного познания проявят себя как тенденции, органично соответствующие данной методологии. За философией же будет оставаться решение общей задачи – «панорамизация проблемы», т.е. целостное ее восприятие на основе обобщенного синтеза разнообразного знания [5, с.3-39].

По сути дела, подобная трансформация методологии социального познания явила собой, как отмечают исследователи, своего рода «социально-философский поворот» [3, с.62]. Его суть – переход от «социологического редукционизма» (человек как «продукт» общества) к альтернативной методологии мышления: возврат человека в общество в качестве подлинного субъекта, признание особой роли потенциала его качеств, неприменимый учет так называемой повседневности человеческого бытия, внимание к логике и содержанию индивидуальных взаимодействий между людьми. Отмеченный социально-философский поворот есть в конечном счете выражение произошедших в нашей стране изменений под влиянием реформ 90-х годов XX века и последующего времени. Если же быть более точным, то, на наш взгляд, объективной основой смены парадигм в социальном познании стала демократизация россий-

ского общества и, как ее результат, возрастание роли активной суверенной личности в жизни общества (этот процесс стал активно происходить еще в годы советской перестройки 1985-91 гг., заявив о себе в форме концепции «человеческого фактора»). В связи с этим можно сказать, что именно становящаяся демократия возвращала человека и в само общество, и в философское знание об обществе. В теории наступал конец «экономического человека» - существа, который для общества выступает преимущественно как функция материального производства, придаток к нему. Конец этого человека означал, соответственно, и глубокий кризис тех оснований, на которых держалась социальная философия, все обществознание советского времени. Догматизм обнаружил свою несостоятельность, уступая дорогу новым методологическим подходам и идеям.

Новое, постсоветское время, привнесло с собой методологическую переориентацию в познании традиционных проблем обществознания – таких, как «человек и общество», «человек и государство», «человек и история» и т.д. Поиски новых подходов и ориентиров в социальном познании нашли свое широкое освещение, в частности, в специальных периодических изданиях (см. об этом: Формации или цивилизации? // *Вопр. философии.* – 1989. - № 10; Шевченко В.Н. Возвращение в цивилизацию или поиск реального пути? // *Филос. науки.* – 1991. - № 1; Алтухов В. Философия многомерного мира // *Обществ. науки и современность.* – 1992. - № 1; Кудрявцев В. Общественные науки сегодня // *Своб. мысль.* – 1992. - № 13; Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество: материалы «круглого стола» // *Вопр. философии.* – 2000. - № 1; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социальная философия постсоветского марксизма в России: ответы на вызовы XXI века // *Вопр. философии.* – 2005. - № 9).

В современной философской литературе об общественной жизни все более укорененной становилась мысль о том, что, по словам В.Е.Кемерова, «толкования любых связей социального процесса оказываются неполными, если они не доводятся до уровня взаимодействий человеческих индивидов». При рассмотрении проблем социальной философии вопрос о человеке, как агенте социального процесса, должен помещаться не на периферию, а непременно «в центр социального мировоззрения и методологии» [2, с.9]. Ученый пишет, что в свое время в философии (в том числе и в отечественной) сложилось такое ее свойство, как трансцендентальность – отсутствие социально-человеческого обоснования всеобщих философских категорий, выведение за рамки познания бытия конкретных человеческих индивидов как важнейший признак социального бытия. Такая методология – методология общих, абстрактных форм – проникла и в социальную философию, которая из-за этого стала в итоге «усеченной», «надчеловеческой» социальной философией, оторванной от гуманитарного знания. По сути дела, это – своего рода схоластика, проникшая в социальную философию [2, с.14]. В социально-философской литературе (даже вполне добротной для своего времени) полагалось, как правило, что исходной детерминирующей и структурообразующей клеточкой социального процесса является «производственно-трудовой цикл», из которого предлагалось выводить практи-

чески все: сущность социального процесса, структуру социальных общностей и самой личности, институты общества, все виды человеческой жизнедеятельности [1, с.12-13]. В такой методологической схеме места для свободы личности и ее самовыражения, увы, не находилось. Думается, что предлагаемые сегодня новые познавательные подходы более разумны. Известный тезис о социальной обусловленности человека убедителен, признан и широко распространен в научном познании, но ведь столь же убедительным должен быть и тезис об антропологическом измерении общества, всех сфер его реального существования. Особенно это касается современного общества, которое логикой своего развития все более настойчиво превращает человека в свою самоцель – и на уровне идеологии, и на уровне конкретных социальных практик (хотя на уровне практик эта тенденция проявляет себя противоречиво, неоднозначно). Актуальность такого измерения активно стала провозглашаться и в идеологиях современного российского общества, которое в начале 90-х годов встало на путь радикальной социальной трансформации. В связи с этим со временем стали вести речь уже не столько о человеческом факторе как субъекте истории (как это было в годы советской перестройки), сколько о «человеческом измерении» проводимых в стране реформ и столь же человеческом их содержании.

Что касается повседневной жизни, то в ней взаимосвязь человека и общества очевидна и воспринимается обычно как некая эмпирическая реальность, которая не требует никакого теоретического обоснования. Тысячами нитей человек, т.е. каждый из нас, связан с другими людьми – с членами своей семьи, с соседями, коллегами по работе и т.д. Даже ситуативные, временные связи – и те ведь включены в общий поток общественной жизни, и поэтому не могут быть рассмотрены вне ее рамок. Многогранная связь человека и общества – это и есть реальное *антропосоциальное единство*, предполагающее постоянные диалектические взаимодействия, взаимопереходы сторон друг в друга, их взаимообусловленность и, конечно же, противоречия (иногда даже очень острые, конфликтные) в рамках этой целостности. Что же касается философского или же конкретнонаучного познания этого единства, как некоего онтологического факта, то оно, конечно, требует своего обоснования. По сути дела, антропосоциальная философия преодолевает слабости социальной философии, имеющиеся в ней (и естественные для нее) схематизм представлений, доминирование макропонятий и т.д. Она делает это, интегрируя в общественную жизнь живого человека, деятельного и ищущего, пытающегося создать для себя оптимальную социальную среду или же изменить существующий порядок вещей. Тем самым философская антропология и социальная философия дополняют и усиливают друг друга, способствуя недопущению разрыва между гуманитарным и социальным знанием. С другой стороны, антропосоциальная философия преодолевает и некоторые слабости философской антропологии, связанные с ее абстрактным пониманием человека, предельно общим представлением о нем.

На наш взгляд, в конечном счете основная задача антропосоциальной философии – это преодоление потенциально возможного разрыва во взглядах и представлениях, которые касаются единства человека и общества. Речь идет о

воспроизведении связки «человек-общество», составляющие которой на самом деле в своей объективной действительности настолько взаимообусловлены друг другом, что в итоге образуют органичную целостность. Исходные идеи и подходы философской антропологии могут и должны быть преломлены, как мы заметили выше, при исследовании антропосоциальной системы «человек-общество». С точки зрения антропосоциального подхода, реальная жизнь общества есть движение сущности человека к универсальному самовыражению и воплощению ее в разнообразных формах духовно-практической жизнедеятельности. Но с другой стороны (и в то же время), жизнь общества означает также и становление сущности человека, ее формирование в системе общественных отношений как пространства существования человека. Общественная жизнь – это движение человека к самому себе как существу с универсальной природой, которая (природа) потенциально предполагает столь же универсальное существование человека в обществе как антропосоциальном пространстве. В этом пространстве человек ищет и находит (или же не находит) возможности для своего становления в качестве человека и реализует эти возможности.

Антропосоциальный подход, основы которого мы декларируем и раскрываем, призван выявить и объяснить не только глубинные истоки общественной жизни, но также ее реальное содержание и внутреннее строение (структуру). Исток общественной жизни – живой человек во взаимосвязях с другим человеком. Ее реальным содержанием является становление и самовыражение человека в качестве человека. Ее внутреннее строение – это, прежде всего, основные сферы жизни общества, в которых человек выражает свою творческую сущность. Так, в сфере материального производства он выступает как труженик, изготавливающий орудия труда и применяющий их для обработки природных и искусственных материалов, создающий для себя необходимые предметы потребления. В социальной сфере человек пытается выстроить отношения с себе подобными (хотя и различающимися по своему социальному статусу) существами, которые объединены в те или иные социальные группы (общности). В политической сфере человек проявляет свое стремление к участию в делах государства, в управлении обществом, в иных формах деятельности. В сфере же духовной жизни человек обнаруживает себя как существо, жаждущее истины, устремленное к познанию и самопознанию, создающее смыслы, цели и идеалы своего бытия. Он проявляет свою творческую сущность и в других сферах жизни общества – в семейно-бытовой, правовой, культурной и т.д. *Общественная жизнь – это единый антропосоциальный процесс, в котором человек и общество создают друг друга в ходе взаимодействия.*

В нашем представлении, антропосоциальная философия есть своеобразный признак того, что сегодня философия человека и философия общества переживают естественный процесс смены парадигм, преобразования и обновления своих методологических оснований. Философская антропология словно бы «опускает» человека на «землю»: возвращает его из сферы предельных абстракций в мир повседневного антропосоциального бытия, наполненный разного рода реальными проблемами и угрозами, отягощенный неопределенностью

своего будущего и бременем острой необходимости выживания. Социальная же философия, со своей стороны, определяет свои исходные методологические позиции и, рассматривая бытие человека в обществе, не упускает из поля зрения коренные антропологические проблемы, рождающиеся на почве социальных процессов и в контексте конкретных социальных институтов. В специальной литературе общество обычно рассматривается как социальная система, являющая собой высший уровень самоорганизации материального мира. С точки же зрения антропосоциального подхода, общество следует рассматривать несколько иначе - как антропосоциальное пространство. Что именно это означает?

Во-первых, это означает, что *общество есть пространство проявления человеком своей творческой сущности*. Оно возникает и формируется на основе естественного стремления человека создать новую и приемлемую для себя действительность (например, решить проблемы своей безопасности, защитить свои права и т.д.). В связи с такой потребностью ему необходимо вступать в отношения с другими людьми, общаться с ними, создавать институты общественной жизни, осуществлять разнообразную жизнедеятельность. Если исходить из этого тезиса, то в таком случае общественное бытие предстает (изначально и в основе своей) как «очеловеченное» бытие, следствие, «след» человеческой деятельности. В связи с этим напрашивается также вывод о том, что общественное бытие есть и будет таким, каким оно создано и будет далее совершенствоваться людьми как непосредственными участниками общественной жизни, ее субъектами.

Во-вторых, *общество есть превращенное бытие природы человека* как системы его качеств. Очевидно, что в общественной жизни проявляются и воплощаются различные качества человека – его психологические черты, мышление, ценностные установки, отношение к миру, фантазия, воля, - то есть все, что делает человека человеком, создает целостность его натуры и личности. Общество словно бы впитывает в себя все то, что свойственно его творцам – особенности их мировоззрения, масштаб их личностей, их потребности и цели, замыслы, нравственные ориентации и т.д. Только творя мир общественных отношений, человек может по-настоящему проявить, «отпустить» на свободу свою природу, выявить и этим самым увидеть самого себя в социуме. Так он переводит свой внутренний мир во внешнее состояние, делая себя открытым для других людей. Таким способом человек обретает еще одно очень важное качество: он становится *субъектом общественной жизни*, ее непосредственным участником. Развиваемый нами тезис о проявленности человеческой природы в мире общественных отношений направлен против стереотипных представлений (идуших еще из недр исторического материализма советского времени) о некоей «внешности» общества по отношению к человеку. Такие представления очень «удобны», поскольку порождают и оправдывают безразличие какой-то части людей к судьбе общества. Но общество ведь не возникает само по себе, словно из мифического «ничего»: такое в действительности невозможно. Оно являет собой, как мы отмечали выше, проявление человеческой природы в различных социальных формах жизнедеятельности человека, вычерпыва-

ние потенциала этой деятельности и опредмечивание ее. Вот почему уровень развития общества, в принципе, не может быть выше уровня развития людей, которые его творят. И соответственно уровень развития общества «на следующий день», то есть завтра, тоже не окажется выше того уровня развития, на котором находятся творцы этого общества сегодня, в «этот день». Образно говоря, общество есть дом, «архитектором» и «строителем» которого я, как человек, являюсь в одном и том же лице. В моих силах построить этот дом по меркам своего проекта-замысла. В моих силах (но только вместе с другими людьми) и перестроить этот дом, если в этом возникнет необходимость. Во всяком случае, такая возможность у меня имеется, ибо общество - это мой дом, хотя в нем рядом со мной проживают и другие люди.

В-третьих, *общество есть пространство потенциальных возможностей становления человека в качестве человека*. На наш взгляд, восприятие общества под таким углом зрения совершенно необходимо, ведь становление человека, весь его жизненный путь происходит лишь в социальной среде, во взаимодействии этого человека с другим человеком. Чтобы стать самим собой, сформировать свою природу, непременно требуется «погружение» в опыт общественной жизни. Человек – это живое существо, качественная определенность которого (т.е. человеческая природа) в готовом виде с рождения не дана, не предустановлена. Она, эта природа, всегда находится в процессе своего становления, восхождения к самой себе. Социальная среда, как некий «внешний» по отношению к человеку мир, дает (или же не дает) человеку потенциальные возможности для формирования своей природы, для становления и самореализации себя в качестве человека. Особую роль в «очеловечивании» общества должна играть *социальная политика* как инструмент в руках государства, с помощью которого оно осуществляет активную поддержку тем сферам общества, где имеет место социализация и развитие человека, человеческого потенциала (образование, здравоохранение, культура, спорт), а также оказание помощи так называемым «слабым», т.е. уязвимым слоям общества: дети, инвалиды, старики и иные. На протяжении многих лет современное российское общество находится в состоянии глубоких изменений, которые затрагивают основы его существования. В связи с этим необходимым образом возникает вопрос о том, куда, в каком направлении эволюционирует дальше российское общество, к социальности какого типа? К каким антропосоциальным практикам и формам оно движется? Какая роль отводится человеку в этих процессах? Способен ли современный российский человек к таким действиям, которые были бы адекватны новым историческим обстоятельствам и проблемам? Нам представляется, что антропосоциальный подход может помочь находить взвешенные и обоснованные ответы на эти и иные вопросы подобного рода.

Философская антропология, как система общих знаний и представлений о человеке, в силу логики ее междисциплинарных взаимосвязей способна существовать в *измененных формах*. Представленная нами выше антропосоциальная философия может рассматриваться именно в таком качестве – как форма существования, «присутствия» философско-антропологического знания в общей

структуре философии. Такое ее «присутствие» в этой структуре обусловлено как междисциплинарными взаимодействиями философской антропологии (в данном случае – с социальной философией), так и самим фактом взаимодействия человека и общества, т.е. на онтологическом уровне их сосуществования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белик, А.П. Социальная форма движения / А.П.Белик. – М., 1982.
2. Кемеров, В.Е. Введение в социальную философию: учеб. пособ. / В.Е.Кемеров. – М., 1996.
3. Кемеров, В.Е. Меняющаяся роль социальной философии и антиредукционистские стратегии // В.Е.Кемеров. – Вопросы философии. – 2006. - № 2. – С.61-78.
4. Кудрявцев, В. Общественные науки сегодня / В.Кудрявцев // Свободная мысль. – 1992. - № 13. – С. 27-34.
5. Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2004. - № 7. – С. 3-39.

Материал поступил в редколлегияю 01.02.12

ББК 307 72.3 87.22

Н.В. ПОПКОВА

СОЦИОЛОГИЯ ТЕХНИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рассмотрены объект и предмет познания необходимой для исследования техногенного общества социологической дисциплины – социологии техники. Намечены основные задачи и понятия, которые будут использоваться при решении этих задач. Определены проблемы, для раскрытия которых необходимо развитие социологии техники.

Современными исследователями при осмыслении проблем техногенного общества и характерного для него трансформирующего воздействия техники на природу и человека основное внимание уделяется выявлению социальной обусловленности техники (от степени которой зависит, смогут ли люди реализовать предлагаемые рецепты оптимизации социоприродных процессов). При этом естественным кажется формирование новой научной дисциплины – общей теории взаимодействия социума и техники или *социологии техники*, но до сих пор работ, ему посвященных, появилось мало [1]. Между тем, стоящие перед ним вопросы очень важны как для теоретического осмысления техники, так и для программ практической трансформации современной цивилизации. Рассмотрим основные черты социологии техники и стоящие перед ней задачи.

Итак, социология техники – это наука о законах функционирования социотехнических систем, а также о механизмах и формах проявления этих законов в деятельности личностей и социальных групп. Она возникнет на основе конкретизации разработок философии техники, кооперации данных технических наук и развития эмпирических исследований техногенного общества.

Социологическое исследование техники подразумевает рассмотрение процессов ее создания и использования в качестве результата не целенаправленной активности взаимодействующих людей, а функционирования определенных социальных институтов. Изучая причины и формы образования этих институтов, создающих и использующих технику в социальных целях, а также ответную адаптацию социальных форм к изменяющемуся техническому базису, мы сможем дополнить философское, субъективистское понимание феномена техники социологическим пониманием причин и механизмов ее усиления. Изучая взаимодействия людей друг с другом при технической деятельности и явления, возникающие в социальной реальности в результате этих взаимодействий, данная дисциплина обратит особое внимание на коллективное (а не индивидуальное) поведение людей в качестве детерминированного не личными, осознанными целями и мотивами, а прежде всего социальной организацией.

Исследуя социальные группы и социальные процессы, анализируя модели социальных изменений, социология техники попытается проникнуть в мир социальных ценностей, от которых зависит техническая деятельность, и объяснить различия между технологическим уровнем разных народов и культур, не обращаясь для этого к личностным факторам. Изучая становление, развитие и функционирование социальных структур и институтов, отвечающих за создание техники и ее внедрение в социальный организм, она будет трактовать связанные с техникой социальные практики как механизмы взаимодействия между социальными группами, вызванные их активностью. Технический прогресс будет исследоваться как одно из социальных изменений, результат самоорганизации общества, а законы его социология техники станет искать в форме, отвечающей законам массового поведения. Регуляция отношений внутри социальной структуры включит в себя институты и группы, регулирующие отношения между человеком и искусственной реальностью; отношение к технике будет анализироваться не как результат личного выбора отдельного индивида, а в качестве формы социального поведения, зависящей от господствующих ценностей. Учет этих структурных факторов поможет по-новому увидеть технику.

Объект исследования социологии техники – общество, рассматриваемое как единая социальная система (отличная от индивидов и подчиненная собственным законам), включающая техническую деятельность и техногенные практики как подсистемы собственного саморегулирования. Но можно назвать объектом также социальные связи и социальные взаимодействия, социальные отношения и способы социального поведения, возникающие между людьми при создании и использовании техники. Поскольку общество – это целостность, части которого взаимодействуют между собой строго определенным образом, социология техники ищет связи между отдельными структурными элементами общества. Предмет исследования социологии техники – закономерности организации совместной общественной жизни (социального бытия) людей через возникающие и обновляемые в ходе социальных взаимодействий технологические формы; или, иначе говоря, система законов, характеризующих способ существования и механизм функционирования социальных процессов, связанных

с техникой (порождающих ее или реализующихся через ее посредство). Социология техники исходит из предположения, что у всех видов общественной деятельности, связанных с техникой, есть общие родовые черты и закономерности: их она и пытается найти. Итак, социология техники – наука о социальных закономерностях организации, функционирования и развития технической реальности, о путях их реализации во взаимодействиях членов общества [2, с.285-296].

Основной вопрос социологии техники таков: какие социальные общности (как источники социальных действий) ответственны за функционирование технической стороны данного общества как структурной целостности? Порождаемые социальные действия (как социально значимые поступки, направленные на изменение поведения других социальных групп или их представителей) будут представлены через такие понятия, как оценки, мотивы, установки, ориентации. Исследуя техническое поведение людей в конкретных социально-политических и социально-культурных условиях, социология техники учтет внешние обстоятельства, определяющие сознание и действия человека в конкретной обстановке, и покажет реальное техническое сознание во всех аспектах его развития.

Именно технологии выступают в техногенном обществе структурообразующим фактором социальных связей; если ранее общество организовывалось через политические или культурные формы, то сегодня создание, усвоение, сохранение и распространение практически всех идей и образцов поведения, культурных норм и ценностей осуществляется через специально созданные технологии. Изучение техногенных факторов становления и функционирования общества (которые можно выделить в любой целенаправленной социальной деятельности), анализ их воздействия на социальное поведение человека охватит всю социологическую проблематику. Но социология техники не может проанализировать другие аспекты технической деятельности: те, которые вызваны реализацией сознательно поставленных человеком целей. Сведение общества к взаимодействию социальных групп есть лишь модель, помогающая выявить некоторые стороны создания и функционирования техники, а не ее сущность. Но и сознательная деятельность имеет противоречивый характер: люди корректируют свои желания с общесоциальными целями, нормами, ценностями. Эта проблема и подлежит анализу в рамках социологии.

Таким образом, социология техники, изучая общественную жизнь, разрабатывает методологический аппарат для описания, объяснения и понимания процессов создания и использования техники в обществе, а также для анализа воздействия технологий на социальную реальность. Этот анализ социальной устойчивости и социальной динамики в отношении технической реальности завершается постановкой задач социального проектирования технического мира. Технический объект не просто следует понять в его нынешнем состоянии: необходимо дать научно обоснованные рекомендации по его изменению в направлении достижения необходимых социальных параметров (таких, как социальная эффективность и интегрированность, экологическая оптимальность, управляемость и т.д.). Если под технической деятельностью понимать создание, тиражирование и использование технических объектов, то социология техники

будет исследовать и оптимизировать участие всех форм технической деятельности в процессах социальной стратификации и социального контроля.

Понимание техники как социального феномена позволит связать достигнутый технический уровень с общественными условиями, а для этого понадобится не столько описывать отдельные технические комплексы и технологические процессы, сколько исследовать исторические трансформации техники как сложного образования, имеющего социальную природу и выражающего социальные отношения. Сегодня через технологии осуществляются создание и распространение норм, обеспечивающих взаимопонимание людей в социальных ситуациях. Новые технические разработки порождаются не только материальными потребностями людей и социальных групп, но и нравственными, интеллектуальными, эстетическими. Итак, социология техники основана на предположениях, что, во-первых, существующие в данном обществе формы и способы создания и освоения технических объектов обусловлены социально; во-вторых, технический прогресс детерминирован социальными механизмами; в-третьих, конкретный вклад того или иного общества в развитие техники зависит от процессов социальной жизни; в-четвертых, оценка воздействия техники на жизнь общества должна учитывать техногенные изменения социокультурных норм, регулирующих социальные отношения; в-пятых, само функционирование социальной системы может пониматься как технология и анализироваться с помощью понятий, выработанных для анализа техники [3, с.269-285].

Социология техники станет изучать все проблемы, связанные с технической деятельностью человека в обществе и институциональными формами ее организации: определяемый ею социальный статус, ценностные ориентации и потребности техногенного происхождения, опосредованное технологиями отношение человека к самому себе и социальным институтам. Наряду со сбором эмпирической информации и ее теоретической интерпретацией, социология техники сможет выполнять и прикладные функции, моделируя социотехнические процессы и прогнозируя пути их развития. Особенное внимание будет ею уделено легитимации технических инноваций: именно от нее зависит технологический уровень общества, поскольку наличие технических изобретений как таковых еще не означает их внедрения (в прошлом невостребованные инновации забывались, а сегодня они просто внедряются в других странах).

Следует также исследовать проблему: а почему до сих пор социология техники не получила должного развития? Почему существуют социология экономики, социология морали, социология права, социология науки, социология образования и т.п. – десятки специальных социологических теорий, возникших в результате социологического исследования объектных областей других научных дисциплин. Возможно, это связано с тем, что еще не удалось задать возможные способы инструментального применения социологического знания в этой области, его встраивания в социокультурный контекст, в конкретные жизненные практики. Но, поскольку социологическое знание понимается так же, как специфический уровень социальной коммуникации, обеспечивающий рефлексию общества, как целостность его познавательных практик, то слабое раз-

витие социологии техники отражает недостаточное осмысление социумом проблем техники. Видимо, ее инструментальное понимание пока еще преобладает: доминирующие социальные практики видят реализацию общественного идеала на пути постиндустриализма, маргинальные практики – на пути технического регресса, а анализ того, что под всем этим понимается, считается излишним.

Среди категорий социологии техники особое место будут занимать:

- 1) «социотехническое взаимодействие» (на основе понятия «социальное взаимодействие») – система взаимообусловленных технических и социальных действий индивида, социальной группы или общества, в процессе которых передается социально значимая информация или возникает ответная реакция другого социального субъекта;
- 2) «социотехническая система» (на основе понятия «социальная система», подсистемой которой она является) – упорядоченное целостное множество относительно жестко связанных социальных и технических элементов, обладающее структурой и организацией, функционирующее и развивающееся в относительной обособленности от среды;
- 3) «социотехническая структура» (на основе понятия «социальная структура») – внутреннее устройство общества или социальной группы, понимаемое в виде упорядоченной совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих социальных групп, социальных институтов и отношений между ними, выполняющих определенные социальные функции (или занимающих определенные социальные позиции) индивидов, имеющих отношение к формированию и функционированию технической реальности и поддерживающих ее норм и ценностей;
- 4) «социотехническая организация» (на основе понятия «социальная организация») – упорядоченный способ совместной деятельности людей, направленный на достижение техносоциализации индивидов и обладающий статусно-ролевой и ценностно-нормативной структурой;
- 5) «техносоциализация» (на основе понятия «социализация») – процесс усвоения индивидом реализующихся с помощью технологических средств образцов социально-организованной деятельности, а также социальных норм и ценностей, необходимых для поддержания технического уровня данного общества; иначе говоря, это процесс освоения человеком правил и норм обращения с техникой, необходимых для его успешного функционирования в обществе и развития общества.

Разработка этих понятий составит отдельную задачу социологии техники. Так, техносоциализация может исследоваться в качестве многоступенчатого процесса приобретения людьми культурно оформленных и социально установленных знаний и навыков, необходимых для адекватной технической деятельности (в том числе поведения и общения в технологически оформленных и социально значимых ситуациях), а также определения границ социально и культурно санкционированных технических действий и степени индивидуальной ответственности людей за соблюдение или нарушение этих границ.

В качестве регулятивно-контролирующего механизма техносоциализации выступает (как и при общей социализации) система социальных эталонов, то есть предписаний, норм, критериев, образцов, стереотипов мышления и поведения. Система социальных статусов, ролей и функций личности в техногенном обществе является организационно-регулирующим механизмом техносоциализации: он направлен на формирование у личности социального опыта использования техники. Специфика техносоциализации состоит в том, что усвоенные личностью социальные воздействия приобретают личностный смысл: так формируются социальные потребности и интересы, социальные ориентации и позиции, социальная активность – и все это требует технологических форм реализации или поддерживает функционирование технической реальности. Первый период техносоциализации связан с приобретением социально обязательных общекультурных (неспецифичных в профессиональном отношении) знаний и навыков обращения с техникой и удовлетворения потребностей технологическим путем; осуществляется стихийно, под влиянием сверстников, родителей, СМИ. Второй период состоит в овладении профессиональными навыками на рабочем месте: здесь существуют институциональные формы (прежде всего, техническое образование). Третий период техносоциализации наступает, когда человек начинает творчески использовать полученные навыки, в результате чего может измениться технологическая среда общества. Если первые уровни техносоциализации способствуют сохранению технологического уровня общества (поскольку сводятся к воспроизведению уже имеющихся образцов технического действия), то третий этап – это экспериментирование, попытка внести в социальный организм изменения, что связано с определенным риском.

Социотехническая система выделяется на основании системообразующих связей, на которых и основана упорядоченность ее элементов и отношений, а также обеспечивается ее целостность. Среди них особое место занимает подсистема социального управления, которое обеспечивает целенаправленное поведение социотехнической системы. Оно может быть активным (определяясь ее собственными целями, она преобразует природную среду и подчиняет ее себе) и реактивным (определяясь воздействиями среды, данная система вынужденно перестраивается для их нейтрализации). Воспроизводя социальные отношения, связанные с созданием, функционированием и использованием техники, а также отношения общества с природной средой, социотехническая система является подсистемой общества, обеспечивающей его самосохранение.

Социотехническое взаимодействие – это предназначенный для возвращения социотехнической системы в равновесное состояние процесс воздействия социальных субъектов друг на друга (а точнее – система функционально координированных действий, где данные субъекты связаны циклической причинной зависимостью, то есть каждое действие является одновременно причиной и следствием других действий), опосредуемый техническими объектами и технологически осуществляемыми процессами. Оно возникает из совместного участия в социальной практике. Реализуя совместную деятельность через технологическое опосредование, социотехническое взаимодействие может иметь ин-

ституциональные или личностные следствия, приводящие к формированию практических стандартов и коммуникативных норм, задающих модели взаимодействия с помощью технической реальности. Определяемое характеристиками социотехнической системы, социотехническое взаимодействие одновременно ее порождает: не только сами технические объекты, но и осмысляющий их интерсубъективный мир значений, делающий возможным понимание и общение в ходе социального использования техники. Люди и социальные группы – носители различных видов технической деятельности; одни компоненты социотехнических взаимодействий опосредуют их отношения, приводя к общему знаменателю; другие контролируют возникающие при этом ожидания, складывающиеся в технически опосредованных социальных процессах. Именно здесь социальные нормы и ценности порождают технические действия людей.

Организация как таковая – это система отношений, которые объединяют некоторую группу для достижения определенной цели; она занимает в обществе определенное место (поскольку предназначена для выполнения конкретной социальной функции) и порою оформляется в социальный институт. Соответственно, социотехническая организация ориентирована на воспроизводство и развитие технической реальности. Цель здесь – воспроизводство и развитие общества, которое мыслится возможным лишь на основе воспроизводства и развития его технической базы; что до функциональных статусов и социальных ролей, входящих в различные социотехнические организации, и правил, регулирующих отношения между ними, то здесь необходимы социологические исследования. Достижение этой коллективной цели мыслится необходимым для достижения индивидуальных целей членов организации – повышения уровня жизни. Координация действий участвующих в достижении этих целей индивидов выражается в определении целей и задач, в упорядочивании и согласованности социотехнических взаимодействий, в осуществлении социального контроля над ними, воспроизводстве и расширении социотехнической системы. Как безличная система связей и норм, созданная административным путем и построенная иерархически, социотехническая организация отличается формальным характером отношений. Люди, входящие в нее, выступают как носители определенных ролей, выполняющие свои функции при создании, функционировании и расширении технической реальности, а также при техническом опосредовании социальных взаимодействий. Как и другие социальные организации, социотехническая может принимать механистическую форму (жесткую и бюрократизированную) и органическую; последняя форма эффективней в ситуации технического прогресса, потому что поддерживает инициативность ее членов. Чтобы компенсировать ослабление традиционных механизмов контроля и объединить персонал, в этом случае вырабатывается особая организационная культура, которая также требует исследования и осмысления.

Наконец, социотехническая структура (как функциональное единство) создается принятыми устойчивыми и типичными формами социотехническими взаимодействиями между членами общества. Наблюдается саморегулирование этой структуры, поддерживающее равновесие в системе при изменении внеш-

них условий. Как совокупность относительно устойчивых связей между элементами социотехнической системы, отражающая ее сущностные характеристики, социотехническая структура ответственна за появление ее новых, системных свойств, не присущих складывающимся ее элементам. Она представляет собой и нормативную структуру (объединяя нормы и ценности, отвечающие за включение технической реальности в социальные действия) и организационную структуру (определяя модели и образцы социального поведения, связанного с техникой). Особенный интерес вызывает статусно-ролевая структура современного общества, элементами которой являются индивиды, занимающие определенные социальные позиции и выполняющие определенные социальные роли в создании и использовании технологической составляющей общества.

Также интересно будет применение к социологии техники противопоставления социального согласия и социального конфликта. Дело в том, что одни социологи видели условием общественного развития согласие и доверие, а другие утверждали, что стимул к развитию рождается лишь в борьбе. Сами технические комплексы лишены собственных интересов и поэтому борьбу друг с другом не ведут; но это делают создающие и использующие их люди. Так, остается нерешенным вопрос неравномерности технического развития: почему различные цивилизации с разной скоростью приобщаются к результатам технического прогресса? До сих пор культурологический анализ обращал внимание на различие систем ценностей, экономический – на возможность технического перевооружения производства и т.п. Но социологический анализ может подойти к иной формулировке этой проблемы: а какое значение для самого технического прогресса имеет наличие технических комплексов различных уровней развития? Ускоряет это появление и социально обусловленное внедрение инноваций, замедляет или остается безразличным? Даже если мы примем темпы технического творчества не зависящими от рассматриваемого фактора, сама направленность внимания разработчиков на создание определенной технологии определяется социальным заказом, а он может зависеть от обстановки. Возможна ли остановка технического прогресса и консервация его уровня или реальной альтернативой развитию будет лишь деградация? Все эти моменты социального действия должны быть изучены, в том числе ради большей обоснованности программ сохранения природы и снижения потребления ресурсов.

Особого внимания заслуживает социокультурная обусловленность технического знания: роль социальных ценностей и норм, регулирующих техническую деятельность, соотношение институциональных и личностных аспектов изобретательской деятельности. Создание новых технологий может быть представлено как специфическая творческая деятельность, направленная на производство новых технических средств решения социальных ситуаций. Но, разумеется, главные проблемы социологии техники возникают в связи с анализом соотношения техники и общества: влияния общества на технику и ее обратного влияния на общество, взаимосвязь техники и науки, техники и демократизации, выполнение социального заказа инженерным сообществом и т.д. Изучая закономерности развития и функционирования техники как аспекта социума,

необходимо исследовать и социальные механизмы, обеспечивающие интеграцию с техникой индивидов и социальных групп, как участвующих в производстве и распространении техники, так и пользующихся результатами этого. Закономерности массовых технологических процессов и деятельности социальных институтов, производящих и распространяющих технику, также должны быть изучены с помощью социологических методов. Следовательно, предмет социологии техники выглядит двояким: это исследование социальной природы техники и ее социального назначения (административного, идеологического, культурного воздействия техники на социум). Эти процессы могут иметь разные законы.

Итак, при создании модели современного техногенного общества и нахождения путей разрешения его глобальных проблем социологии техники принадлежит генерирующая роль, поскольку именно она способна от понимания необходимости новых путей организации технической деятельности перейти к проектированию новых социальных взаимодействий и взаимосвязей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См., например: Андреев А.Л., Буtuurин П.А., Горохов В.Г. Социология техники: уч.пособие. – М., 2009.
2. Попкова, Н.В. Антропология техники: Проблемы, подходы, перспективы / Н.В.Попкова. – М., 2011.
3. Попкова, Н.В. Антропология техники: Становление / Н.В.Попкова. – М., 2009.

Материал поступил в редколлегию 01.02.12

УДК 101.1:316
ББК 87.6

Е.А. ДЕРГАЧЕВА

ИСТОКИ И СМЫСЛ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Рассматриваются истоки и смысловое содержание понятия «глобализация».

Глобализация сравнительно недавно стала объектом социально-философских исследований, поскольку само понятие сформировалось в рамках междисциплинарной области научных знаний – глобалистики – лишь в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. Однако за более чем двадцатилетний период своего существования понятие «глобализация» не приобрело однозначного толкования в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Имеет место разброс мнений, связанный с частнонаучными трактовками данного явления и ценностно-мировоззренческими позициями обществоведов. В этой связи необходим междисциплинарный (наднаучный) подход, связывающий воедино различные интерпретации данного понятия. Эта задача представляется

решаемой на уровне социально-философской рефлексии понятия «глобализация». Без предварительного выяснения смысла указанного понятия достаточно проблематично рассматривать данный феномен.

Поиск истины во множестве конкретных значений и смысловых оттенков затрудняется еще и тем, что в научных изданиях нет единства взглядов о времени происхождения данного понятия. Так, одни исследователи считают, что его истоки восходят к 1944 году, когда впервые английский глагол «глобализировать» (to globalize) стал использоваться как самостоятельное понятие в книге «Планетарная демократия» американских исследователей О.Рейзера и Б.Девиса. Другие подчеркивают, что само слово «глобализация» (globalization) было употреблено впервые в еженедельном издании «The Economist» в 1959 году, а впоследствии интерпретировано в словаре Вебстера (Webster's Dictionary) в 1961 году. Отмечается также, что в начале 1970-х годов в среде европейских менеджеров применялось французское понятие «мондиализация» (modialisation, от фр. – мир) для обозначения нарастающей экономической взаимосвязи национальных хозяйств стран мира. Перевод этого слова на английский язык и дал начало понятию «глобализация». Впоследствии в 1981 году Дж.Маклин впервые поставил вопрос о необходимости концептуального изучения глобализации общественных отношений. В то же время некоторые исследователи сходятся во мнении, что данный неологизм первым использовал американец Т.Левитт в 1983 г. в статье «Глобализация рынков» в журнале «Харвард бизнес ревью» и одноименной книге для характеристики процессов объединения разрозненных национальных рынков сбыта товаров транснациональных корпораций и формирования на основе этого корпоративной стратегии их действия в условиях единого глобального рынка, то есть в глобальных масштабах. Смысл понятия был ограничен рыночно-экономическим измерением, поскольку новизна явления в определенной степени послужила своеобразным барьером в его толковании. В том же 1983 году другой исследователь, социолог Р.Робертсон, предложил интерпретацию понятия «глобальность», а в 1985 году – понятия «глобализация». Его работы заложили основы популяризации рассматриваемого явления в академических кругах, в связи с чем многие авторы именно его имя связывают с рождением понятия «глобализация». Позднее, в 1992 году Р.Робертсон научно обосновал свою концепцию в книге «Глобализация: социальная теория и глобальная культура». В своей интерпретации Р.Робертсон выходит за пределы экономической сферы глобализации и тем самым расширяет поле исследований, концентрируя свое внимание на социокультурных тенденциях общественного развития. Именно социокультурная динамика и предопределяет изменения, протекающие в других сферах общественной жизни. В центре его внимания – становление мира как единого целого со своеобразной структурой взаимосвязей и взаимодействий общественных систем. Возникновение этого процесса, подчеркивает он, можно проследить на глубину нескольких столетий, а современный период («фаза неопределенности») начинается с конца 1960-х годов и характеризуется возникновением нового типа социальности на уровне индивидуальных «я», национальных обществ,

мировой системы обществ и человечества в целом. Это проявляется, с одной стороны, в изменении характера социализации индивидов – теперь уже под влиянием глобального контекста, что приводит к глобализации локального на фоне развития средств массовой коммуникации в капиталистической экономике, а с другой стороны, интенсификации межсоциетальных и наднациональных взаимодействий и одновременном их приспособлении к локальной специфике, то есть локализации глобального. Для обозначения синхронизации этих двух процессов Р.Робертсон вводит понятие «глокализация». Венцом его теории является тезис о формировании зачатков глобального сознания – чувства личной соотнесенности с происходящим в мире в целом. Однако логика превращения мира в единое целое не сводится к простому суммированию его частей (обществ), отмене всего особенного и локального. Это, скорее, систематизация, нежели установление большей гармонии. В теории Р.Робертсона акцент был сделан на нечто новое, происходящее на наших глазах, – новое качество взаимозависимости, которое можно обозначить понятием «глобализация». Однако несмотря на экспансию в начале 90-х годов прошлого столетия этого англосаксонского понятия в различные обществоведческие дисциплины (политологию, социологию, экономику) и отражения его в исследовательских работах, в словаре «Современной экономики», изданном в 1992 году Массачусетским технологическим институтом отсутствует понятие «глобализация». Возможно, что тогда имеющихся понятий, таких как – интернационализация, транснационализация, либерализация и др. – вполне хватало для фиксации изменяющегося характера общественных отношений. Такое отождествление глобализации с указанными процессами, рассматриваемыми в большем – глобальном масштабе, приводит к недоразумениям в толковании. Как считают некоторые исследователи, широкое использование понятия следует связывать с 25 сессией Всемирного экономического форума в Давосе, по окончании которого было организовано обсуждение по теме «Глобализация основных процессов на планете» (1996 г.). В начале 2000-х годов понятие прочно входит в научную лексику отечественных и зарубежных изданий, а его по-разному толкуемые дефиниции приводятся в энциклопедиях и словарях. Обобщенно эту гамму определений можно обозначить как постепенное восхождение к сути глобализации, которую действительно трудно воссоздать. Тем не менее, некоторые авторы, вынося это понятие в заголовки своих работ, даже не объясняют его, считая общедоступным его понимание.

Попытки объяснения понятия «глобализация», образованного от английского слова «globe» – «земной шар», невольно вызывают ассоциации с социальными и природными процессами планетарного (всемирного) масштаба. Но ведь если это общепланетарные процессы, идущие в пространстве и во времени, то на растущую взаимосвязь не могли не обратить внимание исследователи в более ранние исторические периоды. Действительно, первые размышления о процессах (и отдельных проблемах) территориально осваиваемого человечеством мира, которые выходят за пределы национально-ограниченных пространств, можно обнаружить, уже начиная со второй половины XVIII века, в

эпоху становления капиталистических отношений. К первым достижениям в осознании всеобщей взаимосвязи можно отнести рассуждения Т.Мальтуса (1798) о законе роста народонаселения и естественной регуляции его численности. В трудах И.Канта, написанных в тот же период (1784, 1786, 1796), рассматриваются вопросы о всеобщей истории как поступательно эволюционирующем процессе и делается попытка представить возможность взаимосогласованного сотрудничества государств. Особо следует упомянуть Ж.Б.Ламарка, в работах которого (1802, 1809, 1820) еще задолго до целостного учения Ч.Дарвина (1859) были заложены основы теории эволюции биологического мира, даны первые представления о взаимоотношениях организмов с окружающей средой и роли в них антропогенных факторов. Теоретические построения Ч.Дарвина о наследственности, изменчивости и естественном отборе в ходе непрерывной эволюции живых организмов позволили вскрыть исторические объективные закономерности изменения биологических систем. В отличие от них, в работах К.Маркса, написанных в середине XIX века, были сформулированы объективные исторические законы эволюции социальных организмов, отражающие единство всемирной истории и превращения разобщенных обществ в органическое целое. Согласно К.Марксу, каждый этап социально-экономического развития общества – общественно-экономическая формация – характеризуется определенной взаимосвязью производительных сил и производственных взаимоотношений. Несоответствие производственных отношений уровню и характеру более быстро и динамично развивающихся производительных сил приводит к переходу на более высокую ступень социального генезиса. Возможность подхода к историческому процессу как предопределенной смене развивающимися социумами общественно-экономических формаций (которых по К.Марксу насчитывается пять: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая), представляющими различный уровень интегрированности и сложности, является несомненной заслугой исследователя. К.Маркс выступает как прорицатель, прогнозируя глобальность капиталистического уклада, о чем мы можем уже с уверенностью судить в XXI веке. Тогда же, в XIX веке, растущие между странами торгово-экономические связи лишь утвердили позицию К.Маркса, представленную в «Манифесте коммунистической партии» (1848) в том, что крупная промышленность как база капиталистического уклада взламывает национальную замкнутость, взамен которой приходит зависимость наций, и, таким образом, создается всемирный рынок. Для отражения происходящих в обществе трансформаций К.Маркс использует понятие «интернационализация» и не употребляет понятие «глобализация», однако значительная часть современных авторов связывают истоки глобальных исследований именно с его работами об интернационализации производственно-хозяйственных связей социума в контексте логики развития капитализма.

В XIX веке социальные общепланетарные изменения и законы изучались в определенной изоляции от природно-биологических, хотя мыслители и подчеркивали отрицательные последствия воздействия общественного организма на природу и человека в мировом масштабе. Теоретическое обоснование един-

ства и неразрывной связи социума с природой (биосферой) и нарождающихся в связи с этим глобальных процессов было представлено в трудах В.И.Вернадского, Э.Леруа, П.Тейяра де Шардена, Н.А.Бердяева, написанных в первой половине XX века. В.И.Вернадский отмечал, что человечество, развивающееся с помощью науки свой разум и совершенствующее машинную технику, становится мощной силой на Земле, сравнимой с геологической, расширяет, перестраивает и изменяет характер процессов в биосфере и их направление. Тем самым подчеркивалось, что нарастающие социальные трансформации затрагивают как структуру социума, так и естественные природные системы, преобразуя их. В итоге неизбежно наступит время, когда антропогенная деятельность (как доминирующая) будет предопределять эволюционные процессы в биосфере. Разумеется, тогда это были лишь первые наброски к изучению изменяющихся социоприродных процессов на основе машинной техники. Во времена В.И.Вернадского развивающимся в мире экологическим процессам и порождаемым ими проблемам не придавали статус глобальных, а тем более с отрицательным значением. Исследователями подчеркивались их положительные черты в предстоящем изменении мира в процессе развития человеческого разума (науки) и труда. В связи с этим прогнозы В.И.Вернадского и других теоретиков ноосферогенеза относительно дальнейшего сосуществования человека с природой носили оптимистический характер.

В середине XX века после окончания Второй мировой войны человечество оказалось в принципиально новой ситуации, когда заговорили о «единстве людей на Земле». В работе «Смысл и назначение истории» (1948) К.Ясперс впервые использовал термин «глобальный» в современной его интерпретации, отмечая что «планета стала единой целостностью». Автор также указывал на источник этого планетарного единства – технику. Но теоретические выкладки К.Ясперса и его вклад в развитие глобалистики были неоправданно забыты в работах зарубежных авторов. Предвосхищая исследования глобальных проблем, К.Ясперс проявил озабоченность относительно беспечного расходования природных ресурсов человечеством, запасы которых могут иссякнуть.

Действительно, развитие общества на основе промышленных преобразований привело в середине XX века к увеличивающемуся разрушению естественных природных экосистем. Это в значительной степени способствовало появлению в конце 60 – 70-х годах XX века специализированных организаций, занимающихся осмыслением глобальных проблем современности. Среди них – ученые Римского клуба во главе с А.Печчеи, которые и стали разработчиками ряда сценариев дальнейшего неблагоприятного для человечества развития жизни на Земле. В своих моделях Дж.Форрестер (1971), Ден. и Дон.Медоузы (1972), М.Месарович, Э.Пестель (1974) и др. описывали мировую динамику роста населения Земли и развития индустриальной цивилизации во взаимосвязи с истощающимися запасами природных ресурсов, предупреждая о грозящей человечеству как единому целому экологической катастрофе. Однако их работы представляли собой социально-экономические модели с включением некоторых экологических факторов, поэтому звучали скорее как постановка глобальных про-

блем, нежели их решение. Группы отечественных ученых, занимающиеся в 1970-1980-е годы глобальным моделированием под руководством Д.М.Гвишиани, Н.Н.Моисеева, А.Л.Яншина и др., значительно расширили спектр исследований глобальных процессов (и проблем), дополнив его многоуровневым описанием процесса взаимодействия эволюционирующего человеческого общества как биосоциального организма с биосферой. Следуя идеям В.И.Вернадского о ноосфере, Н.Н.Моисеев отмечал связанность процессов развития живой и неживой природы и социума, неотделимость судьбы человеческого существа от биосферы и ее ресурсов. Но состояние биосферы как сложно-эволюционирующей системы живых организмов и их природного окружения непрерывно меняется, причем не обязательно в благоприятную для человека сторону. Отсюда основным условием дальнейшего развития цивилизации является сохранение биосферы в том узком диапазоне параметров, в котором возможна жизнь человека. Поэтому социум, воздействуя на природу, должен учитывать ограниченные рамки состояния биосферы, пригодные для собственного существования. Безусловно, область жизнедеятельности человечества непрерывно расширяется за счет освоения новых экологических ниш обитания. Во многом такие изменения происходят благодаря научно-техническому прогрессу, многократно усиливающему мощь нашей цивилизации. Деятельность социума оказывается причиной постепенной трансформации характеристик биосферы, ее климата и т.д. Взаимосвязанность человеческой деятельности с процессами биосферного развития обуславливает необходимость изучения общепланетарных эволюционных процессов, в которых развитие социума является лишь частью целого. В связи с этим, подчеркивал Н.Н.Моисеев, необходимо так организовать хозяйственную деятельность в биосфере, чтобы она не разрушила способность человека к жизни, то есть речь идет о коэволюции социума и биосферы. Эта цель и лежит в основе созидания ноосферы как сферы разума. Впоследствии представления о ноосфере были расширены и приобрели практическую интерпретацию благодаря принятию международным сообществом стратегии устойчивого развития (1992). По сути, с работами теоретиков современного (неклассического) ноосферогенеза Н.Н.Моисеева, А.Д.Урсула, А.И.Субетто и др. связаны идеи о глобальных социоприродных процессах в отечественной социально-философской мысли.

В последнее десятилетие XX века, как уже отмечалось, начался активный период осмысления понятия глобализации, что во многом было связано с распространением достижений информационно-коммуникативной революции, закатом социалистического общественно-экономического развития и вследствие этого вовлечением в капиталистическое хозяйствование обширных регионов планеты. В этой системе рыночных отношений, «склеивающих» разнородные общественные системы, изменяющийся социальный мир стал постепенно (хотя и противоречиво) подстраиваться под относительно единые для всех правила общежития, в первую очередь либерально-экономические. Но такие диктуемые рынком правила игры пока являются лишь вырисовывающейся (довольно проблематичной) интенцией эволюционирующих социумов к соединению в це-

лостность, нежели осознанным в планетарном масштабе и тем более свершившимся фактом действительности.

Дискуссионность становления общепланетарных связей находит отражение в рефлексии понятия «глобализация». В наиболее общем виде все более расширяющиеся по планете изменения в общественной жизни получают название «глобализация». Постигание сложного понятия глобализации обуславливает необходимость дифференциации и синтеза результатов научных исследований, нахождения их базовой платформы, выделения общего и особенного, экскурса в историю и прогнозирования ближайшего и отдаленного будущего. И здесь, пожалуй, справедливой звучит мысль Д.Хелда, Д.Гольдблатта, Э.Макгрю, Дж.Перратона, что «несмотря на то, что в самом простом смысле глобализация – это расширение, углубление и ускорение общемировых связей, подобное определение требует дальнейшего уточнения» [12, с.17].

При исследовании данного феномена на первый план выходят те взаимосвязи, которые складываются в социально-экономической сфере. Действительно, генетической основой современной глобализации являются либерально-экономические отношения, так как мировой рынок усиливает и определяет финансовые, социально-экономические, научно-технические, политические, культурные, информационные, экологические и иные взаимосвязи между странами. Представляется верным, что доминантой всех социальных процессов на планете считается экономическое измерение. Отсюда глобализация интерпретируется как сугубо социально-экономический феномен (явление), то есть порожденный общественными процессами. Трудности в интерпретации возникают в связи с тем, если учесть, что развивающийся общественный организм имеет две природы – биологическую и социальную и его глобализация происходит в природно-биосферной среде. Закономерно возникает вопрос, как учитываются взаимоотношения социума и естественной природной среды в теориях социально-экономической глобализации в условиях надвигающейся экологической катастрофы? Исследователи признают нарастающую всеобщую экологическую взаимозависимость, но, тем не менее, дают определение глобализации как «совокупности социальных процессов и взаимодействий, которые принимают межрегиональные и трансконтинентальные масштабы» [12, с.442]. Э.Гидденс, например, объясняет свою позицию тем, что «истoki нашего воздействия на окружающую среду являются социальными, социальными же являются и многие из его последствий» [1]. Действительно, это верно. Но если интерпретировать экологию как взаимоотношения организмов с окружающей их средой, то социальность как бы «отодвигается» и на первый план выходят как раз усложняющиеся связи между природно-биосферными, а также между биосферными и социальными системами. Здесь социальность выступает уже «внешней» оболочкой, одной из форм проявления состояний развивающейся природно-биосферной жизни. Получается, что авторы исходят из социологического понимания явления глобализации и изучают только видимую часть «айсберга», не вдаваясь в подробности о биосферно-социальных связях. А это одностороннее видение проблемы. Ведь социальная жизнь – это лишь следствие, форма, на-

правление эволюционно-усложняющегося потока природно-биосферной жизни. Еще в начале XX века в истории развития Земли Э.Леруа выделил следующие крупные этапы: 1) витализацию неживой материи, то есть эволюционное развитие жизни, и 2) гоминизацию жизни – феномен совокупного воздействия человечества на всю биосферу. И в этой развивающейся с появлением человека социоприродной системе социальные и экологические процессы являются лишь гранями глобального эволюционного процесса усложнения социоприродной жизни. Узостью социологических взглядов и объясняется одностороннее понимание экологической составляющей глобализации. Так, экологическая глобализация трактуется как процесс обострения общепланетарных проблем из-за экспансии рыночной производящей экономики, который сопровождается загрязнением и деградацией природной среды, прогрессирующим истощением ее ресурсов, что и обуславливает необходимость выработки совместных действий всех стран в преодолении экологического кризиса и, соответственно, выживания человечества. Пожалуй, правильнее говорить не о нарастании экологической взаимозависимости, а о более широком процессе усложнения социоприродной взаимозависимости, включающем и экологические аспекты.

В этой связи правы те исследователи, которые комплексно рассматривают феномен (явление) глобализации как социоприродный, в единстве и нарастающем взаимодействии его биосферных и социальных связей. «Понимая глобализацию как формирование единого человечества (планетарного мегаобщества), – подчеркивают И.В.Ильин и А.Д.Урсул, – мы тем не менее полагаем, что имеет смысл говорить о формировании глобальной не только социальной (или социально-экономической), но и единой социоприродной системы» [9, с.71-72]. По их мнению, с самого начала развития человечества глобальность его существования была обусловлена планетарными рамками биосферы. Формировались связи в системе «человек – общество – природа». Исторические особенности их взаимосвязи и определили, соответственно, способы взаимодействия социума и биосферы: палеолитический (коэволюционно-собираТЕЛЬский), неолитический (производственно-некоэволюционный) и будущий, ноосферный (интенсивно-коэволюционный). В условиях присваивающего хозяйства человечество развивалось стихийно, экстенсивно осваивая новые пространства планеты на основе охотничье-собираТЕЛЬских технологий. Человек не оказывал существенного разрушающего воздействия на биосферу, которая самоэволюционировала по своим собственным, природным законам. Однако избыточное «присвоение» человечеством продуктов биосферы в итоге привело к исчезновению мегафауны и обусловило необходимость перехода в эпоху неолита к новому способу ведения хозяйственной деятельности – производящему. Человек стал искусственно изменять окружающий естественный природный мир, принося в него элементы социальности. Таким образом, социум начал окультуривать растения и одомашнивать животных, то есть преобразовывать естественные природные процессы в направлении, необходимом для собственного выживания и дальнейшего прогрессивного развития. Производственно-некоэволюционное

социоприродное развитие сопровождалось нарастающей деградацией биосферы, а в XX веке обернулось глобальным экологическим кризисом и вероятностью саморазрушения социоприродной системы. Возможность выхода из создавшегося кризиса И.В.Ильин и А.Д.Урсул видят в необходимости перехода в XXI веке к интенсивно-коэволюционному способу социоприродного взаимодействия. По их мнению, формирование коэволюционного типа развития общества и природы возможно при условии сохранения биосферной среды.

Вместе с тем социальная жизнь, развиваясь в биосфере, начинает активно взаимодействовать с ней в земледельческом обществе, а в техногенном обществе с помощью машинной техники и техносферы трансформирует ее и сама формирует новые, уже искусственные (постбиосферные) формы жизни (техногенно трансформированных, трансгенных, биотехнологических). Все это нарастающее многообразие социоприродной жизни недооценивают исследователи социоприродной глобализации, упуская из виду особенности современного техногенного этапа социоприродной эволюции и глобализации. Эволюционирующий социоприродный мир не имеет жестко разделяемых границ природных и социальных закономерностей, где четко отделить социальное от природно-биологического, а теперь уже и от техносферного очень сложно. В исследованиях современной глобализации речь должна идти уже не просто о социально-экономических и социоприродных, а о более обширных процессах (и проблемах), которые являются переходными от естественной к искусственной детерминации жизни. Такие процессы представляют собой развитие явлений с участием техногенного социума, его техносферы и трансформируемой биосферы.

Глобализирующиеся на основе научно-технических производительных сил техногенные (индустриальные и постиндустриальные) общественные системы не просто разрушают биосферу ради удовлетворения своих потребностей, но и создают искусственный мир техносферы, замещают им биосферный, не считаясь с необходимостью сохранения биосферы как универсальной саморазвивающейся системы биосферно-биологической жизни на Земле [7, 8]. В результате интеграции социальных, техносферных, биосферных компонентов и усиления роли техносферы получают распространение социотехноприродные процессы, а вместе с ними – социотехноприродная глобализация. Такое понимание автором глобализации техногенного общества с биосферой позволяет по-новому интерпретировать процессы и проблемы философской глобалистики.

В контексте разрабатываемой автором теории социотехноприродной глобализации рассматриваются вопросы современного социотехноприродного перехода жизни на планете Земля как определенного этапа эволюции этой жизни от ее природно-биосферных, естественных форм к постбиосферным, искусственным (социализированным, трансгенным, биотехнологическим). Общество не просто глобализируется в мировом масштабе, оно качественно изменяется, становится техногенным и переподчиняет в ходе своего эволюционного развития биосферу, уничтожает ее, формируя с помощью

наукотехники и техносферы уже искусственный, постбиосферный живой мир на основе биосферного. Достаточно отметить, что в начале XXI века в мире уже более 120 млн га земли засеяно трансгенными растениями. Такие генномодифицированные организмы и продукты питания (сочетающие в себе гены различных растений и животных) разрушают биосферу и человека, ослабляют природно-биосферную жизнь, миллионами лет складывающуюся на планете. Новое направление исследований находит отражение в трудах В.И.Гнатюка, А.М.Ковалева, Б.И.Кудрина, В.А.Кутырева, А.П.Назаретяна, В.С.Степина и др., а также исследователей Брянской научно-философской школы социотехноприродных процессов Э.С.Демиденко (основателя школы), Н.В.Попковой, Е.А.Дергачевой, Н.Н.Лапченко, С.Н.Чувина, А.Ф.Шустова и др. [2, 3, 4, 10, 11].

Итак, современная глобализация – это глобальный социотехноприродный процесс, объединяющий нарастающие взаимодействия и взаимосвязи социума, биосферы и техносферы на этапе техногенного общественного развития [5, 6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гидденс, Э. Социология / Э.Гидденс. – М., 2005. – С.544.
2. Демиденко, Э.С. Техногенное общество и земной мир / Э.С.Демиденко, Е.А.Дергачева, Н.В.Попкова. – М., 2007.
3. Демиденко, Э.С. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы / Э.С.Демиденко, Е.А.Дергачева. – М., 2010.
4. Демиденко, Э.С. Философия социально-техногенного развития мира / Э.С.Демиденко, Е.А.Дергачева, Н.В.Попкова. – М., 2011.
5. Дергачева, Е.А. Особенности глобальной техносферизации биосферы / Е.А.Дергачева // Век глобализации. – 2011. – №2.
6. Дергачева, Е.А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации / Е.А.Дергачева. – М., 2009.
7. Дергачева, Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности / Е.А.Дергачева. – Брянск, 2005.
8. Дергачева, Е.А. Философия техногенного общества / Е.А.Дергачева. – М., 2011.
9. Ильин, И.В. Эволюционная глобалистика / И.В.Ильин, А.Д.Урсул. – М., 2009. – С.71-72.
10. Попкова, Н.В. Антропология техники: проблемы, подходы, перспективы. – М., 2012.
11. Попкова, Н.В. Философия техносферы / Н.В.Попкова. – М., 2008.
12. Хелд, Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д.Хелд, Д.Гольдблатт, Э.Макгрю, Дж.Перратон. – М., 2004.

Материал поступил в редколлегию 01.02.12

УДК 338

Е.А. ЛАРИЧЕВА

УСИЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАК КАТАЛИЗАТОР КРИЗИСОВ

Показана глобализация как важнейший катализатор мировых кризисов. Рассмотрен кризис 2008 года, его причины и последствия для России и мира.

Кризисные явления в мире неизбежны, так как они являются индикаторами непрерывности происходящих в обществе и экономике процессов, сигнали-

зируя о назревшей необходимости изменений. Однако в последние десятилетия кризисы носят всё более глобальный характер и распространяются с большей скоростью из-за усиления глобализационных процессов в мире. Аналитики считают, что причины современного экономического кризиса лежат не в сфере обращения, состоят не в кризисе ликвидности или кризисе доверия банков к реальному сектору экономики, а в системных изменениях, происходящих в человеческом обществе. Эти перемены кроются во всех сферах человеческой жизни: в экономике, политике, психологии, нравственности, семейных отношениях, культуре и в большей степени вызваны именно глобализацией. Поэтому современный кризис правильнее назвать социально-экономическим или системным кризисом. Его уникальность в том, что произошло совмещение циклического, структурного, кредитного, фондового и банковского кризисов [2].

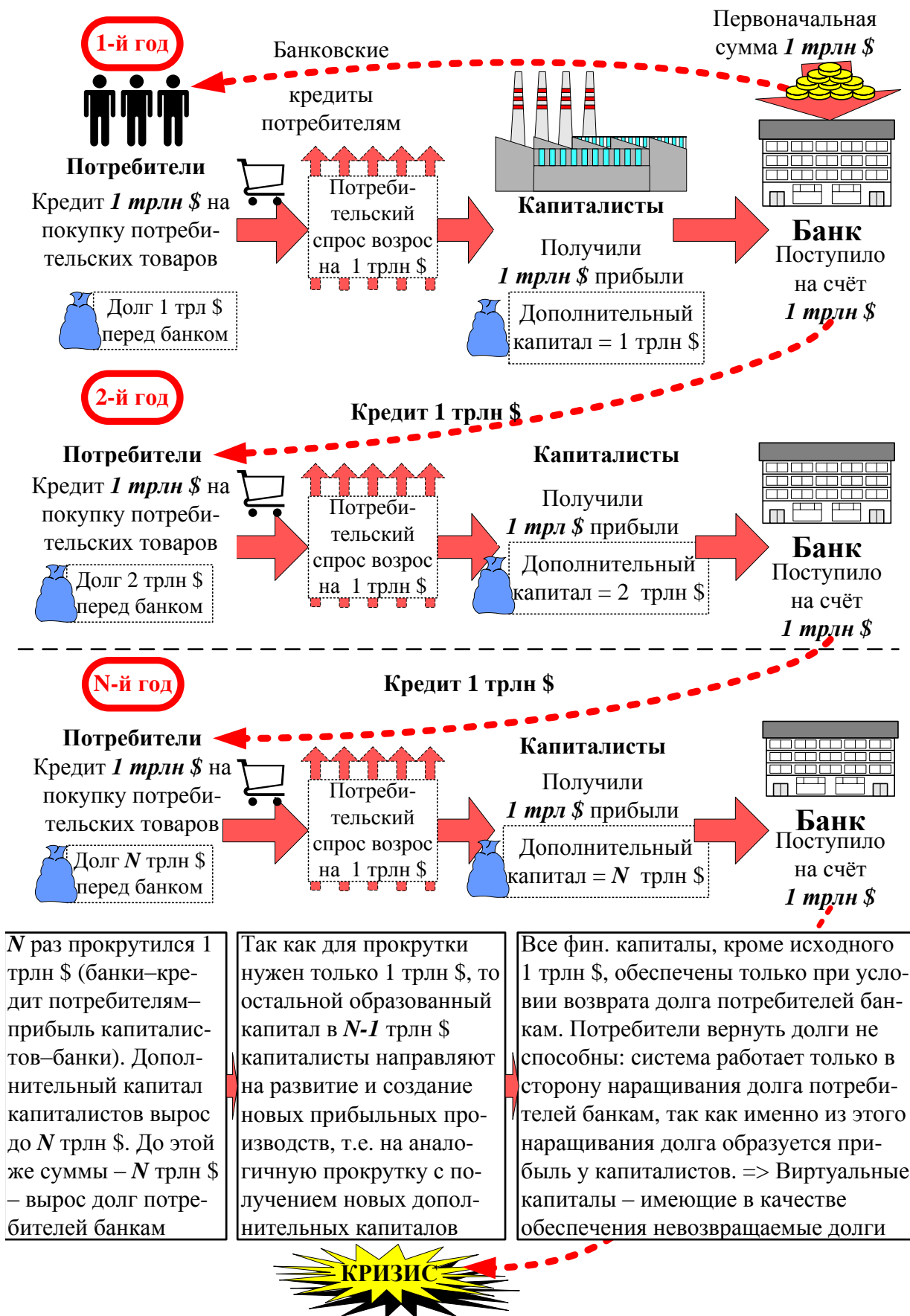
В последние десятилетия в экономике сформировался *новый вид капитала – виртуальный*, возникающий как средство капитализации акционерных компаний, при котором стоимость акций устанавливается по биржевому курсу. Особенность этого капитала в том, что количество денег в обращении определяется величиной ценности денежных обязательств. В результате для кредитных организаций ценными стали не сами кредиты как источники доходов, а обязательства по ним. Основную ценность приобрела торговля не товарами и услугами, а правами на движение виртуального капитала. Банки переключили внимание с финансирования реального сектора экономики на управление виртуальным капиталом, т.е. сосредоточились на биржевой игре [2]. Структура производных финансовых инструментов стала столь сложной и непрозрачной, что оценить реальную стоимость портфелей финансовых компаний стало практически нереально [6].

Таким образом, ценность денег оторвалась от стоимости товарной массы. Главную роль стали играть не реальные деньги, а мнения людей об их стоимости. Так, до 1995 г. в число 50 крупнейших по выручке американских компаний входили только компании реального сектора. А уже в 2007 г. в списке 50 лидеров были 13 финансовых компаний [5]. Основное промышленное производство было вынесено в страны с низкими издержками (в первую очередь на рабочую силу), в страны, где отсутствовали профсоюзы и было неразвито трудовое законодательство. Таким образом, производство концентрировалось в южных странах, а промышленная продукция потреблялась в северных (там, где издержки на производство аналогичных товаров были бы несоизмеримо выше). Данные меры вызывали падение занятости в развитых странах, переориентацию занятости на сферу услуг, падение платежеспособного спроса. Для сохранения своего материального достатка работники вынуждены перерабатывать или сочетать несколько работ. Следовательно, при снижении средней заработной платы в расчете на одного человека средний доход семьи в США и многих других западных странах в течение некоторого времени продолжал расти [4].

На рис. 1 упрощенно проиллюстрирована ситуация возникновения виртуального капитала в США [1]. Для подтверждения сложившейся ситуации отме-

тим, что на конец 2008 г. в США: 13 трлн долл. – госдолг США; 32 трлн долл. – долг домашних хозяйств. Федеральной резервной службой выпущено чуть больше 8 трлн долл., т.е. выпущено денег в 5,6 раза меньше, чем уже накоплено долгов. Основную массу потребительских кредитов составило чрезмерное *ипотечное кредитование*. С начала 2000-х гг. в США проводилась мягкая денежно-кредитная политика, которая стимулировала выдачу банками кредитов. Среднегодовые темпы прироста банковского потребительского кредитования в 2003—2007 гг. были на уровне 5%, прирост потребительских кредитов в III квартале 2007 г. составил 7,2%. Объем выданных ипотечных кредитов возрос с 238 млрд долл. в I квартале 2000 г. до 1199 млрд долл. в III квартале 2003 г. [6].

На протяжении двух десятилетий не только потребление в США, но и рост мировой экономики поддерживались за счет кредитования населения (прежде всего западного среднего класса). Доступность кредитов обеспечивали высокие прибыли корпораций США и других стран. Возникало противоречие между производственными и потребительскими рынками [4]. Рейтинговые агентства также внесли свою лепту в обрушение рынка, неоправданно завышая рейтинги компаний [3]. Влияние этих агентств на международный бизнес весьма велико, ибо центральные банки и правительства государств, крупнейшие пенсионные фонды Азии, Америки, Европы и Австралии целиком выстраивают свои финансовые стратегии, формируют портфели, принимают решения об инвестициях в страны или компании на основе рейтингов трёх основных агентств: Moody`s, Standard & Poog`s и Fitch. Отказаться от их услуг уже невозможно, поскольку агентства тесно интегрированы в государственную систему регуляции рынка и поддерживаются американским правительством. Минусов в их деятельности весьма много. Например, известен негативный эффект – лаггинг. Это отражение в рейтинге не реального состояния оцениваемых компаний, а их предыстории. В данном случае оцениваемая компания может быть уже на грани банкротства, а оценка её долговых обязательств ещё остаётся на высоком уровне. И наоборот, компания поправила своё финансовое положение, но невысокий рейтинг отпугивает потенциальных инвесторов. Также замечено, что Moody`s и Standard & Poog`s координируют свои действия, занижая рейтинги ценных бумаг и долговых обязательств эмитентов, отказавшихся по тем или иным причинам от проведения оценки своей деятельности сторонними агентствами.

N раз прокрутился 1 трлн \$ (банки–кредит потребителям–прибыль капиталистов–банки). Дополнительный капитал капиталистов вырос до N трлн \$. До этой же суммы – N трлн \$ – вырос долг потребителей банкам

Так как для прокрутки нужен только 1 трлн \$, то остальной образованный капитал в $N-1$ трлн \$ капиталисты направляют на развитие и создание новых прибыльных производств, т.е. на аналогичную прокрутку с получением новых дополнительных капиталов

Все фин. капиталы, кроме исходного 1 трлн \$, обеспечены только при условии возврата долга потребителей банкам. Потребители вернуть долги не способны: система работает только в сторону наращивания долга потребителей банкам, так как именно из этого наращивания долга образуется прибыль у капиталистов. => Виртуальные капиталы – имеющие в качестве обеспечения невозвращаемые долги

Рис. 1. Пример образования виртуального финансового капитала [7]

Эти и другие факторы создали предпосылки для начала кризиса.

Что касается антикризисных мер, то на наднациональном уровне с ноября 2008 г. по сентябрь 2009 г. были достигнуты договорённости по урегулированию ситуации, направленные на повышение ответственности институтов за принимаемые решения и риски. Вследствие этого в странах Европы и США были предложены соответствующие меры (рис. 2) [5]. Предлагаемые или уже используемые в отдельных странах меры во многом схожи и в целом отражают принятые на международном уровне договорённости. Не все из предложенных мер были претворены в жизнь, но и принятые к реализации вызвали недовольство со стороны организаций финансового сектора.

В России также предпринимались антикризисные мероприятия. Следует отметить, что до октября 2008 г. считалось, что Россия не пострадает от финансового кризиса в США, так как она развивается независимо от западной экономики. Тем не менее ввиду ряда факторов (рис. 3) кризис Россию всё же затронул.

Именно экономика России наиболее пострадала от распространения кризиса. Причин этому несколько [9; 10].

1. *Чрезмерная зависимость от внешних шоков*, которая выражалась:

- в гипертрофированной зависимости от нефти;
- открытости национальной экономики внешнему миру;
- низкой диверсификации экспорта (например, в докризисный 2007 г. 64% в общем объёме экспорта составляли сырая нефть, нефтепродукты, газ, никель, алюминий); при низкой специализации экспорта экономика более чувствительна к колебаниям мировой конъюнктуры, так как резкое изменение спроса способно лишить страну привычных рынков сбыта.

2. *Низкое качество институтов* (государственных и корпоративных)

3. *Предкризисный перегрев экономики*: темпы роста слишком высоки и не могут поддерживаться долго без негативных последствий. Среди индикаторов перегрева выделяют: рост фондовых индексов (перед кризисом по этому показателю Россия оказалась на втором месте после Китая); рост кредитов реальному сектору (Россия на первом месте); рост цен на недвижимость (также один из самых высоких показателей).

В той или иной мере кризис охватил практически все отрасли крупных стран, причём наиболее сильно пострадала промышленность. Россия оказалась в числе лидеров спада почти по всем отраслям экономики, кроме промышленности. Спад в промышленности (особенно в обрабатывающей) был гораздо глубже, чем в торговле или финансовой деятельности. Тем не менее на фоне других стран российская промышленность пострадала не так сильно.

4. *Спад производства как следствие сокращения спроса*. В большинстве национальных экономик сектор внешней торговли наиболее уязвим. Это связано с чувствительностью к таким явлениям, как кредитное сжатие, курсовая нестабильность, усиление протекционизма, разрыв производственных цепочек и др. В России падение ВВП было несколько компенсировано устойчивым мировым спросом на товары сырьевого экспорта, повышенной чувствительностью

российского импорта к девальвации рубля, снижению доходов населения и предприятий, сокращению банковского кредитования.

Рис. 2. Планируемые антикризисные меры¹

¹ Кайманаков, С.В. Антикризисные меры в банковском секторе в России / С.В. Кайманаков, А.А. Валяева, М.В. Осипова. – <http://www.ibl.ru/konf/031209/55.html>

Рис. 3. Факторы, способствовавшие переносу кризиса в Россию

Мировой кризис подорвал веру в прогресс, в возможность поступательного, мирного, линейного развития [8]. Подавляющее большинство экспертов ждет повторения глобального кризиса в ближайшее десятилетие XXI века, т.е. в период до 2020 года. Эксперты предупреждают об эффекте «накопления проблем». И благодаря ускорению глобализации он может стать ещё более глубоким и затяжным. Будущий кризис будет кризисом государств и межгосударственных отношений. И ответственность мировых элит состоит в том, чтобы подготовиться к радикальному повороту глобальной политики, найти невоенные технологии передела мира. В противном случае в момент наступления очередного «всеобщего бедствия» «испытанный военный путь» останется единственным способом утверждения своей правоты и урегулирования долговых проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл, В. О причинах, механизме образования и последствиях нынешнего кризиса мирового капитализма / В. Белл. – <http://worldcrisis.ru/crisis/620469>.
2. Бочко, В.С. Причины и последствия мирового экономического кризиса / В.С. Бочко // Журнал экономической теории. – 2009. – №3. – С. 88-95.
3. Голубицкий, С. Ахав и Шемания / С. Голубицкий // Бизнес-журнал. – 2010. – №9. – С. XII-XVI.
4. Колташов, В. Кризис глобальной экономики / В. Колташов. – М.: Ин-т глобализации и соц. движений, 2009. – 252с.
5. Корищенко, К. Новые вызовы в регулировании финансового сектора в условиях кризиса / К. Корищенко, И. Соловьёва // Вопросы экономики. – 2010. – №4. – С. 100-112.
6. Кудрин, А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию / А. Кудрин. – <http://institutiones.com/general/1158-mirovoj-finansovyj-krizis.html>.
7. Ларичева, Е.А. Макроэкономические аспекты антикризисного управления: учеб. пособие / Е.А. Ларичева. – Брянск: БГТУ, 2011. – 188 с.
8. Модели посткризисного развития: глобальная война или но-вый консенсус. Международное исследование. Ноябрь 2009 – январь 2010. – www.postcrisisworld.org.

9. Смирнов, С. Факторы циклической уязвимости российской экономики / С. Смирнов // Вопросы экономики. – 2010. – №6. – С. 44-68.

10. Тихомиров, В. Мировой финансовый кризис: способы преодоления / В. Тихомиров. – www.rcb.ru/ol/2010-01/44502.

Материал поступил в редколлегию 01.02.12

УДК 101.1:316

ББК 87.6

А.Ф. ШУСТОВ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Показаны социокультурные истоки и ценности, которые породили экологические проблемы, связанные с развитием технической деятельности.

Экологические последствия развития технической деятельности стали обсуждаться сравнительно недавно (хотя следует напомнить, что первая открытая общественная дискуссия по ее проблематике прошла в английских газетах еще в 1824-25 гг. в связи со строительством первой в мире железной дороги Стоктон-Дарлингтон). В цель нашего исследования не входит детальный анализ воздействия технической деятельности на все стороны среды обитания. В специальной литературе подробно описаны последствия подобного воздействия. Экологические идеи еще не стали в полной мере нормами технической деятельности, оттого им следует уделять значительное внимание. По сути дела, экологический кризис сегодняшнего времени – это следствие господствовавшего в течение 200 лет фабрично-машинной формы организации технической деятельности, основанной на использовании природной среды как непосредственно данного вещественно-энергетического источника. Анализируя множество фактов, приводящих к нарушению естественного равновесия между человеком и природой, Ж.Дорст и Р.Парсонс отмечают, что оно было нарушено с тех пор, как человек стал располагать более совершенными техническими средствами.

Такое понимание природы является следствием развития и господства европейско-рационального мировоззрения, сутью которого является ориентация на возможно большее обладание материальными ценностями, направленность на то, чтобы иметь, а не быть. В рамках такой технической парадигмы природа не самоцель, она ценна как объект человеческой деятельности. Обсуждение экологических проблем породило осознание того, что понимание природы чрезвычайно важно для современной технической деятельности. Поэтому возникает вопрос: каково было отношение к природе в истории человечества, и каково отношение к ней у наших современников? Ответ на этот вопрос предполагает анализ основных этапов отношения “человек-природа” от древнейших времен до наших дней. Учитывая рамки статьи, мы ограничимся рассмотрением только ключевых, ярко выраженных моментов этого отношения.

Проходя длительный период развития от биологической популяции до человеческой общности, человек не выделяет себя в обществе, не отделяет себя и от природы. Он – ее составная часть. В древнекитайской культуре, где «законы неба» определяют законы земли и всего, что на ней существует, человек предпочитает скорее недеяние, чем деятельность без меры. Здесь был широко распространен принцип “у-вэй”, требующий невмешательства в протекание природного процесса и адаптации индивида к природной среде. Этот принцип исключал стремление к ее целенаправленному преобразованию, он требовал самоконтроля и самодисциплины индивида, который должен был направлять все свои помыслы на совершенствование души и тела. Мир воспринимался им как единое целое, а человек – как одна из частей. Целью человека являлась не вражда, а стремление быть с природой в гармонии: познав ее основные законы, постараться не противоречить им. Принцип “у-вэй” охватывал практически все аспекты жизнедеятельности человека. В китайской культуре хорошо известна притча, высмеивающая человека, который проявлял нетерпение и недовольство тем, как растут злаки, и начал тянуть растения, чтобы ускорить их рост.

В культуре античности люди чувствовали себя погруженными в природу и свое социальное поведение соизмеряли с ее законами. Считалось, что благополучия можно достичь, лишь неукоснительно следуя законам природы. Идея блага, понимаемая как благо целого, стала звеном, связывающим мир вещей и человеческих отношений. Идею единства мира в диалоге “Зенон” Платон выразил так: все, что возникло, возникло ради всего в целом, с тем, чтобы осуществить присущее жизни целого блаженное бытие, и бытие это возникает не ради тебя, а, наоборот, ты – ради него. По Аристотелю, биологические процессы носят целесообразный характер и в этом обнаруживается глубокое родство между произведениями природы и произведениями “искусства” (техне). И в произведениях природы, и в произведениях “искусства” есть “разумное основание” (логос), потому они именно таковы. Он отмечал, что, руководствуясь мышлением или ощущениями, врач и домостроитель отдают себе отчет в разумных основаниях и причинах, по которым один занят здоровьем, а другой – постройкой дома, и почему следует поступать именно так. Но в произведениях природы прекрасное проявляется в еще большей мере, чем в произведениях искусства. И произведения искусства, и произведения природы, по Аристотелю, возникают ради известной цели. Более того, так как процесс возникновения разумен, он в обоих случаях одинаков: если бы дом принадлежал к числу предметов, возникающих от природы, он возникал бы так же, как теперь он возникает путем искусства, а если бы, наоборот, предметы, возникающие от природы, возникали бы не только от природы, но и путем искусства, они возникали бы именно такими, какими способны становиться от природы. Таковы сходства и различия между природной и художественной (технической) целесообразностью: в живом организме и в произведении искусства (а соответственно и в машине) нет ничего лишнего и недостаточного. Разница в том, что машину и произведение искусства создает кто-то другой (мастер), а организм создает сам себя. Природу Аристотель трактует как архитектонику. Она творит, упорядо-

чивает, конструирует. В ней нет ничего случайного. Природа всегда творит оптимальным образом, находя наилучшее из всех возможных решений. Аристотель считал, что она учит и указывает путь технике, подобно архитектору, т.е. главному и наиболее искусному в своих замыслах строителю.

В средневековом мировоззрении отношение к природе меняется. Путь к истине рассматривается как результат особого поступка – акта веры, поэтому изучение природы становится второстепенным по отношению к истинам откровения. Вещь, трактуемая как выраженное слово, перестала иметь источник своего существования в себе. Природа начинает рассматриваться как прах, лишенный жизни. В центре мировоззрения средневековья вместо безличного космоса античности, оказался Бог – создатель всего сущего. На основе этого формируется дуалистическая концепция мира природы и истории: мир природы в известной лестнице творений разделяется на мир небесный и мир подлунный (земной), а история – на историю светскую и историю священную.

Именно дуализм мира природы и истории сделал возможным следующий шаг в понимании отношений системы “человек-природа”. Если абсолютный космологизм античности означал причастность всех событий связанных с “Я”, к вселенской истории, то важнейшей истиной христианства стала мысль о том, что раскрыть смысл истории можно, лишь вчитываясь в человеческую историю. Эта истина стала кардинальной для того, что свершилось в области историзма на рубеже классической древности и средневековья, поскольку в ней выражен отрыв чувств и помыслов человека от природы. Вместе с Евангелием верующий усваивал непреложную истину: что ключ к познанию мира – не в естественном порядке вещей, а в истории человека. Именно здесь проходила грань между двумя культурно-историческими эпохами – античностью и средневековьем. Средневековая культура положила начало процессу структурирования изначально единого и неделимого космоса, задав совершенно иной принцип гармонизации, который уже вне космоса, вне природы: это – Бог. Формируется новая целостность бытия, в которой природе отведена нижняя ступень.

В средневековом мировоззрении природа начинает рассматриваться как прах, лишенный жизни, и впервые человек получает право господствовать над природой. Анализируя изменения, происшедшие в отношении человека к природе, Лин Уайт отмечал, что в эпоху античности каждое дерево, каждый ручей, каждый водный поток, каждый холм имели своего духа-защитника. Прежде чем срубить дерево, вырыть шахту, перекрыть речку, важно было расположить в свою пользу того духа, который владел ими, и позаботиться о том, чтобы и впредь не лишаться его милости. Разрушив языческий анимизм, христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов. Христианство не только установило дуализм человека и природы, но и настояло на том, что воля Божия именно такова, чтобы человек эксплуатировал природу ради своих целей.

В эпоху Возрождения делается еще один шаг в развитии понимания природы. Мыслители этой эпохи понимают ее как живую целостность, сотворенную Богом. Вместе с тем, божественные законы природотворчества могут быть

познаны не только святыми, но и обыкновенными людьми. Разумеется, эти люди должны быть образованными и одновременно искусными мастерами. Ренессансная эпоха возвеличивает человека, наделяя его божественными полномочиями по отношению к природе. Пико делла Мирандола в учении о “естественном маге” пишет, что человек, очистившись от несовершенств, может развить в себе способность постигать тайные силы макрокосмоса и управлять ими: человек способен вызывать на свет чудеса, скрытые в укромных уголках мира, в недрах природы, как если бы сама природа творила эти чудеса. Именно в таком порядке (выделение человека из космического порядка, признание его автономности, понимание природы как нейтральной почвы, существующей только для того чтобы служить человеку) формировалось будущее рациональное видение мира, а также традиция противопоставления человека природе. С возвеличиванием разума происходило принижение природы. Уже Галилей отмечал, что цвета, запахи, звуки не существуют вне глаз, носов и ушей. Декарт и Локк разработали теорию вторичных качеств. А у Юма живая ткань природы оказывается проекцией разума. Последний шаг к современному пониманию природы был сделан в философии Нового Времени: здесь происходит окончательный распад представления о мире как о едином гармонично устроенном космосе, который был для греков уютным домом, а теперь становится бездонной пустотой, понимаемой как однородное пространство. Пустое пространство полностью разрушает концепцию космического порядка: в пустом пространстве не существует естественных мест, в нем вообще места не существует. Обезбоженная природа становится чуждой человеку. Итак, разрушение космоса предстает как изгнание духа из природы и потеря качественности вещей. Это время характеризуется значительными социальными и экономическими преобразованиями. Однако все они характеризовали уже новую Вселенную. Как совершенно справедливо заметил К.А.Свасьян, приобретения как бы инстинктивно сиюминутно возмещают утраты и невольно пародируют утраченное. Утрачен внутренний смысл рая – ищется внешний “физический” рай (Колумб специально берет с собой в плавание переводчика-обращенного еврея, владеющего древнееврейским и арамейским языками); утрачена внутренняя ориентация – изобретается компас, утрачено ясновидение – мастерятся телескоп и микроскоп, утрачена живая связь с истоками – культивируется филология.

Благодаря деятельности Галилея, Декарта, Бэкона природа все чаще начинает рассматриваться сквозь призму технического эксперимента и сама становится машиной: например, как часовой механизм, затем ее сменил образ паровой машины, затем кибернетической, но все равно машины. В итоге к 19 столетию картина восприятия природы стала напоминать лоскутное одеяло. Картина природной реальности, рисуемая различными научными дисциплинами, не складывалась в целостность. В этом смысле многообразие отдельных наук, изучающих природу и вырывающих из нее отдельные предметы – фрагменты исследования, не способно дать целостного представления о природе.

Именно эта раздробленность в понимании природы привела к сегодняшним экологическим проблемам. Краткий историко-философский экскурс в по-

нимание отношения “человек–природа” показал, что истоки экологической ситуации следует искать в культуре, так же как и выход из нее во многом будет ею определяться. На каждом новом этапе социокультурного развития добываемое дополнительно количество энергии и вещества использовалось для наращивания вещественно-энергетического потенциала общества и усиление его техногенного воздействия на природную среду. Фактор времени лишь обнаружил негативные последствия усиления и расширения этой тенденции развития, которое происходило без какого бы то ни было учета экологического своеобразия окружающей природной среды. Возросший уровень технической вооруженности приводит к тому, что воздействие человека на природу носит чисто стихийный бесконтрольный характер. Традиционная парадигма “покорения” природы, согласно которой природа понимается как бесконечный резервуар ресурсов для человеческой деятельности и использования их для своих целей и нужд, вытесняется необходимостью целенаправленной адаптации социума к реальным возможностям природной среды. Таким образом, осознание необходимости сохранения природной среды является важнейшей задачей, к решению которой подошла человеческая цивилизация. Сейчас представление о том, что можно думать о собственном благополучии, не думая о жизненных возможностях животного и растительного мира, дискредитировало себя. Реальный учет глобальных техногенных процессов должен привести к необходимости изменения системы ценностных ориентации общества, его целевых установок. Эпоха чисто потребительского отношения общества к природе закончилась. Человечество должно осознать, что общество может развиваться в той мере, в какой это могут позволить возможности природы. Пока продолжается нынешняя техническая экспансия и столь безответственная эксплуатация природы, экономический рост будет означать ущерб нашей биосфере и даже ее разрушение.

Природа не является только пассивным фоном нашей деятельности, она – и это чрезвычайно важно, может быть самое важное, – самоорганизующая система. Реагировать на наше воздействие природа будет не по нашим правилам, а по своим собственным законам самоорганизации, которых мы почти не знаем. Отсюда вытекает необходимость подчинения всех культурных норм абсолютным ценностным критериям – критериям укорененности человека в универсуме, стремление вписаться в объективную диалектику универсума, не нарушая его гармонии. Человек находится в состоянии экологической неадекватности объективной диалектики универсума. Эта неадекватность есть дисгармония, не мерность с универсумом. Экологическая угроза есть всего лишь симптоматика этой тяжелой трагедии всех землян. Экологический кризис свидетельствует о том, что полностью исчерпал себя тип отношений общества и природы, определенный фабрично-машинной формой организации технической деятельности.

Однако данный характер нельзя считать фатальным. Ссылки на неизбежность возникновения экологических проблем в результате развития технической деятельности не выдерживают критики. Так, еще несколько десятилетий назад Япония была лидирующей страной в загрязнении воздуха и водоемов, а сегодня она является одной из экологически чистых стран, и как результат это-

го здесь один из самых высоких показателей продолжительности жизни в мире, хотя говорить об уровне развития технической деятельности в этой стране просто нет смысла. Это всем хорошо известно. Подобное стало возможным в результате огромных затрат на охрану окружающей среды и создание автоматизированного способа производства. К сожалению, тенденция вкладывания средств в природоохранные мероприятия еще не стала ведущей во многих странах мира. Пока большей ценностью для них являются военные расходы.

Сегодняшняя экологическая ситуация – это во многом итог игнорирования единства человека и природы, забвение законов взаимообусловленности и взаимозависимости. Технику и природу рассматривали вне взаимной связи, автономно друг от друга. Автономия разных областей, доведенная до логического конца, ввергнет их в конфликты с другими сферами и ценностями человеческого существования, что и приводит к серьезным негативным результатам.

Как было показано выше, проблема взаимоотношения человека и природы проходит через всю историю культурного самосознания человечества. Различия между человеком и природой, обществом и природой существуют и они значительны. Но различие само по себе не порождает иерархии или отношений господства и подчинения. Различия являются предпосылкой гармонии и взаимодополняемости. Деятельность, втиснутая в рамки узкой утилитарной ориентации, закрепляет отношение к природе как к средству для частных технических целей. Следовательно, вне системы “природа – техническая деятельность” сущность техники рассматривать невозможно, так как она по своему субстрату является частью природы, которая и определяет ее создание и функционирование особенностями природных свойств материалов и свойствами окружающей среды. Поэтому дальнейшее развитие технической деятельности должно опираться на понимание природы как самодовлеющей ценности и следовать законам социальной экологии, что позволит смягчить экологическую ситуацию.

Материал поступил в редколлегию 01.02.12

ББК 87.2

А.Ф. СТЕПАНИЦЕВ, Д.М. КОШЛАКОВ

НОМОТЕТИЗМ И ИДИОГРАФИЗМ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Рассматривается вопрос о соотношении парадигмальных установок номотетизма и идиографизма. Указывается, что одним из направлений разрешения противоречия между ними является трансдисциплинарный и транспарадигмальный синтез. В качестве возможного примера подобного синтеза, осуществленного уже в неклассической социальной науке и философии, приводится концепция идеальных типов.

Научное знание переполнено различного рода бинарными оппозициями, оказывающими огромное влияние на его развитие. К числу оппозиций такого рода может быть отнесено противопоставление номотетического и идиографического знания, разработанное неокантианцами. Нельзя не отметить, что это противопоставление оказало серьезное влияние на развитие социологии.

Истоки отмеченного противостояния сложились в философии И.Канта и его последователей – неокантианцев. Дело в том, что Кант, основываясь на разделении мира на природу («мир сущего») и культуру («мир должного»), выдвинул идею о принципиальном различии естественнонаучного и гуманитарного знания [4, с.119]. В свою очередь, Баденская школа неокантианства (В.Виндельбанд, Г.Риккерт и др.) еще более усилила разграничение этих пластов знания, указав на то, что демаркация познания природы и культуры кроется в различиях между методами их познания.

Г.Риккерт, например, счел возможным рассмотреть естественнонаучное и гуманитарное знание в качестве двух различных способов концептуализации одной и той же реальности. Из этого различия, с его точки зрения, и возникает противоположность наук о природе и наук о культуре, естественных и гуманитарных, номотетических и идиографических наук. Все это позволяет нам сформулировать представления о двух противоположных методологических установках – идиографизме и номотетизме. Если идиографизм представляет собой парадигмальную установку на видение реальности в качестве неунифицируемой и, соответственно, не подлежащей познанию посредством поиска общих закономерностей и осмыслению посредством общих понятий, то номотетизм, наоборот, ориентирует исследователя на познание реальности как унифицированной, имеющей некоторые общие закономерности. Согласно неокантианцам, естественные науки используют номотетический (законоустанавливающий) подход, основанный на выведении законов посредством генерализации состояний исследуемого объекта. В свою очередь гуманитарные науки используют подход идиографический, предполагающий описание конкретных событий и состояний объекта исследования посредством их индивидуализации. Идиографический (описательный, конкретизирующий) исследовательский подход нацелен на отражение определенной фактуры в отличие от подхода номотетического, тяготеющего преимущественно к теоретизированному видению мира.

Пожалуй, наиболее последовательно идиографическая методология была воспринята классической исторической наукой, а в более широких вариациях – гуманитарным знанием вообще. Связано это с тем, что законы в социогуманитарном знании не носят строго детерминированного характера, а проявляются в виде тех или иных тенденций или вообще отсутствуют, как полагают крайние сторонники идиографизма. В любом случае выявление законов такого высокого уровня, как в естествознании, в сфере социально-гуманитарного знания невозможно или сопряжено с серьезными трудностями, связанными с изменчивостью самого предмета познания, стохастичным и бифуркационным характером протекающих процессов и субъектностью акторов, поведение которых подлежит описанию и анализу. Социально-гуманитарному исследователю приходится изучать не мир объективных, а мир субъективных явлений, зависящих от воли и разума коллективных и индивидуальных субъектов. Все это многообразие компонентов, осложняющих социальное познание (сложная ситуация наблюдения, субъектность познающего и познаваемого, наличие практически неустранимой двунаправленной связи между ними, рефлексивность протекающих про-

цессов и т.п.), порождает некоторый плюрализм, разнообразие социальных теорий, а также существенную некогерентность между различными уровнями анализа [2, с. 4-5]. Некогерентность возникает также между отдельными теориями, подходами и т.п., включая некогерентность между идиографическим и номотетическим методами.

Справедливости ради надо сказать, что неокантианцы не считали оппозицию идиографического и номотетического знания абсолютной. К примеру, они признавали, что существуют науки о культуре, использующие метод естествознания. К числу таких наук помимо социологии могут быть отнесены антропология, психология и т.п., т.е. науки, вполне допускающие генерализацию эмпирической информации. Существуют и естественные науки, в той или иной мере использующие идиографический метод, к примеру, география и геология.

Оппозиция идиографизма и номотетизма – один из существенных факторов дробления научной рациональности. В какой-то исторический момент линия демаркации между данными методологическими установками оказалась сдвинута от границы естествознания и социогуманитарного знания к границе социального и гуманитарного знания. Связано это было с тем, что методологи науки стали приходить к выводу, что социальное знание может использовать номотетические, количественные методы, в отличие от знания гуманитарного, ориентированного на методы идиографические (качественные, конкретно-исторические). Однако подобный принцип разведения социального и гуманитарного знания имеет далеко не во всем безупречную основу, равно как и не самые безобидные последствия. Во-первых, и современная социология, и многие другие социально-гуманитарные науки (политология, психология, педагогика и т.д.) сегодня имеют в своем арсенале как количественные, так и качественные методы анализа (а также методы синтетические, количественно-качественные). Во-вторых, чересчур жесткое противопоставление социального и гуманитарного научного познания, количественных и качественных методик затрудняет трансдисциплинарную коммуникацию между различными пластами социально-гуманитарного знания и тем самым усиливает раздробленность научной рациональности. Как следствие этого, снижается уровень единства и связности научного знания.

Необходимо сказать, что проблема соотношения социального и гуманитарного, номотетического и идиографического, количественного и качественного актуальна в методологии социологического знания. Уже в неклассической науке и философии с зарождением социологии встал вопрос об отнесении ее к номотетическому или идиографическому знанию, а также вопрос о путях ее дальнейшего развития, научных идеалах и парадигмальных ориентациях.

Г.Риккерт понимал социологию как своего рода естественнонаучную интерпретацию социальной жизни, отказывая ей в праве называться исторической, идиографической наукой. В этом было определенное зерно истины, тем более что социология находилась под огромным влиянием позитивизма, по сути своей стремившегося превратить философию в науку, а науку – в естествознание. Однако уже ученик Г.Риккерта М.Вебер попытался выйти за пределы

неокантианского противопоставления наук, осуществить синтез социологии и истории и начать научно-исследовательский поиск «по ту сторону» идиографизма и номотетизма [3]. Конкретной реализацией подобных установок явилось введение в социологический дискурс концепции идеальных типов, которая позволяла основываться на синтезе методов социологии и истории, количественных и качественных методик, чем обеспечивался системный эффект, дававший возможность получать принципиально новые и нетривиальные научные результаты [3]. По сути дела, в социологических исследованиях М.Вебера мы сталкиваемся со своего рода трансдисциплинарным (история и социология) и транспарадигмальным (идиографизм и номотетизм) синтезами, если не преодолевающими, то как минимум сглаживающими остроту противопоставления двух установок. Проблема соотношения идиографизма и номотетизма имеет еще одну важную для социологии особенность. Дело в том, что признание наличия в социально-гуманитарной сфере законов, характерное для номотетизма, в современной реальности подтверждается бурным развитием технологий социально-гуманитарной сферы. Речь идет о самых разнообразных технологиях: социальных и политических, правовых и маркетинговых, психологических и педагогических, гуманитарных и социокультурных. На наших глазах формируется целый кластер социально-гуманитарных дисциплин, ответственных за социально-гуманитарные технологии. При этом можно сказать, что эти технологии являются результатом проникновения в социальную и гуманитарную сферу номотетических установок. Очевидно, что если бы в социально-гуманитарной реальности не было бы законов, как полагают сторонники крайнего идиографизма, то не были бы возможны и соответствующие технологии.

Вопрос о социально-гуманитарных технологиях имеет свои методологические особенности и на более высоком уровне. Связано это с тем, что в условиях становления единства научной рациональности, характерного для постнеклассической науки [4], обнаруживаются все новые и новые интенции к преодолению различного рода демаркаций, составляющих множественный раскол научной рациональности. Данный процесс идет сразу по нескольким направлениям. Во-первых, посредством интеграции научного и философского дискурсов, проникновения в науку методов общенаучного знания, являющегося пограничным для науки и философии. Речь идет о теории систем, теоретико-вероятностных и математико-статистических методах, теории информации, кибернетике, синергетике, а также о постнеклассических этапах развития математики, логики и диалектики [4]. Во-вторых, посредством постепенного преодоления различных демаркационных линий и оппозиций, включая оппозицию номотетизма и идиографизма. Роль социологии и ее методологических проблем в этом процессе оказалась весьма высока, что можно видеть на примере творчества многих социологов (М.Вебер, И.Валлерстайн и др.), а также развития таких дисциплин, как, к примеру, историческая социология и социальная история. В-третьих, формирование единства научной рациональности идет посредством формирования нового облика технико-технологического знания, т.к. оказалось, что у последнего с социально-гуманитарным знанием есть очень суще-

ственные поля общих интересов (феномен социально-гуманитарных технологий). Понятно, что роль этих «полей» (социальные технологии, политехнологии и т.д.), с одной стороны, возрастает (политика, социальная сфера, культура все более технологизируются, роль технологичности принимаемых решений увеличивается, появляются потенциалы для роста качества управления социально-гуманитарными процессами), а с другой стороны, является крайне неоднозначной (развитие «черных» технологий, формирование «общества риска» как результата современного техногенного мира), что вызывает у многих философов и ученых серьезный и многоаспектный интерес.

Можно сказать, что проблема соотношения номотетизма и идиографизма адресует исследователей к целому ряду других оппозиций и значимых для социального знания дискуссий. Противопоставление парадигмальных установок номотетизма и идиографизма имеет непосредственное отношение не только к науке и научной рациональности, но и к сфере политики и социального управления, а соответственно, управленческой и политической рациональности. В таком ракурсе противоречие, аналогичное оппозиции номотетизма и идиографизма, представлено в политической философии XX века. Ярким примером тому является социально-политическая позиция К.Поппера, противопоставлявшего историзм и историцизм (вспомнить хотя бы знаменитую его книгу «Нищета историцизма»). Согласно взглядам этого философа, открытое общество существует в парадигме историзма, в то время как закрытые, тоталитарные общества ориентированы на историцизм. Здесь нет необходимости подробно анализировать как вопросы правомочности оценок, даваемых К.Поппером и другими авторами, так и политическую полемику по поводу противостояния историзма и историцизма (тем более что эта дискуссия, пик которой пришелся на Холодную войну, в немалой степени носила конъюнктурный характер). В данном случае важным для нашей статьи является лишь факт наличия такой дискуссии.

В этой же сфере находится противоречие холизма и антихолизма (индивидуализма). В данном случае холизм и индивидуализм приходится рассматривать как в социально-политическом плане (общества и их политико-идеологические системы в той или иной мере связаны с холизмом и индивидуализмом), так и плане методологическом (холизм и индивидуализм являются не только политико-идеологическими установками, но и установками парадигмальными и методологическими). Собственно говоря, номотетизм и идиографизм аналогичны соответственно историцизму и историзму, а также холизму и антихолизму. Подобные парные оппозиции – не что иное, как различные уровни единого грандиозного парадигмального противоречия, порождающего массу дискуссионных вопросов в социально-гуманитарном знании, различных некоррентностей, диспропорциональностей в социологии и социальном управлении. Все это, конечно, обостряет проблему понимания противостояния идиографизма и номотетизма, дополняя ее новыми гранями, в том числе и политико-философскими. Справедливости ради стоит отметить, что в науке и практической деятельности вопрос о приоритетности того или иного подхода в социальном управлении до конца не решен. По этому поводу продолжается достаточно

серьезная интеллектуальная дискуссия, важные звенья которой обнаруживаются в социальной и политической философии, теории модернизации и т.п. Одним из интеллектуалов, участвующих в данной дискуссии и пытающихся выявить ее внутренние основания для того, чтобы на полученной основе выйти за рамки однобокого взгляда на мир, является М.Бунге [6]. Противопоставляя с одной стороны крайний социальный холизм (критикуемый в работах К.Поппера, Ф. фон Хайека, Х.Арендт, К.Фридриха, Р.Арона и др., представленный просвещенческим и христианским видением истории, а также концепциями Платона, Г.Гегеля, К.Маркса и пр.) и крайний индивидуализм (воспетый в работах А.Смита, М.Фридмана и пр.), М.Бунге говорит о необходимости системного примирения обоих подходов [1; 6]. С целью выхода за рамки жесткой оппозиции и прорыва к синтезу различных парадигмальных и мировоззренческих установок, Бунге вводит соответствующие концепты (системизм, холотехнодемократия), призванные способствовать данному процессу [1; 5]. Подобный интеллектуально-политический поиск, вне всякого сомнения, носит актуальный характер, ибо способствует становлению единства научного знания, разрешению проблемы некогерентности в социальном знании. В любом случае, грандиозные достижения социологии М.Вебера говорят все-таки в пользу того, что нетривиальный синтез конкурирующих парадигмальных установок не только возможен, но и полезен. Конечно, на первый взгляд может показаться, что проблема противостояния номотетизма и идиографизма носит исключительно теоретический характер и лишена какого-либо конкретно-практического смысла. В этой связи следует подчеркнуть, что данная проблема многоаспектна, многогранна, имеет как теоретическое значение, так и значение прикладное.

Теоретическая значимость ее сопряжена со становлением единства научной рациональности и необходимостью преодоления внутри рациональности целого ряда демаркаций. Этот же процесс значим и в плане конкретных научных исследований, в которых невозможно обойтись без выхода на трансдисциплинарные и транспарадигмальные уровни. Примером того, как можно проводить такие исследования в неклассической науке и философии, может служить социологическое учение М.Вебера. Конечно, современная постнеклассическая социология имеет в своем основании уже другой (постнеклассический) уровень науки и философии, но предложенный М.Вебером трансдисциплинарный и транспарадигмальный синтез, а также методология его проведения не потеряли актуальность и в настоящее время.

Правда, технологии применения трансдисциплинарного и транспарадигмального синтеза в современных исследованиях, равно как и их возможные методологические основания (теория систем, синергетика, кибернетика, теория игр, феноменологическая традиция, марксизм, герменевтика, методология Г.П. Щедровицкого и др.) требуют особого обсуждения, не входящего в круг вопросов данной статьи. Мы можем здесь всего лишь констатировать, что выход на транспарадигмальные и трансдисциплинарные исследовательские программы имеет своим результатом формирование новых, более развитых форм социально-гуманитарных технологий. Если монодисциплинарные социально-

гуманитарные технологии обычно направлены на управление однокачественными процессами (финансовыми, экономическими, социальными, политическими и т.п.) или процессами с небольшим уровнем разнокачественности, то социально-гуманитарные технологии трансдисциплинарного типа могут позволить осуществить выход на управление процессами существенно разнокачественными. Подобная методология имеет серьезное значение для таких отраслей социологии как социология управления, социология культуры, теория модернизации, управление человеческим капиталом, интеллектуальным потенциалом, наконец, потенциалами государственности вообще. Все это имеет не только теоретический, но и глубокий практический смысл.

В этом плане поиск путей преодоления оппозиции номотетизма и идиографизма позволяет найти новые решения в следующих сферах:

- становление единства научной, философской рациональности и рациональности других видов знания;
- разработка методологии поиска новых транспарадигмальных и трансдисциплинарных исследований;
- поиск транспарадигмальных и трансдисциплинарных типов социально-гуманитарных технологий с целью обеспечения управления разнокачественными социальными процессами.

С методологической точки зрения оппозиция номотетизма и идиографизма – это то, что удалось сделать в рамках неклассической философии и науки в ходе осмысления природы, общества, человека и его духовного мира; своего рода элемент языка концептуализации реальности в философской и научной неклассике. На уровне уже постнеклассической науки и философии выявляется некоторый «механицизм», ограниченность такого языка. Преодоление оппозиций в социально-гуманитарном знании вообще и в социологии в частности даст возможность (исследователю или управленцу) как можно более адекватно видеть социальную реальность и взаимодействовать с ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунге, М. Холотехнодемократия: Альтернатива капитализму и социализму / М.Бунге // Вопросы философии. 1994. – №6. – С. 42-46.
2. Климовицкий, С.В. Решение проблемы когерентности в современных западных социологических теориях: автореф. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / С.В. Климовицкий. – М., 2008. – 20 с.
3. Кузяков, А.В. М.Вебер о соотношении методов исследования в социологии и исторической науке: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / А.В. Кузяков. – М., 2007. – 34 с.
4. Степанищев, А.Ф. Рациональность философии и науки: от классики к постнеклассике: монография / А.Ф.Степанищев. – Брянск: БГТУ, 2006. – 239 с.
5. Bunge, M. Systemism: the alternative to individualism and holism / M.Bunge // The Journal of Socio-Economics. – 2000. – №29. – P. 147-157.
6. Denis, A Methodology and policy prescription in economic thought: a response Mario Bunge / A.Denis // The Journal of Socio-Economics. – 2003. – №32(2). – P. 219-226.

Материал поступил в редколлегию 01.02.12

УДК 316.752
ББК 71.0В92

А.А. СВИДЕРСКИЙ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ МАТЕРИАЛЬНО-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИННОВАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассмотрены типы социальных систем, для которых характерна инновационная культура, и вскрыты причины наблюдаемого в них ценностного кризиса. Показано, что потребительское отношение к природе неизбежно в инновационной культуре.

Инновационная культура утверждалась в новых типах социальных систем, которые возникли в результате значительных перемен в общественной жизни Западной Европы, где развитие буржуазных отношений предполагало активизацию экономической жизни и интенсификацию производства. Это, в конечном счете, способствовало промышленному перевороту второй половины XVIII – первой половины XIX веков, который повлек за собой многообразные структурные изменения во всех сферах общества. Упомянутые изменения сопровождались и в некоторой степени обуславливались изменениями в системе ценностей, в том числе в социокультурных основаниях материально-преобразовательной деятельности. *Деархаизация общественной жизни индустриального общества была достигнута за счет снятия запрета на инновационную деятельность и даже превращение ее в системообразующую.*

Промышленный переворот вызвал значительные социальные перемены. В данном случае нас будут интересовать те изменения в социальной структуре общества, которые привели к изменению ценностных межсубъектных отношений. Процесс разрушения традиционных, относительно замкнутых, устойчивых аграрных сообществ, начавшийся в Западной Европе вместе с зарождением буржуазных отношений, достигает своей кульминации во время промышленного переворота: вследствие начала массовой миграции сельского населения в города одновременно шел процесс разрушения тех четких и устойчивых механизмов трансляции и хранения социально значимого опыта, которые ранее определили исключительную целостность и жизнеспособность аграрных культур.

Влияние урбанизационных процессов на ценностные отношения неоднозначно. Так, разрушение ценностных отношений традиционного общества и рост отчужденности между людьми в некоторой степени способствует появлению независимой личности, освобожденной от тотального влияния социума. М. Вебер отмечает, что развитие городской культуры создавало условия творчества и увеличивало возможности для проявления человеческой свободы [3, с. 362]. Очевидно, указанная тенденция может способствовать активизации внутренних, ценностных механизмов регуляции человеческой деятельности, в том числе и в отношении материального преобразования. «Исторический переход от традиционной культуры к культуре инновационной, личностно-креативной, резко изменил соотношение ценностного и нормативного механизмов управления поведением членов общества – от доминирования нормативного к безус-

ловному преобладанию ценностного», – отмечает М.С. Каган [4, с.165]. Эта тенденция соответствует природе инновационных культур, в том числе и потому, что на вершине ценностной иерархии здесь оказывается свободный индивид с его интересами, стремлениями, потребностями. Утвердившийся в инновационном обществе индивидуализм превозносит личность, утверждая ее приоритет по отношению к социуму и, тем более, природному окружению. В этой ценностной ситуации человек предстает в качестве универсальной силы, противостоящей природе, вторгающейся в ее процессы, преобразующей разнообразные явления природы в необходимые для себя формы. «Природа воспринимается в этой системе ценностей, – отмечает В.С.Степин, – как поле приложения человеческой силы, как своего рода неисчерпаемая кладовая, из которой можно брать любые материалы и средства» [7, с.5]. Таким образом, цель преобразования природы в интересах человека может быть достижима совершенно разными способами и средствами, а в качестве критериев их выбора выступят экономические, технические или технологические показатели.

Спецификой индустриального производства является усиление зависимости человека от внешних для его целесообразной воли обстоятельств: он занимает строго определенное место в производственном процессе, выполняет функциональные обязанности, решает узкие технические и технологические задачи, зачастую не понимая их необходимости и возможных последствий. Появляется парадоксальная возможность делать что-либо, не понимая сути этого делания. «Активность начинает пониматься нелинейно, – подчеркивает А.В. Суркова, – то есть не в форме однонаправленного действия, осуществляющегося по причинно-следственной цепочке, а как развитие системы коррелятивных, функциональных связей между техническими артефактами и проявлениями сознательной деятельности человека» [8, с.106]. Мы можем сделать вывод, что материально-преобразовательная деятельность в индустриальном производстве теряет свою целостность (однонаправленность от предпосылок к цели, результатам) и, как следствие, фактически полностью теряет внутреннюю аксиологическую или этическую сторону, обеспечивающую соответствующую регуляцию. В результате, даже явно негативная практика воздействия на природные процессы не вызывает чувства ответственности.

Организация производства в индустриальном обществе предполагает чрезвычайно сложные цепи взаимоотношений между многочисленными субъектами, выполняющими определенные функции в едином производственном процессе. В этом случае хороший производитель – это, прежде всего профессиональный исполнитель, способный точно выполнять указания. Налицо много-субъектная модель деятельности, где сам преобразователь природы не самостоятелен и не самодостаточен, а может выступать как более или менее качественное орудие в руках управляющего. Возникает ситуация отстранения непосредственного производителя от формирования целесообразной программы деятельности, которую он обязан выполнять. Поэтому инновационная культура развивается в направлении неуклонного совершенствования технологии деятельности, в то время как ценностная составляющая практически не актуализируется. Аксиологическую сторону этого положения можно раскрыть как противоречия между *преимущественно ценностными механизмами регуляции деятельности человека в инновационном обществе и жесткими, внешними стан-*

дартами – организационно-техническими нормами, продуцированными техносредой, постоянно растущей и накладывающей на поведение человека все большие ограничения. В индустриальном производстве, организация и характер которого обусловлены спецификой технических средств и технологий, техника становится определяющим фактором преобразовательной активности человека.

«В большинстве теорий управления признано, – отмечает В.А. Кутырев, – что теперь конкурентоспособны те предприятия, которые развиваются по законам социотехнической системы, сплавливающих человека и технику в одно целое» [5, с.178]. Автоматизация производственных процессов практически исключает возможность для творческой деятельности. Дальнейшая технологизация производства, призванная повысить ее эффективность, всецело включает производителя в технологические цепи, конвейерные линии, культивируя автоматизм мышления, действий. Одновременно формируется стереотип, что проникновение науки и техники во все сферы общественного бытия, утверждение методов точного расчета устранил негативные явления, поможет отрегулировать все человеческие связи. Упование на силу науки и техники, свойственное идеологии индустриальной эпохи, снижает необходимость рефлексии по поводу процесса делания, а также препятствует межличностному взаимодействию. Эрих Фромм, анализируя специфику индустриального производства, отмечает, что «общая особенность организации труда – постоянное устранение элементов творчества (включая элемент риска и неопределенности) и совместного труда путем делания и подразделения задания до такого уровня, когда не останется места ни для рассуждения, ни для межличностного контакта, да они и не требуются» [11, с.335-336]. Специализация производства вытесняет необходимость духовно-эмоциональной связи между людьми, а главенствующую роль в межсубъективных отношениях приобретает рассудочность [1, с.118]. В этих условиях отрицаются главные механизмы формирования, воспроизводства и трансляции ценностей. Таким образом, индустриальное производство способствует отчуждению деятельности, причина которого – в порабощении человека созданными им самим силами, что приводит к искажению человеческой сущности, расчеловечиванию человека. Как следствие, возникает кризис ценностных отношений, то есть ценности не выполняют функцию регуляции материально-преобразовательной деятельности. Разрушение ценностных межсубъективных отношений и отчуждение деятельности способствует отчуждению человека от природы. Кризис ценностных отношений в инновационном обществе проявляется в появлении новых механизмов регуляции преобразовательной активности. Речь идет о постепенном вытеснении ценностей информацией. Как замечает А.В. Бузгалин, «информация и информационные технологии (в отличие от культурных ценностей) могут быть использованы в процессе материального производства и утилитарного потребления» [2, с.35]. Информация (в отличие от знания) не несет в себе аксиологической нагрузки, она носит безличный характер, не требует творческого воспроизводства. Она необходима только в конкретной прагматической ситуации и моментально устаревает, обнаруживая свою бессмысленность, так как в ней отдан приоритет количеству, актуальности, но не содержательной стороне. Одновременно информация очень удобна в рамках инновационной культуры и индустриального производства: как замечает В.А. Кутырев, замена ценностей информацией способствует реализации

принципов пользы, расчета [6, с.26]. Ценности не востребованы индустриальным, инновационным обществом еще и потому, что их иррациональная природа и абсолютность не встраивается в рационально обоснованную и динамически развивающуюся структуру социотехнической системы.

Общие тенденции изменения ценностных отношений в инновационном обществе касаются практически всех основных типов ценностей, так или иначе включенных в механизм регуляции материально-преобразовательной деятельности. Значительные изменения происходят в структуре материальных ценностей инновационного общества. Материальная ценность генетически связана с потребностью как основой оценки, поэтому отражает потребительские качества, универсальным носителем которых является природа. В таком виде материальные ценности присутствовали в культуре традиционных аграрных обществ, где благодаря доминированию экстенсивного натурального хозяйства, субъект производства был един с субъектом потребления, вследствие чего труд, чувственно-предметная практика были направлены на производство потребительских ценностей, удовлетворяющих потребности конкретного человека. Тем самым вмешательство в природу практически тождественно уровню наличных потребностей: человек берет у природы именно то, что ему действительно необходимо. Развитие рыночной экономики вызвало иную тенденцию развития материальных ценностей, которые во все возрастающей мере начинают определяться меновыми стоимостями. В системе буржуазных отношений, когда производство продукта как товара, специально предназначенного для продажи, вышло на первый план и стало самоцелью сначала производства, а затем и других сторон жизни человека и общества, реальная полезность произведенного оказалась не важна. Если в традиционных обществах труд был морально самоценен, то в буржуазном конкретный труд – лишь средство увеличения стоимостей. Вследствие этого природа воспринимается как разрозненные компоненты-явления, ценность которых определяется их ценой на рынке, возможностью извлечения из них меновых стоимостей с целью увеличения капитала. Причем меновые отношения распространились не только на природные объекты и продукты производства, но и на самого человека и его деятельность. Человек, его способности, преобразовательная деятельность становятся специфическим товаром, средством для производства капитала. Инновационная культура позволила сосуществовать в рамках одного субъекта двух противоречивых моделей деятельности: ориентации на духовный идеал и материальную пользу, выгоду.

Возникает возможность принципиального разграничения сферы хозяйственно-экономической от нравственно-эстетической. При этом отношение к природе как к объекту-носителю материальной, экономической ценности предопределяет ее эстетическое и нравственное восприятие, освоение: декларируется необходимость хозяйственного освоения природы без соответствующей нравственной ответственности со стороны преобразователя, внутреннего духовно-практического контроля при выборе и реализации потребностей и интересов субъекта, так как обратное отношение негативно скажется на его экономическом успехе. Развитие орудий труда, техники приводит к значительным изменениям в ценностных отношениях, так как «характер и масштабы человеческой деятельности, ее цели и задачи в решающей степени зависят от тех средств, которые созданы в ходе исторического развития человечества» [9, с.52]. Качест-

венный рост преобразовательных возможностей общества в индустриальный период влечет за собой значительное расширение сферы «второй природы», которая возникает на основе первой, но отличается иной формой регуляции, большей пластичностью и изменчивостью. В отличие от первой природы, предметы действительности, ставшие общественным бытием человека, постоянно меняют свое ценностное значение в связи с изменением их включенности в практические связи человека. В инновационной культуре ценность «второй природы», определяемой, как «Царство Человека», неуклонно растет, поэтому *отношения человека к природе уже в значительной и всевозрастающей степени опосредуются его отношениями с окультуренной им частью природы.*

С началом индустриальной эры мир, который создавал человек, перестал быть чувственно-соразмерным ему: резко увеличился, вышел за пределы чувств и воображения, отдалил человека от естественной природы или даже полностью изолировал её, сделав практически невозможным чувственный контакт с ней. Нужно отметить, что общей тенденцией развития человеческой практики в рамках инновационного общества является постоянное сокращение чувственно-эмоционального контакта с природной средой: это обусловлено продолжающейся урбанизацией и постоянным расширением сферы применения сложных технических механизмов, особенно тех, которые способны работать автономно. Мы отмечали, что эмоциональное переживание лежит в основе оценочного отношения, а значит, связано с процессом воспроизводства ценности. Кроме того, значимость эмоционального контакта с природой заключается в том, что исчезает противоположность субъекта и объекта, человека и природы. Живое эмоциональное переживание природы становится основой единения с ней, принятия природы как «исконно своего». Следовательно, *отсутствие чувственно-эмоционального контакта с неизменённой человеком природой способствует её отчуждению и объективации*, появлению уверенности в том, что человек независим от природы, всецело самодостаточен. Закономерным следствием этого является социокультурная установка, позволяющая изменять природу произвольно, меняя любые параметры физико-географической среды, наполняя последнюю искусственными технобиосистемами, служащими прагматическим целям человека. Отчуждение природы делает её существование необязательным. Создаваемый индустриальным производством технический мир становится условием абсолютизации новации, перемен, требует продуцирования все новых и новых технических средств, которые, в свою очередь, требуют своего приложения. Так, ключевые идеи индустриальной эпохи построены на идеалах технического прогресса и нескончаемой мощи человека. В ситуации отчуждения природы от человека характеристики и закономерностей социотехнического развития переносятся на развитие естественной природы. Возникает парадоксальная ситуация, когда все природное будет казаться чем-то искусственным, синтезированным. Культивируется представление, что естественную природу можно заменить на более совершенную «модель», появляется уверенность в практической возможности синтеза человеком новой природной среды, отвечающей его потребностям. Отсюда нередко делаются и такие выводы: новый мир, искусственная среда настоятельно требуют искусственного человека. В новых, техногенных условиях природность человека становится самой большой проблемой на пути к «совершенному миру». Искусственное

противопоставляется естественному как мир строгого расчета, целесообразности, порядка. Технический механизм как продолжение телесного механизма человека, как воплощение его идей становится близким человеку: в нем он видит самого себя, осуществление собственных планов и интересов. Поэтому, в сравнении с природой, которая воспринимается «чужой», техника, безусловно, выигрывает. «Индустриальному обществу, – как отмечает Э. Фромм, – присуще презрение к природе – как ко всем вещам, которые не являются продуктом машинного производства» [10, с.39]. Естество хаотично, бессмысленно, слепо. Это лишь возможный материал для перестроек и переделок. Пристрастие к неживому, механическому ведет к безразличию по отношению к живому. Целесообразность, упорядоченность и четкость производственных ритмов не позволяет восхищаться, прислушиваться к ритмам природы. Перенос ценностных отношений из естественного мира в технический проявляется в многочисленных попытках определения в технике эстетических или даже нравственных качеств.

В связи с тем, что в индустриальном обществе практически вся материально-преобразовательная деятельность, так или иначе, связана с техникой, ее изготовлением или использованием, техническая деятельность приобретает особое социальное значение. Отделение процесса проектирования и изготовления технических орудий от другой производительной деятельности людей привело к сакрализации технической деятельности и соответственно ее продуктов. Поэтому идея технического новаторства возведена инновационной культурой в высшую ценность: здесь можно говорить о включении в его восприятие религиозно-мифологических элементов. Таким образом, социотехническое развитие способствует культивированию потребительства, которое проявляется в социокультурной установке – «больше иметь и больше использовать». Индустриальное общество производит множество ненужных вещей, делая сам процесс их производства и потребления исключительно ценным. При этом вещи, которыми обладает индивид, отождествляются им с ценностями. В результате чисто потребительского отношения к природе человек утрачивает способность видеть в ней внутреннее единство, скрытую в ней сущность и вместе с тем находить ответы на вопросы о смысле своей собственной деятельности. Лишенная своего человеческого звучания, природа представляется царством внешней, чуждой человеку и непонятной для него необходимости.

Список литературы

1. Александрова, Р. Критика эволюционной этики / Р. Александрова. - Саранск, 1974.
2. Бузгалин, А.В. «Постиндустриальное общество»- тупиковая ветвь развития? / А.В. Бузгалин // Вопросы философии.- 2002.- №5.
3. Вебер, М. История хозяйства. Город./ М. Вебер. – М., 2001.
4. Каган, М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. - СПб., 1997.
5. Кутырев, В.А. Традиция и ничто / В.А. Кутырев // Философия и общество.- 1998.- №6.
6. Кутырев, В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура / В.А. Кутырев // Вопросы философии. - 1996.- №11.
7. Степин, В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В.С. Степин // Вопросы философии.- 1989.- №10.
8. Суркова, А.В. Парадигма техницизма в цивилизационном процессе / А.В.

Суркова.- М., 1998.

9. Фролов, И.Т., Юдин, Б.Г. Этика науки: Проблемы и дискуссии / И.Т. Фролов, Б.Г. Юдин. – М., 1986.

10. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. - М., 1986.

11. Фромм, Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. - М., 1998.

Материал поступил в редколлегия 01.02.12

УДК 101.1:316

ББК 87.6

И.В. ШЛЕМИНА

СУЩНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Социокультурная среда отражает сущностные связи человека с социокультурным окружением. Она имеет набор устойчивых элементов (полей и соответствующих сфер жизнедеятельности). Эти элементы с определенной качественной характеристикой выступают как относительно самостоятельные друг от друга области деятельности и взаимодействия человека с предметным миром культуры и другими людьми и представлены соответствующими социальными институтами и учреждениями.

В рамках социокультурной среды (т.е. предмета деятельности человека) и сферы активности человека можно выделить определенные компоненты:

- культурно-историческое наследие или историческая среда обитания человека, мера ее освоения и востребованности;

- художественная среда обитания человека, обеспечивающая соответствующие формы его активности по освоению и развитию предметов и ценностей художественной культуры, качество его художественной жизни;

- социально-психологическая среда обитания (характер межличностных отношений ближайшего окружения, форм и способов совместной жизнедеятельности людей — их производственные и семейные, формальные и неформальные связи и отношения);

- духовно-нравственная среда обитания (как в форме общественной морали, так и в форме внутреннего содержания духовно-нравственных ценностей, норм, идеалов, смысла человеческой жизни);

- политическая среда обитания (характер и содержание политической жизни, условия и возможности участия человека в общественно-политической деятельности);

- экологическая среда обитания (состояние природного окружения, а также самоопределение человека в природном мире).

Основными сферами жизнедеятельности человека являются: производственная (характеризуется видами производственных структур, определяющих номенклатуру профессий, условиями профессионального самоопределения и самореализации личности в той или иной сфере трудовой деятельности); обра-

зовательная (учреждения системы образования, в т.ч. специального); досугово-рекреационная (представлена досуговыми и туристско-экскурсионными учреждениями); физкультурно-оздоровительная (учреждения спорта и здравоохранения, обеспечивающих здоровье человека, развитие его физических и психических способностей); информационная (библиотеки, средства массовой информации).

Каждый элемент социокультурной среды имеет соответствующие проблемы и ресурсы, которые могут различаться в условиях конкретного региона и представлены:

- потенциалами по каждому полю среды;
- инфраструктурой, т.е. учреждениями, выполняющими различные функции по формированию и реализации всех составляющих образа жизни.

Таким образом, социокультурная среда — это окружающие человека материальные, социальные, институциональные и духовные условия его формирования, развития и самореализации. Составляющие социокультурной ситуации — среда и сферы жизнедеятельности — являются одновременно областями проектной деятельности. Социокультурная среда жизнедеятельности (человека, социальной группы, региона) поддается изменению, преобразованию. Оказывая решающее воздействие на развитие и формирование личности, среда в то же время изменяется, преобразуется под влиянием творческой активности человека, благодаря которой потенциалы среды становятся реальными возможностями развития личности, условиями ее самореализации.

Если анализировать ситуацию, характерную для социокультурной жизни российского общества в целом, то обнаруживается ее сложность и противоречивость.

С одной стороны, наблюдаются позитивные перемены, связанные с укреплением сознания народа, существенной активизацией социально-культурного творчества различных категорий и групп населения, расширением количества видов и форм художественного творчества, обогащением спектра культурных инициатив за счет развития различного рода общественных объединений, движений, клубов, ассоциаций. Исчезает чувство культурной изоляции, в культурную память возвращаются многие художественные ценности, несправедливо преданные забвению. Востребуется огромный гуманитарный потенциал русской культуры — философская, культурологическая, социологическая, психологическая, экономическая мысль. Активизируется национально-культурное самосознание различных этнических групп и социальных общностей, что способствует формированию исторической памяти, любви и привязанности человека к территории исконного проживания, возрождению культа предков и родственников, бытовых обрядов, традиционных форм хозяйствования, быта, верований. Восстанавливается в своих правах религиозная культура.

Однако наблюдаются негативные тенденции и процессы: динамизм общественной и культурной жизни вызвал значительное усложнение структуры и

содержания отношений людей друг с другом, с природным и искусственным окружением, которое выражается как в объективных показателях (в количественном увеличении качественно разнообразных предметов, научных идей, художественных образов, образцов поведения и взаимодействия), так и в субъективной плоскости — в уровне психической и социальной напряженности. Наиболее существенными проблемами, отражающими характер социокультурного окружения людей и не имеющими пока эффективных средств решения, являются: расхождения между запросами различных членов общества и возможностями их удовлетворения; социальное расслоение по таким социокультурным основаниям, как образ и стиль жизни, социальная идентичность, позиция, статус.

Социально-экономические преобразования, массовая миграция, насильственная политика предыдущих десятилетий, направленная на преодоление различий между городом и селом, разрушили традиционные формы связи и отношения человека с социальной, природной и культурной средой, вызвали отчуждение человека от земли, от жизни общества, от собственной судьбы.

Социально-культурный кризис в обществе усугубляется продолжающимся этническим расслоением и ростом межэтнической напряженности. Все более заметным становится агрессивность по отношению к другой точке зрения, другой системе ценностей, стремление обнаружить врага в лице представителей иной веры, национальности, усиливается экстремизм в политической и общественной жизни.

Наиболее существенные проблемы связаны с общим состоянием духовной жизни общества:

1. Снижаются показатели духовной жизни общества. Теряют популярность кино и музыка. Происходит резкое снижение роли телевидения в приобщении населения к искусству. Почти полностью отсутствует в предпочтениях населения современное отечественное искусство. Снижение требовательности к художественному уровню произведений искусства привело к расширению потока низкопробной литературы, кино, музыки, которые в значительной мере деформировали эстетический вкус населения.

2. Происходит значительная переориентация общественного сознания — с духовных, гуманистических ценностей на ценности материального характера. Значительная часть граждан России ориентируется на материальное благополучие как главную цель жизни. Во многом утеряны такие нравственные ценности как любовь к Родине, взаимопомощь, милосердие. По существу культура начинает утрачивать функции социальной регуляции, общественной консолидации и духовно-нравственного самоопределения человека, приближаясь к состоянию безнормности, дисфункциональности. Ценности и нормы, составляющие нравственную вертикаль и духовное ядро отечественной культуры, сегодня неустойчивы, расплывчаты, противоречивы.

3. Особую тревогу вызывает молодое поколение, которое все больше удаляется от духовной культуры. Этому во многом способствует кризис системы образования, политика средств массовой информации, которые внедряют в сознание в качестве нормы безнравственность, насилие, пренебрежительное отношение к профессии, труду, к браку, семье. Растет разочарование в демократических идеалах и ценностях, усиливается настроение безнадежности, неверия в возможность решения социально-политических вопросов.

4. На уровне государственной политики наблюдается недооценка культуры как консолидирующего и смыслообразующего фактора, как важнейшего ресурса духовного возрождения России. Основной акцент в государственной культурной политике сделан на развитие массовой коммерческой культуры, которая рассматривается как необходимый компонент демократического общественного устройства и рыночной экономики, основа гражданского общества и правового государства. В связи с чем происходит вымывание бесплатных форм культурно-досуговой деятельности, смещение приоритетов культуры с содержания деятельности на извлечение прибыли. Глубокий кризис переживает киноиндустрия (примером могут служить последние отечественные фильмы «9 рота», «Утомленные солнцем» в 3-х частях, «Высоцкий. Спасибо, что живой»).

5. Усиливаются процессы размывания духовной самобытности российской культуры, утрачивается историко-культурная самобытность отдельных территорий, поселений, малых городов. Коммерциализация культурной жизни привела к унификации обычаев, традиций и образа жизни (особенно городского населения) по зарубежным образцам. Следствием массового тиражирования западного образа жизни и моделей поведения становится стандартизация культурных запросов, утрата национально-культурной идентичности и разрушение культурной индивидуальности. Коммерческая культурная продукция уже не воспринимается как носитель нравственных и эстетических критериев, духовного или метафизического смысла, она оказывает влияние на общественное и индивидуальное поведение прежде всего на уровне потребления, опускаясь до уровня банальностей и стереотипов.

Не меньше проблем и в остальных сферах жизнедеятельности человека:

1. Учреждения здравоохранения и медицинское обслуживание. Людям более всего не нравится грубость и халатное отношение медицинского персонала к своим обязанностям, непрофессионализм врачей и очереди в муниципальных медицинских учреждениях, сокращение числа бесплатно предоставляемых услуг. По этой причине те, кто имеет финансовую возможность, обращаются в платные клиники, где уровень обслуживания выше. Непрофессионализм врачей внушает населению недоверие к ним, и в случае заболевания многие люди занимаются самолечением. Залогом здоровья жители считают, в пер-

вую очередь, хорошее настроение и оптимизм и только потом – физическую активность и правильное питание.

2. Высокий уровень образования, как и хорошее здоровье, является важнейшим ресурсом для развития общества и создания благоприятствующей социокультурной среды. Накопление образовательного потенциала у населения происходит в годы учебы. Избранная специальность определяет дальнейшее отношение к профессиональной деятельности. Более всего работа нравится людям, получившим высшее образование, менее всего – не имеющим специальности и работающим на низкооплачиваемом месте, а также занятым тяжёлым физическим трудом либо не работающим по специальности. Проводимые в стране реформы приводят к постепенному снижению уровня базовой подготовки, изменению взглядов молодежи на ценность и престижность образования.

3. Профессиональная деятельность занимает у людей основную часть дня, поэтому на активный отдых нередко не остается ни времени, ни сил. В качестве популярного вида отдыха после работы большинство выбирают просмотр развлекательных телепрограмм, сериалов.

4. Социокультурная среда региона характеризуется потребностью населения в большем проявлении вежливости и культуры в поведении людей, а также нравственных установок. При общем негодовании на сложившиеся неблагоприятные условия инертность большинства жителей как будто молчаливо одобряет несознательность поведения некоторых, а значит способствует распространению отрицательных моделей поведения. Соответственно общим стремлениям людей часто противостоит привычка самоустранения от общественных проблем.

Таким образом, социокультурная среда складывается в процессе взаимодействия людей, формируясь под воздействием социально-экономических, культурных, природно-климатических и прочих факторов, и представляет собой условия, создающие мотивацию людей для повседневной жизни. Соответственно она предопределяет выбор предпочтений, устремлений, жизненной позиции для обеспечения самореализации, удовлетворения потребностей и при смене вектора развития может быть подвержена трансформации.

Наблюдаемая сегодня в обществе тенденция к деградации социокультурной среды не уравновешивается позитивными процессами и усилиями, направленными на оптимизацию социально-культурной жизни, улучшение условий существования и качества человеческой жизнедеятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лавринова, Н.Н. Аналитика социокультурной ситуации (структура и проблемы проектирования) / Н.Н. Лавринова // Аналитика культурологи. – 2010. – Вып. 2 (17).

2. Шабунова, А. Оценка населением социокультурной среды региона / А.Шабунова // Социологические исследования. – 2011. – №6.

Материал поступил в редколлегию 01.02.12

ББК 87.6

Н. А. НОЗДРИНА

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПОТЕНЦИАЛ ПЛОДОТВОРНОГО ОБЩЕНИЯ

Раскрывается сущность социальной ответственности, показываются различные подходы исследователей к этому понятию и важность ее выработки для человека.

Термин "ответственность" рассматривается в социальной психологии как субъективная обязанность человека отвечать за свои поступки и действия, а также за их последствия. Иными словами, ответственность – это способность осознания того, что качество жизни, уровень успешности и самореализации человека зависят только от него самого. Различают внешние формы, обеспечивающие возложение ответственности (подотчетность, наказуемость и т.д.), и внутренние формы саморегуляции (чувство ответственности, чувство долга). [1]. В контексте межличностных отношений, в том числе делового общения, ответственность играет едва ли не самую важную роль. Но для того, чтобы быть ответственным за других людей, необходимо прежде всего осознать личную ответственность, ответственность за свои поступки, решения и даже мысли.

Рассмотрим некоторые подходы к осознанию факторов и свойств ответственности. Ж.Пиаже определял ответственность как один из частных аспектов общих процессов морального развития [4]. Л.Кольберг, развивая идеи Ж.Пиаже, утверждал, что моральное сознание развивается в ходе активного творческого взаимодействия индивида с социальной средой [5]. Согласно концепции локуса контроля, предложенной Дж. Роттером, существуют два вида контроля: внутренний (интернальный) и внешний (экстернальный). Проявлением первого является ответственность за свои собственные события жизни, объяснение их с точки зрения своих возможностей, способностей, особенностей характера. Если же ответственность приписывается внешним факторам (другим людям, случайным обстоятельствам, социальному окружению), это – проявление экстернального контроля. По мнению Дж. Роттера, интернальность и экстернальность локуса контроля являются устойчивыми свойствами личности [4]. Д.Маклеланд, Дж.Аткинсон, Х.Уиткин и другие социальные психологи, исследующие ответственность в русле теории Дж.Роттера, делают акцент на каком-либо одном из параметров ответственности: когнитивном, эмоциональном и т. д. [3]. С.Шварц исследует особого рода ответственность – мотив оказания помощи или поддержки другому человеку. Вводится понятие «диффузия ответст-

венности», т.е. уменьшение личностной ответственности при наличии других людей в ситуации, требующей оказания помощи [1].

В известных теориях психоконсультирования и психотерапии ответственности также уделяется значительное место. Так, Э.Берн считает, что на человеке лежит ответственность за принятие решений, что он хочет в жизни, поскольку каждый, за исключением людей, имеющих тяжелые травмы головного мозга, обладает способностью мыслить, разрешать проблемы, принимать решения [2]. Ф.Перлз рассматривает ответственность как способность индивида отвечать за свои ожидания, желания, фантазии и действия. При этом ответственность включает в себя и другую сторону – способность отвечать на ожидания других людей, соответствовать их желаниям и фантазиям, отвечать за их действия. Эти две стороны ответственности тесно переплетены между собой. Когда человек несет ответственность за самого себя, он знает, что никто другой не может вместо него отвечать за его собственное поведение, не способен отреагировать на любой стимул окружающей среды так, как он это может и хочет сделать сам. При этом он может отказаться от ответственности за поведение другого человека, не пожелав соответствовать его желаниям, не ответив на его чувства. Однако это не означает, что он невнимателен к чувствам и потребностям других людей. Он просто отвечает, в первую очередь, за себя самого, предоставляя другому нести ответственность за себя. Ответственность такого рода проистекает из принятия себя самого и других такими, какие они есть. Она основана на личностной зрелости, позволяющей увидеть и принять свою собственную сущность такой, какая она есть, как и сущность другого: без осуждения и желания что-то изменить, исправить, подогнать под собственные мерки. По мнению Ф.Перлза, ответственность, осознанность, свобода и способность к выбору являются различными аспектами одного и того же процесса. Ответственный человек осознает свою способность быть свободным в выборе своего ответа – действия, мысли, отношения и т.п. И в то же время человек не свободен в выборе своего ответа, если он не осознает особенностей и причин своего поведения или если он осознанно отказывается от ответственности за самого себя [5]. Кроме того, Ф.Перлз различал здоровую ответственность от нездоровой, основанной на неосознанном чувстве, принуждающем, обязывающем человека делать что-то для других людей, уступая их потребностям и желаниям. Эта ответственность второго, нездорового типа весьма распространена среди людей: многие убеждены, что ответственность только в том и состоит, чтобы выполнить обязательства перед другими людьми, ответить на их желания и потребности. Однако попытка жить в соответствии с желаниями и потребностями других людей предполагает отказ от своих собственных желаний, отрицание своих собственных потребностей в угоду другим. В конечном итоге, это отрицание приводит к тому, что человек избегает осознания своих внутренних процессов, в частности, того, насколько давят на него его собственные потребности. Отказываясь от осознания и удовлетворения своих собственных потребностей, человек избегает ответственности за самого себя – за свои мысли, чувства, установки, действия. Процесс саморазвития уступает место процессу саморазрушения.

Закрываясь в своем неосознании важных для роста организма процессов, человек, по сути дела, отказывается от внимания, заботы, т.е. той самой подпитки, без которой не прожить ни одному живому существу, подобно тому, как растение не может обойтись без воды и солнца [5]. Каждая часть живого организма требует внимания. Оставшиеся без удовлетворения потребности образуют незавершенные гештальты, которые, накапливаясь, разрушают здоровое функционирование организма. Поэтому ответственный человек должен быть внимательным к своим нуждам и желаниям, поскольку, если он не способен отвечать на свои собственные психологические и физиологические нужды, он в конце концов потеряет способность выполнять свои обязательства перед другими [5].

С.Л.Рубинштейн рассматривает ответственность в рамках общепсихологической проблемы человеческого существования – свободы и необходимости. Ему принадлежит утверждение, что поведение человека обусловлено не только внешней, но и внутренней детерминацией, которая «заключается в подчеркивании внутреннего момента самоопределения, верности себе, не одностороннего подчинения внешнему. Только внешняя детерминация влечет за собой внутреннюю пустоту, отсутствие сопротивляемости, избирательности по отношению к внешним воздействиям или просто приспособление к ним» [2]. Описанные способы существования человека проявляются в его позициях «как все» и «я сам». Поступая «как все», человек отказывается от собственной ответственности за свои поступки. Позиция «я сам» выражает небезразличие человека по отношению к миру, стимулирует личную ответственность. Подлинное человеческое бытие, по С.Л.Рубинштейну, состоит в «изменении обстоятельств» и «самоизменении». При этом личность ответственна «за все содеянное и все упущенное» [3]. С.Л.Рубинштейн, характеризуя понятие ответственности, указывает, что «человек должен реализовывать не только то, что требует ситуация или общественная необходимость, но и то, что он мог бы сделать» [5]. Здесь речь идет о потенциальном аспекте ответственности: возможности человека предвосхищать результаты своих действий. При таком подходе оценка поступка должна исходить «не из всего того, что впоследствии произошло, а только из того, что из объективно последовавшего могло быть предусмотрено» [5].

К. А.Абульханова-Славская разрабатывает теорию ответственности как присвоение личностью необходимости, в которой акцент ставится на субъекте, на его добровольности. Человек сам рассматривает себя ответственным лицом и сам определяет меру ответственности. При этом К.А.Абульханова-Славская считает, что критерием полноты присвоения личностью ответственности может служить согласование необходимости с желаниями и потребностями личности, т.е. возникновение инициативы. Если ответственность соединяется с инициативой, необходимость становится внутренним побуждением самого субъекта [4].

В исследованиях социальных психологов ответственность рассматривается как феномен, который зависит от уровня развития группы, характера совместной деятельности. Наряду с понятием «ответственность» существует понятие «социальная ответственность», которое рассматривается в философско-этическом аспекте [2]. Выделяют следующие существенные признаки социаль-

ной ответственности: точность, пунктуальность, верность личности в исполнении обязанностей и ее готовность отвечать за последствия своих действий. Социальная ответственность тесно коррелируется с осознанием личностью смысла своей жизни. Отчужденность от социальных норм и смысла своего бытия ослабляет социальную ответственность и активность личности [3]. Основной предпосылкой и условием социальной ответственности является возможность выбора. Выбор не только «выявляет отношение субъекта к должному»; процесс выбора является «самым характерным для овладения собственным поведением»; функция выбора является «основой личности» [4]. В любой ситуации взаимодействия личность всякий раз стоит перед выбором: поступить во благо другого или самого себя. Осознание права личного выбора заключается в осознании необходимости выбора; при этом особую значимость приобретает «свободный выбор между двумя возможностями, определяемый не извне, но изнутри». Социальная ответственность - это способность человека отвечать за конструктивные и деструктивные проявления себя самого и другого человека. Два взаимодополняющих аспекта этого феномена – ответственность за самого себя и за другого человека. Ответственность за самого себя – это способность отвечать за свое саморазвитие и саморазрушение, за свои конструктивные и деструктивные проявления. Ответственность за другого – это способность отвечать за конструктивные и деструктивные проявления активности другого человека. При этом на эмоциональном уровне ответственность за самого себя переживается как беспокойство, тревога, побуждающая к самостоятельным действиям и анализу их последствий. Ответственность за другого переживается как беспокойство, тревога, побуждающая выступать инициатором, стимулятором и контролером действий другого человека. Наблюдая за своим собственным поведением и другими людьми, нужно обращать внимание на склонность действовать «по необходимости» или по своему собственному выбору. Следует иметь в виду, что люди, осознающие социальную ответственность за использование своих возможностей, считают, что они сами управляют своей жизнью, в которой достаточно много выборов и альтернатив. И эту способность принимать решение, исходя из собственных возможностей и желаний, можно назвать истинной ответственностью за самого себя. Анализируя типичные высказывания и невербальное поведение людей, находящихся рядом и вступающих в контакт, следует помнить, что высказывания типа: «Все ужасно – жизнь невыносима!..», «Они не делают, не понимают, не хотят...», «Ничего хорошего из этого не выйдет...», «С этими людьми невозможно работать...» в совокупности с невербальными знаками недоверия, отрицания, недовольства – это проявление гипертрофированной ответственности за других. Осуждая, критикуя, негодуя, человек проявляет желание изменить и исправить того, кем он недоволен – по собственному усмотрению, взглядам, правилам. Когда человек так думает или говорит, он приписывает ответственность за собственные удачи или неудачи внешним факторам, т. е., по сути дела, оказывается в роли «жертвы». Стремление изменить другого, игнорируя возможность использовать свои собственный потенциал, — это отказ от ответственности за свое собственное развитие[1].

В контексте аспекта социальной ответственности за самого себя правомочно упомянуть о чувстве долга и права. Долг и право не образуют единого целого, если одно подавляется другим. Пренебрежение долгом приводит к легкомыслию, нежеланию видеть негативные стороны происходящего или своего собственного поведения, иногда – к неустойчивости поведения или даже асоциальным поступкам. Игнорирование прав может привести к отказу от себя, от своих желаний и, как следствие, к пассивности, душевному застою. Ведь в правах человека заключена энергия его потребностей. Если заблокировать эту энергию, мы мешаем личности развиваться [4]. Гипертрофия долга помогает быть хорошими гражданами, но здесь же скрывается источник многих наших проблем. Самосознание, придавленное чрезмерной тяжестью «должного», побуждает нас к неконструктивной активности: постоянному напряжению, неприятию себя и окружающих, конфликтам в общении. Все это – от того, что нарушен баланс между долгом (соответствовать требованиям окружающих) и правом (оставаться самим собой и уважать себя за это). Чувство долга само по себе – очень важное и необходимое человеческое чувство. Деструктивные свойства оно приобретает лишь тогда, когда сплавляется в самосознании человека с негативными чувствами к себе, возникающими, когда не реализуются потребности в признании, когда человеку прямо или косвенно дают понять, что он – плохой, не достоин любви и уважения. Негативное восприятие самого себя побуждает человека весь мир воспринимать в негативных тонах [5].

Ответственность за самого себя помогает осознать следование следующим пунктам:

- принимайте себя таким, какой вы есть;
- принимайте себя таким, каким вы хотите быть;
- обретайте позитивные изменения всякий раз, когда вы в состоянии это сделать;
- полюбите свой образ, свой имидж: свое тело, манеру смотреть, двигаться, одеваться, ходить, танцевать, говорить, смеяться, плакать;
- уважайте свое тело, свою жизнь и свой выбор в этой жизни;
- будьте «позитивно эгоистичны»: любите себя не больше, но и не меньше других людей, осознавая при этом, что вы – человек «единственный в своем роде», другого такого нет на земле;
- уважайте свое время: время – это жизнь;
- разрешайте себе радоваться и получать удовольствия. Позволяйте себе быть таким, какие вы есть. Вы несете ответственность за то, чтобы сделать себя счастливым;
- учитесь принимать решения и воплощать их в жизнь;
- не ждите, что кто-то вернет вам ваше самоуважение. Только вы сами можете с этим справиться! [4]

Социальная ответственность за другого человека начинается с доверия — к себе самому и к тому, за кого мы отвечаем. Безответственность коренится в неспособности человека доверять себе и другому. Надо помнить, что доверие — это не только надежда на других, это еще и вера в самого себя, в способ-

ность самостоятельно справляться с собственными побуждениями и нуждами. Чувство доверия к миру — это начало личности и основа гармоничного взаимодействия с людьми, истоки умения присоединяться к людям и одновременно выделять себя как личность. Специалисты советуют сознательно управлять своим поведением. Гораздо безопаснее опираться на важное для каждого чувство симпатии к людям: человек всегда стремится получить от другого похвалу, ласку, огорчается, если им недовольны. Поэтому каждый в глубине души стремится быть признанным, настойчиво добивается положительных эмоций [2].

Если человек становится упрямым, то это потому, что он чувствует свои возросшие возможности и поэтому стремится отделить себя от других людей, пытается реализовать свое желание быть свободным, использовать свое право выбора, обрести самостоятельность. Это важные шаги в развитии ответственности. Характер и степень чувства автономии, самостоятельности, которые мы можем сформировать, во многом зависят от их чувства собственного достоинства, независимости, самостоятельности. Для того, кто с нами рядом, важны не слова и даже не отдельные наши поступки, а наша собственная жизненная позиция: кто мы - уверенные в себе люди, или в душе нашей живут тревога, озлобленность, внутренняя раздвоенность. При этом опираться лучше не на контроль и наказание, а на активизацию самосознания человека – на понимание того, что он собой представляет, какими качествами обладает, как относятся к нему окружающие и чем вызывается это отношение. Если человек осознает себя как некую самоценную индивидуальность, то он проявляет активный интерес к своему прошлому, настоящему и будущему, полон благих намерений и стремится быть хорошим по отношению к другим людям уже сегодня. Кроме того, он все больше учится ответственности, стремится к исполнению своих обязанностей и пользуется своими правами. Именно поэтому он осознает значение и важность требований, обязанностей и правил поведения, предъявляемых к его поведению [4]. Самосознание развивается благодаря тому, что у человека развивается способность осознавать себя, свое поведение, отношение людей к его персоне. Наиболее явно самосознание проявляется в самооценке, поэтому важно благосклонно оценивать любые достижения человека, относиться с пониманием к его неудачам, помогать осознавать свои положительные качества и возможности, прощать ошибки. Антуан де Сент-Экзюпери сказал: "Чтобы быть, нужно сначала принять на себя ответственность".

Человек, ответственный за свое собственное поведение, за свои собственные чувства, сам выбирает, как ему реагировать в той или иной ситуации, при тех или иных обстоятельствах, и он свободен в своем выборе.

Социальная ответственность даёт уверенность в себе и своих силах; даёт уважение – как самоуважение, так и уважение со стороны окружающих; даёт возможности - для самоконтроля и контроля над внешней ситуацией.

Ответственный человек не осуждает ошибок и не впадает в депрессию при виде неадекватного поведения кого-либо; он просто констатирует, что на данного человека в данной ситуации полагаться нерационально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баева, О.А. Ораторское искусство и деловое общение: учеб. пособ. / О.А.Баева. — 2-е изд., исправл. — Мн.: Новое знание, 2001. — 328 с.

2. Горянина, В.А. Психология общения: учеб. пособ. / В.А.Горянина. – М.: Академия, 2004. - 416 с.
3. Лавриненко, В.Л. Психология и этика делового общения / В.Л.Лавриненко. – М., 2005. – 270с.
4. Ореховский, А.И. Введение в философию ответственности/ А.И.Ореховский. – Новосибирск: СибГУТИ, 2005. – 370с.
5. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем., пред., прим. И.И. Маханькова; Г.Йонас. – М. Айрис-пресс, 2004. – 410с.

Материал поступил в редколлегию 01.02.12

Г. ХОТИНСКАЯ

**MISTERIUM TREMENDUM ET FASCINOSUM:
ТАЙНА ВЕЛИКАЯ И ЗАВОРАЖИВАЮЩАЯ ПИТИРИМА СОРОКИНА**

Рассмотрены основные труды и идеи П.Сорокина, показано их значение для современного мира.

*«Не уповайте на князей и правителей, нет в них помощи вам.
Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на князей»
(117 псалом в русском и 118 в латинском переводе Библии)*

Титан мировой социологической теории, выдающийся культуролог русского зарубежья и последний гений культуры «Серебряного века», Питирим Александрович Сорокин (1889-1968) подарил человечеству бесконечное множество плодотворных научных идей, которые и в XXI веке способны превратиться в материальную силу и овладеть умами передовых людей. Великий русско-американский культуролог и социолог создал уникальное направление в мировой философии – амитологию, специфическую прикладную науку в области социологии и социальной психологии, призванную разрабатывать техники альтруизации и гуманизации общества с помощью креативного, созидательного альтруизма и самопожертвования, направленного на универсализацию личности. Активно участвовал в политической жизни дореволюционной и революционной России (будучи идеологом лидеров партии эсеров, помощником премьер-министра А. Ф. Керенского), выступал в семинарах Петражицкого, Ковалевского, Туган-Барановского, дружил с комиссаром иностранных дел Караханом и комиссаром промышленности и торговли Пятаковым. До революции и после Сорокин подвергался арестам, заточался после победы большевиков в Петропавловскую крепость, был выслан в 1922 г. из России. С 1923 г. он жил в США, где преподавал в университетах Иллинойса, Висконти и Гарварда, являлся основателем Гарвардского социологического факультета и стал президентом Американской социологической ассоциации в 1964 году.

Войны и социальные катаклизмы подтолкнули Питирима Сорокина к изучению их воздействия на образ мысли и поведение людей, на экономические, политические институты, семью и социальную мобильность, мораль, верования, культуру, на ее творческий потенциал. Неистовый Питирим мечтал и пытался вывести личность и массы людей из тяжелого социально-морального кризиса XX века с помощью бескорыстной созидательной любви. Он как никто описал состояния социальной фрустрации и общественной аномии.

Концепция конвергенции двух социальных систем и «Социальная и культурная динамика» (четырёхтомник, задуманный в 1929 г. и завершённый в 1941 г., впервые изданный в России лишь в 2000 г.) являются самым выдающимся исследованием по социальной теории XX века. Во всех своих трудах Питирим Сорокин предостерегал праздное, легкомысленно декадентствующее западное общество о грозящих войнах, кровавых революциях, разрушениях и страданиях, о страшных последствиях высвобождения в человеке «темных сил».

Пожар двух мировых войн обострил в нем ощущение трагического в человеческой жизни. И Сорокин посвятил свою жизнь тому, чтобы облегчить эти страдания, помочь людям преодолеть состояние «мерзостного опустошения», нанесенного войной и революцией с помощью альтруистической любви. Выявляя общие закономерности в данных направлениях исследований, например «закона моральной и религиозной поляризации», «закономерности расширения правительственного контроля в период возникновения социальных бедствий», Питирим Сорокин заставил задуматься современников, а также и нас о том, что ожидает российское и мировое сообщество в условиях катастроф, выпавших на долю человечества в последние два столетия этого тысячелетия.

Особое место в учении Сорокина занимало положение о силе бескорыстной, созидательной, креативной любви. Ведь Величие Человека и страны начинается с Любви, той самой Любви, что «движет солнце и светила». Любовь – это нравственная вершина Человека, его человечности и всего Человечества. Она, как лакмусовая бумажка, обнажает идеалы, которыми живет и к которым стремится человек. Любовь и есть память об этих идеалах. Сорокин подходил к толкованию Любви в истории культуры как к высшей ценности, воплощающей идеи полноты и целостности, служащей целительницей души. Ведь не случайно великие поэты, музыканты, художники, философы, ученые и простые люди искали сокровенные смыслы любви и рассуждали об этом таинственном и божественном состоянии. Да и в наше время альтруистическая любовь является главнейшим целебным источником и нравственным ориентиром. Будучи в глубине души верующим, он себя именовал «независимым нон-конформистом».

Выдающийся энциклопедист Питирим Сорокин был хорошо знаком с мировой философией, социологией и правоведением. Он выстроил уникальную систему исторических типов жизнечувствования на основании мировой социологии, философии и мифологии (обобщив идеалистическую систему истины на примере концепций Платона, Аристотеля, Альберта Великого, Фомы Аквинского, которые «сплавляли воедино «божественную, чувственную и диалектическую истину Любви»). Этот виртуоз мысли выделил любовь в едином ряду

идей не только в античной и христианской тринитарной проблематики, но и заострил внимание на вероисповедальных проблемах любви и проблемах богообщения в любви в типологии мировых культур. Свою теорию он именовал «социологическим синтезом» идей О. Конта, Г. Спенсера, Н. Михайловского, П. Лаврова, М. Ковалевского, М. Ростовцева, П. Кропоткина, Т. Торда, Э. Дюркгейма, К. Маркса, В. Парето, Г. Зиммеля, Г. Вебера, М. Штамлера и др.

Именно Питирим Сорокин ввел в обиход термины «социальная мобильность» или «социальная динамика», а также «вертикальная и горизонтальная мобильность». В работе «Социальная и культурная мобильность» с помощью термина «социальная мобильность» описано 1613 случаев указанной «мобильности» на примере внутренних колебаний, переворотов, сдвигов в общественной жизни Древней Греции, Рима, Византии и ведущих европейских стран, а также все изменения к уровням преступности и системе наказаний в основных уголовных кодексах Европы, с варварских законов до современных советских, фашистских и нацистских кодексов. На основании этой информации была выстроена непревзойденная теория социальных и культурных систем.

Питирим Сорокин построил интегральную теорию повторяющихся фаз в жизни больших социокультурных суперсистем, которая успешно соперничала и соперничает с теориями Шпенглера, Тойнби, Крёбера, Лигетти и Чемберса.

В работе «Россия и Соединенные Штаты» Питирим Сорокин постарался выявить различия и сходства между культурой и социальными институтами двух народов: он проследил дружественность отношений между ними на протяжении всей истории Соединенных Штатов, отсутствие серьезных конфликтов и единство жизненных интересов. Питирим Сорокин пытался убедить оба государства и их лидеров продолжать взаимовыгодное сотрудничество и задуматься о страшных последствиях, к которым приведет отход от сотрудничества к политике конфронтации «холодной» и «горячей» войн. Книга сразу после выхода в США появилась в Англии, Японии, Португалии и Германии.

Теоретические наработки и исследования привели Питирима Александровича Сорокина к созданию Гарвардского исследовательского Центра по созидательному креативному альтруизму. В основу работы Центра Питирима Сорокина были положены два основных предположения. Первое заключалось в том, что ни один из существующих рецептов, как избежать международных военных конфликтов и гражданских войн или других форм кровавых межчеловеческих усобиц, не может не только уничтожить, но даже заметно уменьшить эти конфликты. Под такими популярными рецептами Сорокин подразумевал уничтожение войн и конфликтов политическими средствами, особенно вследствие демократических политических преобразований. Второе сводилось к тому что, даже если завтра весь мир станет демократическим, все равно войны и кровавые стычки не исчезнут, поскольку демократии оказываются не менее воинственными и неуживчивыми, чем автократические режимы. Поэтому ни ООН, ни Мировое правительство не способны дать длительного мира, если только образование этих органов не будет подкреплено значительным увеличением альтруизма отдельных личностей, групп, институтов и культур.

Питирим Сорокин на конкретных примерах убедительно доказал, что без значительного увеличения бескорыстной созидательной любви во внешне проявляемом поведении, межличностных и межгрупповых взаимоотношениях в общественных институтах и культуре в целом прочный мир и гармония между людьми невозможны. П.Сорокин высказал предположение, что бескорыстная созидательная любовь, о которой все мало знают, является огромной энергией – настоящей *MISTERIUM TREMENDUM ET FASCINOSUM* (Тайна Великая и Завораживающая) при условии, что мы знаем, как производить ее в изобилии, как ее аккумулировать и как использовать. Любовь – одна из самых высоких энергий. Ведь любовь включает в себе необычайные созидательные и терапевтические возможности. Гарвардский исследовательский Центр по созидательному альтруизму вел работу в двух направлениях: описывал и формулировал определения бескорыстной созидательной любви; выяснял, каково положение с изучением данной проблемы в современной науке. В таких трудах, как «Восстановление гуманности» (1948) и «Альтруистическая любовь» (1950), Сорокин говорит о многомерном пространстве любви в его физическом, религиозно-онтологическом, биологическом, этическом, психологическом и социологическом аспектах, с подразделением каждого аспекта на два (соответственно двум формам: любви плотской и любви платонической). В коллективном труде «Разработки в области альтруистической любви и альтруистического поведения: сборник статей» (1950) основное внимание уделено эмпирической, психосоциальной любви. Исследование свело наблюдаемые и частично измеряемые аспекты эмпирической любви к пяти измерениям: интенсивности, экстенсивности, продолжительности, чистоте и адекватности. Были рассмотрены взаимоотношения, вариации и корреляции этих «измерений» общения друг с другом.

Книга Питирима Сорокина «Альтруистическая любовь» представляет собой исследование некоторых известных характеристик всех христианских святых (около 4600 персоналий, т. е. тех, о ком ему удалось получить сведения) и пятисот современных американцев, которых люди считали «хорошими соседями». Кстати, это была первая перепись населения христианских святцев. Святые учитывались по таким характеристикам, как возрастной и половой состав, семейное положение, состав родительских семей, профессиональный, экономический, социальный статус, уровень образования и успеваемость, продолжительность жизни и состояния здоровья, путь, которым они пришли к святости, распределение по сельским и городским регионам, национальная принадлежность, распределение по странам, их политические взгляды, социально-групповая принадлежность и т. д. Вместе с этой переписью в исследовании изучались изменения всех этих характеристик, которые произошли со святыми как социальной группой за двадцать столетий христианской эры. Сотрудниками Сорокина было отмечено необычайная продолжительность жизни и кипучее здоровье святых. Несмотря на аскетический образ жизни, антисанитарные условия и частые физические самоистязания, средняя продолжительность жизни святых (включая 37% тех, кто умер мученической смертью) была намного больше, чем у современных европейцев и американцев. Доля женщин-святых

стабильно возрастает с первого по двадцатое столетие; доля выходцев из королевских и аристократических семейств, а позже и из буржуазии снижается, а выходцев из беднейших сословий растет на протяжении нескольких веков. После XVII столетия «воспроизводство» святых резко упало и достигло почти нулевой отметки в конце XIX-начале XX веков. В конечном счете это исследование дало некоторый конкретный материал о биологических особенностях, складе ума и характере святых и светских альтруистов в сравнении с таковыми у преступников, агрессивных эгоистов и подобных личностей.

Наконец, итогом этих исследований стала книга Питирима Сорокина «Виды любви и ее сила: типы, факторы и технические приемы нравственного перевоплощения» (1954). П. Сорокин ввел в обиход достаточное количество доказательств того, что бескорыстная, созидательная любовь – это сила, которая способна остановить агрессивные стычки между людьми и группами людей; превратить отношения из враждебных в дружеские. Сорокин доказал:

- 1) любовь вызывает любовь, а ненависть рождает ненависть;
- 2) любовь может реально влиять на международную политику и успокаивать межнациональные конфликты;
- 3) бескорыстная и мудрая (адекватная) Любовь является жизненной силой, необходимой для физического, умственного и нравственного здоровья;
- 4) альтруисты в целом живут дольше эгоистов;
- 5) дети, лишённые любви, вырастают нравственно и социально ущербными;
- 6) любовь – это мощное противоядие от преступных деяний, болезней и самоубийств, ненависти, страхов и психоневрозов;
- 7) любовь выполняет важные познавательные и эстетические функции;
- 8) любовь – самое лучшее и эффективное средство обучения в деле Просвещения и облагораживания человечества;
- 9) любовь – душа и сердце свободы и всех основных нравственных и религиозных ценностей;
- 10) любовь – это абсолютно необходимый для существования любого общества минимум;
- 11) любовь нужна для гармонического общественного устройства и созидательного прогресса.

Питирим Сорокин был уверен: в настоящий, катастрофический момент человеческой истории увеличение производства, накопления и циркуляции энергии любви или значительный рост альтруизма отдельных личностей, групп, институтов и культур – особенно всеобщее распространение бескорыстной любви среди людей – есть необходимое условие предотвращения новых войн и снижения необычайно высокой межчеловеческой и межгрупповой вражды.

Исследовательский Центр Питирима Сорокина изучал эффективные приемы и условия формирования альтруизма, начиная с древних приемов йоги, буддизма, дзен- буддизма, суфизма, православной соматофизики (укрощения плоти). Под руководством Питирима Сорокина исследовались приемы, изобретенные отцами великих религий и основателями монашеских орденов, как за-

падных, так и восточных (например, св. Василия Великого, св. Бенедикта, Франциска Ассизского, св. Бернарда, св. Джона Климакуса, Джона Кассиана, св. Франсуа де Сальс, Игнация Лойолы (основателя ордена иезуитов) и других, которые описаны в книге Питирима Сорокина «Виды любви и ее сила». Группа под руководством Сорокина исследовала также приемы выдающихся светских педагогов (таких как Каменский, Песталоцци, Монтесорри, Фробель) и другие приемы современной педагогики, психологии и психиатрии, социологии в религиозном, нравственном и гражданском воспитании детей, а также приемы современных христианских альтруистических общин, как Общество братьев в Парагвае, менониты, гуттериты, квакеры в США. По мнению Питирима Сорокина, методы и древние приемы воспитания альтруизма из йоги, буддизма, из арсенала монашеских орденов остались непревзойденными по своей изобретательности, тонкости и эффективности. В исследованиях Сорокина приведены эмпирические и экспериментальные доказательства того, как работают органы человеческого организма, когда личность концентрируется на состоянии любви или ненависти, а также когда неприязненные отношения меняются на дружественные. Центром Сорокина были изучены различные методы смягчения групповых предубеждений, техники групповой терапии, направленной на альтруизацию «закоренелых преступников», а также групповой терапии, рассчитанной на то, чтобы подружить между собой группы студентов Гарвардского и Рэдклиффского университетов, и методы «психодраматических постановок».

В общей сложности Центром Сорокина было проанализировано более тридцати различных методов альтруистического перевоспитания человека и групп людей. Был проведен анализ альтруистического перевоплощения личности в жизни апостолов бескорыстной любви – Будды, Иисуса, св. Франциска Ассизского, Ганди и других, ибо они как никто разгадали тайну альтруистической трансформации. В результате детальных исследований сотрудники Питирима Сорокина пришли к выводу о существовании трех типов альтруистов.

1. Прирожденные альтруисты, которые с детства имеют целостную систему личностных качеств, ценностей и социальных привязанностей, в центре которой стоят ценности любви. Такие люди, подобно траве, тихо и естественно наращивают свой альтруистический потенциал без катастрофических событий или резких перемен. К этому типу Сорокин отнес Альберта Швейцера, Джона Вуллмана, Бенджамина Франклина, доктора Т. Хааса и других.

2. «Потрясенные» или «благоприобретенные» (поздно проявившиеся) альтруисты, чья жизнь резко делится на два периода: доальтруистический, предшествующий их перевоплощению, и альтруистический, после полной перестройки личности. Эта перестройка подготавливается дезинтеграцией системы ценностей, групповых связей и компонентов их личности и случается после потрясших их событий, например, болезней, смерти близких и любимых людей и т. п. Процесс перестройки личности у таких людей обычно идет очень болезненно и трудно, длится от нескольких месяцев до нескольких лет. В этот период людям приходится пройти все этапы трудного изменения собственных цен-

ностей и групповых связей. К таким личностям Сорокин относит Будду, св. Франциска Ассизского, Игнация Лойолу, св. Августина, св. Павла и др.

3. Третий или «промежуточный тип, несет в себе черты как «прирожденных, так и «благоприобретенных» альтруистов. К таким относятся Св. Феодосий, св. Василий Великий, Ганди, св. Тереза, Шри Рамакришна и др.

В книге «Человек и общество в эпоху бедствий» (1941) Сорокин сформулировал закон поляризации, который противостоит фрейдовскому предположению, что бедствия и фрустрация непременно рожают агрессивность. Закон поляризации противоречит также мнению Тойнби о том, что «мы учимся страданиями», что фрустрации и бедствия непременно ведут к нравственному и духовному облагораживанию людей. Закон поляризации Питирима Сорокина гласит: люди реагируют и преодолевают фрустрацию и невзгоды в зависимости от типа личности – либо ростом творческих усилий (как у Бетховена после наступления глухоты, или слепого Мильтона), а также альтруистическим перевоплощением (св. Франциск Ассизский, Игнаций Лойола и другие), и это называется позитивной поляризацией; либо люди реагируют самоубийствами, умственными расстройствами, ожесточением, ростом эгоизма, тупой покорностью судьбе (это – негативная поляризация). Если катастрофы и фрустрации постигают большие общности людей, подобное расслоение происходит в массовых масштабах. Тогда некоторые члены общества, по Сорокину, становятся более агрессивными, жестокими, склонными к прожиганию жизни, умственно и нравственно деградированными, а другие в то же время становятся более религиозными, нравственными, альтруистическими, даже святыми (опыт исследованным Сорокиным « благоприобретенных альтруистов» подтверждал это. Закон поляризации Сорокина объясняет, почему периоды бедствий отмечены разрушением целостных систем ценностей отдельных обществ, с одной стороны, и созданием новых ценностных систем, с другой, причем особенно это касается религиозных и этических ценностей. Известно, что все великие религиозные и нравственные системы возникли и укрепились в катастрофические для какого-либо общества эпохи, будь то древний Египет, Китай, Индия, Израиль, греко-римские или западные общества. Приведенное Сорокиным огромное количество фактов свидетельствуют о верности закона поляризации. Эти свидетельства более тщательно были проанализированы в его книге «Виды любви и ее сила».

Третим результатом работы Исследовательского Центра Сорокина был пересмотр господствовавших ранее теорий структуры личности и личностной интеграции. Так, в частности, исследования под руководством Питирима Сорокина выявили несостоятельность теорий (Э. фон Хардмана, П. Жане, З. Фрейда и других), которые ошибочно объединяли две совершенно противоположных присущих человеку «энергии» в одну категорию – «бессознательного» или «подсознательного». По Сорокину, это две энергии – биологически бессознательное, лежащее вне и ниже сознания, и сверхсознание («гениальность», «творческий *elan*» (порыв, сила - по фр.), *nous* у греков (разум, мысль, дух – по греч.), *rheuma* (дух, дыхание - по греч.) у отцов церкви и т. п.), которое лежит выше уровня любого сознания или рационального мышления. Сорокин выявил

мелковатость «глубинной психологии» господствовавших ранее теорий, сводившей ментальные структуры человека к бессознательному (или подсознательному) «Ид», являющемуся чем-то эпифеноменально неопределенным, неэффективному «эго» и «супер-Эго» (имеются ввиду фрейдовские понятия о структуре личности: ид-оно, эго- Я, супер-эго –сверх-Я), либо просто изображают ментальную структуру как двухэтажное здание – бессознательное (подсознательное) и сознательное (рациональное). Все эти теории Сорокин считал неадекватными. На основе логики и фактов он сконструировал такую структурную схему личности, которая, по его словам, напоминает кошелек с четырьмя отделениями:

- 1) биологически бессознательное (подсознание);
- 2) биологическое сознание;
- 3) социокультурное сознание;
- 4) сверхсознание.

По мнению Питирима Сорокина, на бессознательном и сверхсознательном ментальных уровнях отсутствует какое-либо понятие «эго», тогда как на уровне социокультурного сознания существует столько разных «эго», сколько есть социокультурных групп, в которых ассоциирован индивид («эго» его семьи, «эго» его профессиональной группы, «эго» его политической партии, религиозной группы, национальности, государства, экономического слоя, и всевозможных организаций, где человек состоит членом). П. Сорокин подчеркнул: если группы, с которыми связан индивид, находятся в гармоничных отношениях друг с другом и «диктуют» индивиду гармоничные идеи, убеждения, вкусы, ценности и императивы поведения, все «эго» и ценности человека будут в гармонии друг с другом, образуют одно интегрированное «эго» и одну главную систему ценностей. В результате такой человек будет иметь душевное равновесие, твердые убеждения, ясное сознание и последовательность в поступках. Если же группы, с которыми связан индивид, взаимно противоположны по своим ценностям и требованиям, предъявляемым к нему, все «эго» и ценности, отражающие его связь с этими группами, также будут противоречить друг другу. Человек становится «домом, разделившимся в самом себе». У такого человека, по Сорокину, исчезают душевное равновесие, последовательность мыслей и поступков, он начинает страдать от непреходящего внутреннего разлада, будучи неудовлетворенным, и превращается в психоневротика. Сорокин доказал: большая часть неврозов возникает в результате такого внутреннего напряжения и конфликта между разными «эго» индивида, как результат неудачного сочетания взаимно противоречащих групп, членом которых является индивид.

Эту гипотезу сотрудники Сорокина проверили различными способами, и она была признана верной многими известными психиатрами. Плюралистическая теория «эго», как микрокосма, обнажающего макрокосмос групповых связей и привязанностей индивида, объяснила, почему прирожденные альтруисты, с раннего детства помещенные в среду гармоничных и альтруистических групповых связей (начиная с хорошей семьи) обладают и гармоничным набором «эго», ценностей, поведенческих реакций и, таким образом, не должны в про-

цессе развития своего альтруизма проходить сквозь болезненные кризисы, сопровождающие перестройку их ценностных систем, наборов «его» и групповых связей. Напротив, «благоприобретенные» альтруисты, связанные с взаимно противоречивыми группами и имеющие поэтому противоречивые наборы «его», ценностей и групповых привязанностей, вынуждены проходить сквозь болезненный процесс дезинтеграции своей личности и позднее – реинтеграции, т. е. восстановления ее целостности (если только не покончат жизнь самоубийством, не получают умственных расстройств или не регрессируют до состояния зверства, пассивности или декадентски чувственного хищничества).

Питирим Сорокин и сотрудники его Центра собрали и проанализировали значительное количество эмпирических свидетельств реальности существования сверхсознательного в человеке и его творческого функционирования у людей, отмеченных гениальностью, а также некоторые характеристики сверхсознания. Сорокин и его коллеги установили реальность этой высшей формы творческой энергии человека, которая вместе с рациональным мышлением является основным источником всех величайших достижений во всех отраслях культуры – от науки и изящных искусств до религии и этики. Гипотеза Сорокина была подвергнута экспериментальной проверке по поводу сверхсознания, которую проводила Т. Броссе в ряде экспериментальных тестов – кардиографических, энцеелографических, гирографических и других, которые обнаружили реальность влияния сверхсознания на деятельность сердца, легких и других органов у 213 человек, подвергавшихся опытам. Ее работа была опубликована в сборнике Центра Сорокина в 1954 году. Об этой экспериментальной деятельности Сорокин подробно говорит в своей книге «Виды любви и ее сила».

Сорокин многократно отмечал, что процесс настоящего альтруистического перевоплощения проходит для человека, не бывшего альтруистом ранее, очень трудно и болезненно, занимая долгое время, и практически никогда не совершается внезапно. Это объясняет, почему почти мгновенные религиозные обращения или нравственные изменения поверхностны и почему сегодняшнее «религиозное возрождение» о котором столь широко рассуждают во всем мире, есть всего лишь сотрясение воздуха, поскольку оно редко затрагивает основы общественной жизни и мораль отдельных наций и всего человечества.

Достаточно подробно Питирим Сорокин исследовал состояния «аномии», термин, введенный Эмилем Дюркгеймом, французским социологом начала XX века, означающий ценностно-нормативный вакуум в обществе (такое состояние, когда существующая система общественных норм разрушается и распадается, психологически выражаясь в потере людьми ориентации в жизни). Прежние ценности и идеалы, в которые люди верили и к которым стремились, потеряли значение, притягательность и смысл. На смену отжившим ценностям пришли новые ценности, идеалы и нормы, противоречащие старым. И индивиды, попав в ситуацию выбора между ними, оказались в глубоком кризисе. Как и Мертон, Сорокин рассматривал аномию как состояние безнормности, или нор-

мативной неопределенности, проистекающей из рассогласований в социальных структурах, когда разные ее сегменты предъявляют нормативные требования к индивиду, которые не могут быть одновременно удовлетворены.

Публикации об исследованиях Центра Питирима Сорокина вышли на 25 мировых языках, вызвали к жизни огромное количество докторских диссертаций и книг, способствовали созданию исследовательских центров, похожих на Центр Питирима Сорокина. По инициативе Питирима Сорокина было создано Исследовательское общество по созидательному альтруизму в США. В этом Центре Сорокин работал без всякого вознаграждения и на свои скромные средства оплачивал почтовые расходы на переписку Центра. Таким образом, Гарвардский исследовательский Центр креативного альтруизма, созданный Питиримом Сорокиным изучил разнообразные функции альтруистической любви в обществе, в нем наш соотечественник разрабатывал уникальную концепцию Интегрального общества, путем к которому является альтруизация всего человечества. Важнейшим шагом на пути альтруизации человечества Сорокин считал создание и развитие специфической прикладной науки – АМИТОЛОГИИ, призванной разрабатывать техники альтруизации общества. Амитологическая программа изложена в семи книгах и статьях Центра креативного альтруизма.

Центр разрабатывал стратегии развития сострадания, любви, симпатии, соучастия в общественных отношениях, а также разнообразные концепции этики благотворительности, этики заботы и теории справедливости.

Питирим Сорокин был уверен: новую интегральную цивилизацию (НИЦ) могут создать моральные лидеры нового глобального сообщества. Поставив проблему институционализации альтруизма на высших уровнях социокультурной интеграции, Сорокин выдвинул идею формирования нового типа руководителя – пансофа, интеллектуала, способного соединить научное мышление и высокие моральные принципы альтруистического переустройства общества. К участию в руководстве мировым сообществом Сорокин предлагал привлекать лидеров мировых религий и знаменитых альтруистов, призванных стимулировать моральное образование людей нашей планеты.

Пройдя сквозь хаос мировых войн и вакханалию бездуховности, Питирим Сорокин, не изменяя себе, из диалектической плазмы жизни выкристаллизовал собственное интегральное мировоззрение – целостную систему знаний и убеждений из естественных наук, религии, философии, социологии, психологии, этики, политики, экономики и изящных искусств. Питириму Сорокину удалось соединить в гармоническое целое универсальные и вечные ценности, имеющие как в материалистическом, так и в идеалистическом мировоззрении.

Материал поступил в редколлегию 01.02.12

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ КУЛЬТУРЫ И ПРИНЦИПЫ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ

Рассматриваются социальные функции культуры.

На сегодняшний день стали неизбежными трансформации во всех сферах человеческой деятельности. Любые изменения, ведущие к отличию современной культуры от традиционной, непосредственно отражаются на выполнении культурой её функций. Это привело к тому, что на сегодняшний день в литературных источниках накопилось множество различных интерпретаций набора социальных функций культуры, поэтому возникает необходимость каким-то образом структурировать их систему. Для начала следует отметить, что описывая социальные функции культуры, автор, как правило, выделяет основную функцию, производными от которой являются все прочие. Наиболее общей и универсальной функцией культуры, согласно словарю «Культурология: XX век» считается *«обеспечение социальной интеграции людей»*, то есть «формирование оснований их устойчивого коллективного существования и деятельности по совместному удовлетворению интересов и потребностей...накопление социального опыта по гарантированному социальному воспроизводству коллективов как устойчивых сообществ» [1]. Согласно же материалам научно-популярного сайта gumfak.ru, «главная функция культуры - *человекотворческая, или гуманистическая*» [2]. В статье о функциях культуры на не менее популярном сайте krugosvet.ru указывается, что «основная функция культуры – *быть средством творческого создания артефактов*» [3]. А, например, на сайте warspear.net, в разделе культурология в качестве основной фигурирует даже *креативная* функция культуры [4]. Нередко функции культуры описывают в виде перечня, не выделяя в качестве особо значимой ни одну. Итак, мнения об основной социальной функции культуры значительно разнятся, и это неизбежно, так как любая оценка, даваемая набору функций культуры, субъективна.

Что касается прочих функций культуры, то прежде, чем давать характеристику каждой из них, следует составить представление об их многообразии. В различных источниках встречаются такие социальные функции культуры, как интегративная, гуманитарная, функция социализации, информационная функция, функция трансляции социального опыта, функция исторической преемственности, семиотическая, гносеологическая, регулятивно-нормативная, коммуникативная, аксиологическая, оценочная, образовательно-воспитательная, смыслообразующая, функция легитимации, функция идентификации, адаптивная, функция социального изменения. Кроме того, в различных источниках функции, имеющие один и тот же смысл, могут носить разные названия. Преж-

де чем попытаться структурировать систему социальных функций культуры, необходимо дать краткую характеристику каждой из перечисленных функций.

Итак, *интегративная* функция культуры представляет собой «способность культуры обеспечивать целостность сообщества на базе освоения им культуры» [5], то есть на основе общих ценностей, норм и представлений культура объединяет человеческое общество. *Гуманистическая* функция культуры представляет собой «возделывание, возвращение духа». Она «направлена на превращение богатства совокупной человеческой истории во внутреннее достояние личности» [6]. Однако такое превращение невозможно без получения человеком соответствующего воспитания и образования, а эти процессы характеризуют в свою очередь другую функцию культуры – функцию *социализации*. Социализация предполагает усвоение человеком определенной суммы знаний, норм, ценностей, образов, которые позволяют ему эффективно ориентироваться в мире природы и мире культуры, сохраняя свой статус и выполняя определенные роли. «Усваивая культурные образцы и культурные навыки, биологический индивид становится человеческим существом – способным мыслить, говорить, целенаправленно действовать и взаимодействовать с социальным окружением» [5]. Иногда эту функцию называют *образовательно-воспитательной*. Сюда же можно отнести функцию *идентификации*, так как, опираясь на выработанные культурой идеи и представления о реальности, человек создает собственный «образ себя», – идентичность. Культура объясняет мир и придает смысл человеческому существованию, а также обосновывает и поддерживает социальный порядок: таким образом выполняется *смыслополагающая* или *мировоззренческая* функция и функция *легитимации* [5]. Трактовка *информационной* функции культуры сводится к тому, что культура является носителем социальной информации, накапливающейся в обществе. Результат этого – развитие науки, становление определенных идеалов и ценностей, а также выделение норм и правил поведения в обществе. Функция *исторической преемственности* есть функция *трансляции социального опыта*, накопленного поколениями, то есть это – функция передачи определенной полезной информации от поколения к поколению. В большинстве литературных источников также выделяют *семиотическую* или *знаковую* функцию культуры. «Семиотическая функция культуры – необходимость изучения культуры как определенной знаковой системы» [5]. Развитие компьютерных сетей, охватывающих весь мир и делающих доступным мгновенное вступление в контакт с любым источником информации, стало одним из условий развития культуры общения, способствующему взаимному пониманию и сопереживанию (то есть актуальная информация, благодаря культуре, постоянно циркулирует в обществе, осуществляя передачу опыта и знаний). Таким образом, *коммуникативная* функция тесно связана с информационной. *Гносеологическая* и *нормативно-регулятивная* функции основываются на накоплении исторического опыта и знаний, построении идеалов, примеров поведения, формировании моральных норм и использовании их в повседневной жизни общества. *Аксиологическая* или *оценочная* функция отражает

состояние культуры как системы ценностей, «формирующей у человека вполне определенные потребности и ориентации. Уровень и качество ценностей является критерием, по которому судят о степени культурности того или иного человека». *Адаптивная* функция является жизненно важной. В отличие от животных, человек не только приспосабливается к жизни в окружающей среде, но и приспосабливает среду к себе, изменяя ее в соответствии со своими потребностями. Чтобы справиться с природой и создать комфортные и безопасные условия для собственного существования, человеку пришлось проделать огромную работу по созданию мира артефактов, постоянно самосовершенствоваться, изменять окружающую его действительность, уменьшая зависимость от сил природы. Изобретения и новации в культурной сфере (например, научные открытия, новые религиозные учения или политические идеологии) могут служить фактором изменения общества. Это спровоцировало появление функции *социального изменения*.

На основании краткого анализа, приведенного выше, можно составить список наиболее общих функций культуры.

1. Функция обеспечения социальной интеграции людей объединяет в себе интегративную (культура объединяет отдельных людей, социальные группы, народы и государства), функцию социализации и идентификации, гуманистическую, смыслополагающую и функцию легитимации.

2. Информационная функция, объединяющая функцию исторической преемственности, семиотическую, коммуникативную, гносеологическую и нормативно-регулятивную.

3. Адаптивная функция, которая включает в себя функцию творческого созидания человеком артефактов и функцию социального изменения.

4. Аксиологическая функция.

Факты появления новых функций культуры свидетельствуют о том, что проблема их выделения и структурирования неизменно остается актуальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Культурология: XX век: словарь. – СПб.: Университетская книга. –1997.
2. http://www.gumfak.ru/kult_html/lecture/lect13.shtml
3. http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/KULTURA.html
4. <http://warspear.net/lectiont6r1part1.html>
5. [http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RRu.ogr;t:!\(ztq.oo!qzr;yzw:](http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RRu.ogr;t:!(ztq.oo!qzr;yzw:)
6. Кутырев, В.А. Осторожно, творчество! / В.А.Кутырев // Вопросы философии. – 1994. - №7-8.

Материал поступил в редколлегию 01.02.12

А.И. ХОТИНСКАЯ**ПОЛЕМИКА ИММАНУИЛА КАНТА С ЭМАНУЭЛЕМ СВЕДЕНБОРГОМ
(ОТНОШЕНИЕ КАНТА К ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ)**

Рассмотрены взгляды И.Канта на эзотерическую философию (и на концепцию Э.Сведенборга в частности). Приведены основные тезисы Сведенборга и изложены доказательства, при помощи которых Кант делает вывод, что эзотерическая философия не философия вообще, а «смерть философии», но при этом он недооценивает интуицию.

Рассмотрим отношение И. Канта к эзотерической философии на примере его полемики со шведским мистиком-визионером середины XVIII века Эмануэлем Сведенборгом (1688-1772). Эзотерический (от гр. "esoterikos" – внутренний) – сокровенный, понятный лишь избранным, предназначенный для посвященных. Эзотерическая философия предполагает постижение истины с помощью мистического откровения, непосредственного «единения» с абсолютным. Она тяготеет к иррационализму, интуитивизму, намеренной парадоксальности и выражает себя не столько на языке понятий, сколько на языке символов.

Полемика И.Канта с Э. Сведенборгом формировалась в русле полемики с немецким мистиком Иоганном Георгом Гаманом, уроженцем Кёнигсберга, который выпустил «Сократические достопримечательности» (1759), посвященные И.Канту и Беренсу. Главное для Гамана – самопознание. В его достижении разум бессилён, знания – помеха: помочь может только вера, основанная на внутреннем чувстве. В чувственных образах, считает Гаман, состоит все богатство человеческого познания, выше образа нет ничего. Главный недостаток философии Гаман видит в абстрактности мышления («Мы мыслим слишком абстрактно»). Именно в противоречии, которое запрещает логика, сокрыта истина. Гаман упрекал Канта в том, что тот хотел бы уподобиться Ньютону и стать вардейном (так назывался контролер качества монеты); но в денежном обращении Германии, говорит Гаман, больше порядка, чем в учебниках метафизики: мудрецы еще не изобрели эталона для определения наличия истины в их идеях. По словам Канта, Гаман сменил лабиринт ученой софистики на сокровенный лабиринт. Стремясь внести в философию опытное знание, Кант написал в 1762 году работу «Исследование очевидности принципов естественной теологии и морали». И.Гердер, который был учеником Канта, упоминает также его трактат «Единственное возможное основание для доказательства бытия бога» (1762), однако свое непосредственное отношение к эзотеризму Кант выразил в работе «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики» (1766), посвященной Эмануэлю Сведенборгу. В письмах к Моисею Мендельсону (1766), Марку Герцу (1772) и Шарлотте фон Кноблах Кант дает беглый критический комментарий главного труда Э. Сведенборга «Тайны неба» (Arcana Coelestia). Кроме того, критика эзотеризма нашла отражение в работе «Спор факультетов» (1796), в фундаментальном труде «Критика чистого разума» (1781) и в трактате «Рели-

гия в пределах только разума» (1794), где Кант пытается ответить на третий главный вопрос метафизики «На что я смею надеяться?» Жизненная судьба И.Канта поставила его перед необходимостью размышлять о феномене веры и сущности религии, к которым он относился весьма уважительно.

В раскрытии нашей темы мы в первую очередь будем опираться на работу Канта «Грёзы духовидца, поясненные грёзами метафизики» (1765). Это сочинение вышло анонимно, но авторство вскоре было открыто, поскольку Кант не скрывал своего инкогнито. Как отмечает А.В. Гулыга, о Сведенборге Кант узнал от своего бывшего студента, датского офицера. Собирая подробности, сопоставляя свидетельства, Кант написал Сведенборгу, но ответа не получил, хотя ответ был обещан в виде книги. По просьбе Канта его знакомый посетил Сведенборга в Стокгольме, где из уст духовидца услышал историю о том, что Бог наделил Сведенборга даром видеть мир духов и общаться с ним. В качестве доказательства шведский мистик привел два случая из своей практики. Первая история произошла с вдовой голландского посланника, у которой кредиторы мужа требовали квитанцию за оплаченный серебряный сервиз. Сведенборг, наделенный способностью беседовать с душами умерших, осведомился об уплате и получил ответ, где лежит квитанция. Согласно указаниям Сведенборга были найдены указанные бумаги. Другой описанный случай показался Канту еще более убедительным. Сведенборг, находясь в гостях в Готенбурге, благодаря своей мистической связи с миром духов стал «очевидцем» пожара, произошедшего в Стокгольме. Известия из Стокгольма, полученные спустя два дня, полностью подтвердили рассказ Сведенборга. Надо отметить, что эти изложения изрядно смущали Канта. В письме к фрейлейн фон Кноблох, обратившейся к нему за разъяснениями, философ именует их правдоподобными, хотя и поставившими его в тупик. Дата на этом письме неразборчива: в полном собрании сочинений письмо отнесено к 1763 году. А.В. Гулыга не соглашается с такой датировкой, поскольку уже в гердеровской редакции лекций Канта немецкий философ ставит под сомнение существование мира духов как самостоятельной сферы и возможность коммуникации с ним. Письмо к Шарлотте фон Кноблох выражает озадаченность и удивление перед фактом, подтвержденным столь уважаемыми и благоразумными людьми. По-видимому, прав первый публикатор письма Боровский, который считал, что оно написано в 1758 году. Выкроив часть из своих скромных доходов, Кант выписал из Лондона восьмитомное собрание сочинений шведского мистика, и подверг его сокрушительной критике в «Грёзах духовидца».

Напомним ключевые положения теории Э.Сведенборга.

Эмануэль Сведенборг (1688-1772), шведский философ и естествоиспытатель, прославившийся своими работами по минералогии, горному делу и механике, долгое время служил ассессором в Горном управлении, был членом палаты лордов. Оставил интересные исследования в области геологии, кристаллографии, физики, математики, астрономии и анатомии, изучал органическую и механическую взаимосвязь явлений. Главным делом его жизни до начала чудесных событий было серьезное занятие естествознанием, которое принесло

ему первую международную славу. Свидетельством тому может быть присвоение Сведенборгу звания почетного члена Петербургской академии наук в 1734 году. Наиболее известны его открытия и разработки в области металлургии, где его выводы о способах обработки железа, бронзы и меди стимулировали науку и технологию металлов. В области биологии весьма плодотворными оказались догадки Сведенборга о функциях коры головного мозга и гипофиза. Много внимания Сведенборг уделял космологии и психологии. В своей полемике с Ньютоном он сделал дерзкий шаг в сторону некоторых интуиций физики XX века, утверждая, что любой материальный объект есть в конечном счете нечто, сводимое к движению, принявшему геометрическую форму. В 1734 году были опубликованы три тома «Трудов по философии и минералогии». В первом томе излагается своеобразная теория природной субстанции. По мнению Сведенборга, основой природы является некая исходная точка материи, которая состоит из чистого движения и порождается божественным импульсом. Это исходное движение порождает цепь органических существ, и каждая порожденная серия величин приобретает все большую массу и теряет все больше энергии. Так, последовательно угасая, энергия порождает три мира: животный, растительный и минеральный.

В 1740-1741 гг. был опубликован еще один труд – «Хозяйство одушевленного царства» (*Oeconomia Regni Animalis*), где ведущей темой явилось постижение тайн души, которая, по Сведенборгу, есть посредник между единой системой живых организмов и божественной бесконечностью. В 1744-1745 гг. Сведенборг пережил серьезный духовный кризис, в результате чего объявил себя духовидцем, способным непосредственно созерцать мир «духов», и на основе своих «откровений» дал новое мистическое толкование первых книг Ветхого Завета и Откровения Иоанна Богослова. Главные «духовидческие» произведения Э. Сведенборга «Тайны неба» (*Arcana Coelestia* (1756)), «О небесах, о мире духов и об аде» (1758) и «Подлинная христианская религия» (1771) в немалой степени представляют собой вульгаризацию положений неоплатоников. Вероучение Сведенборга было одновременно продуктом Просвещения и реакцией на всю философскую мысль XVIII века. Ученый и мистик, Сведенборг, сочетал в своей личности противоборствующие устремления: постичь сущность вещей разумом и пережить мистический опыт откровения, примирить категории материи и категории духа. В систематизации религиозных взглядов ученый использовал научную методологию, хотя его опыт был очень личностным.

Труд Сведенборга «Тайны неба» представляет собой комментарий к книгам Бытия и Исхода. В этой работе и других многочисленных сочинениях Сведенборг пытается дать интерпретацию Св. Писания. По Сведенборгу, книга Бытия – это не просто отчет о происхождении человека, а разработанная аллегория. Ева представляет собой олицетворение самовлюбленности и эгоизма, Адам воплощает принцип рационализма, Змея – это правда, полученная в результате чувственного опыта, в сопоставлении с правдой откровения, ниспосланной свыше. Древо – это интеллектуальное знание в сравнении со знанием интуи-

тивным. Потоп был не реальным наводнением, а наводнением зла и лжи, которые поглотили допотопного человека. Э. Сведенборг разработал учение о точных соответствиях (“корреспонденциях”) явлений земных и потусторонних. Согласно его учению, каждый человек от рождения наделен внутренним зрением и зрением обычным. У большинства людей их внутреннее око остается неотверзтым на протяжении всей их жизни: вокруг себя они видят только физический материальный мир. Внутреннее око позволяет человеку видеть вокруг себя мир духов и наслаждаться общением с ангелами. Система Сведенборга устанавливает существование трёх областей бытия: рая, образуемого добродетельными человеческими «духами», ада, состоящего из себялюбивых духов, и промежуточного мира существ, не определившихся в добре или зле. Материальный мир рассматривается Сведенборгом как призрачный. Произведение «О небесах, о мире Духов и об аде» (1758) сам скандинавский мистик рассматривал как введение в свою теологическую систему. В нем Сведенборг пишет, что универсум – это симметричная система, где ад расположен в самой нижней точке, рай – в самой верхней, а земной мир (мир смертных) занимает срединное положение и рассматривается как ось. Несмотря на то, что Сведенборг использует для описания будущей жизни физические термины (такие, например, как «стрелки компаса»), его рай и ад предстают как сугубо духовные миры. В этом же сочинении шведский визионер говорит о тождественности форм человека, рая и ада.

Сущность человека, его поведение в земном мире определяет место обитания его души в будущем. Топографические детали, с которыми описаны духовные миры Сведенборга, выявляются благодаря корреспонденциям, устанавливаемым между каждым явлением земного мира и его отражением в будущих мирах. Сведенборг разработал тысячи примеров таких соответствий. Этот пассаж его размышлений основан на интерпретации книги Откровений Иоанна Богослова и учения Платона об эйдосах. Земная жизнь человека рассматривается как чрезвычайно важный этап, определяющий, с чем связан «человек / дух» – с «адам / преисподней» или «небом / раем». Точно так же, как земной мир занимает срединное место между адом и раем, мир духов рассматривается как посредник (intermediary) между телесной/ смертной жизнью человека и окончательным местом обитания его души (адам или раем). Это своеобразное чистилище, где души, проявляя свою сущность и раскрываясь, обнаруживают притяжение либо к раю, либо к аду. Корреспонденции, существующие между миром духов и земным миром, образуют всеохватывающую симметрию свиденборгианской системы. Согласно учению Сведенборга, суд производится косвенно уже на земле делами самого человека; но только в мире духов выявляется истинный характер этих дел, согласно которому души «притягиваются» либо к раю, либо к аду. В трактовке шведского визионера взаимоотношение человека и ангелов предстает иным, чем, в Библии, т.к. ангелы, которых описывает Сведенборг, все изначально были людьми. Они живут совместно так же, как и люди на земле. У них есть одежда и дома, которые, однако, намного совершеннее земной одежды и земных домов. Город ангелов своим устройством напоминает земной город: такие же распланированные улицы, дороги и парки. Человек, наделенный духовным зрением, как отмечал Сведенборг, способен созерцать мир

духов/ангелов. Более того, в мистическом экстазе, он может находиться в том мире не как пассивный наблюдатель, а как участник разворачивающихся там событий. В трактате «О небесах, о мире духов и об аде» Сведенборг писал, что души недавно умерших, попадая в мир духов, сохраняют свои земные влечения, способность чувствовать: они могут испытывать голод, жажду, тосковать, думать, любить, желать и т.п. Они даже сохраняют мнемоническую способность и помнят все, что когда-либо читали, видели и учили. Более того, Сведенборг заявлял, что, когда человек становится духом, он не знает, что умер. Духи, попавшие в мир иной, не только встречаются там со своими родными и близкими, но и узнаны ими; они общаются и выстраивают взаимоотношения, подобные тем, что были в земном мире. Состояние мертвых в мире духов не статично. Как только выявляется их истинная сущность, они отправляются либо в ад, либо в рай. В этой связи встает проблема свободы. Именно в мире духов они находятся в состоянии свободы. Так как их не сдерживают никакие барьеры земного существования, они вольны вести себя соответственно своим желаниям. Души, склонные ко греху, впадают в еще большее развращение.

Можно выделить четыре фундаментальных догмата сведенборгианства:

- 1) симметричную космологию;
- 2) постулат о корреспонденциях явлений земного мира и явлений духовных миров;
- 3) мир духов как место суда;
- 4) возможность коммуникации между людьми и ангелами.

По Сведенборгу, все люди состоят в одинаково тесной связи с миром духов, однако они этого не чувствуют. В отличие от других людей, внутренний глаз Сведенборга раскрыт. Дар этот заключается в осознании тех представлений, которые душа воспринимает через постоянную связь с миром духов. Духи доступны только внутреннему чувству человека. Язык духов есть непосредственное сообщение идей, но он связан с проявлением того языка, на котором обычно говорит человек и кажется звучащим извне. Один дух читает в памяти другого духа представления, который тот с ясностью имеет внутри себя. Духи имеют тесную связь со всеми живыми душами живых людей, действуют в них или подвергаются их действию. Однако они знают об этом мало, как и люди, потому что их внутреннее чувство совершенно смутно. Подобно тому, как люди в этой жизни полагают, что все их мысли и движения воли проистекают от них самих, так и духи думают, что они сами мыслят то, что есть в них результат влияния человеческой души. Уже в этой жизни каждая человеческая душа имеет своё место в мире духов и принадлежит к определённому обществу соответственно с внутренним состоянием в ней истинного и благого. Расположение духов в отношении друг друга не имеет ничего общего с пространством телесного мира. Умирает человек – и душа не меняет своего места, но ощущает себя только в том месте, где она еще при земной жизни пребывала по отношению к другим духам. Отношение между духами не есть в подлинном смысле пространственное отношение, однако имеет у них видимость пространства. Духи принимают видимость человеческого облика. Духовные существа находятся в непрерывном общении. Одной из главных идей Сведенборга является идея о том, что телесные существа не обладают самостоятельным бытием, а существуют благо-

даря миру духов. По Сведенборгу, познание материальных вещей имеет двойное значение: внешнее – поскольку речь идёт о взаимном отношении материальных предметов, и внутреннее – поскольку они как действия указывают на силы мира духов, которые являются их причинами. Внутренние чувства неизвестны людям: целью Сведенборга является ознакомить людей с ними. Вещи видимого мира имеют одно малое значение как вещи и, другое, большее, как знаки. Внутренний смысл, символическое отношение вещей к миру духов – суть их достоинства, всё остальное – только шелуха. Духи всегда представляются друг другу под видом существ, обладающих протяжённостью. И взаимовлияние всех этих духовных существ порождает видимость других, обладающих протяжённостью существ и подобие материального мира. Образы этого мира суть только символы его внутреннего состояния, но вызывают столь явный и продолжительный обман чувств, что он равносителен действительному ощущению подобных предметов. Все общества духов вместе и весь мир этих невидимых существ выступает как подобие огромнейшего человека. В этом исполинском человеке имеет место непрерывное общение каждого духа со всеми остальными и всех, с каждым в отдельности. Каково бы ни было положение живых существ в этом мире, все они в гигантском человеке занимают совершенно другое положение, которое только по видимости есть место в неизмеримом пространстве, а на самом деле представляет собой отношение и влияние этих существ. Для понимания места Сведенборга в новоевропейской культуре нам кажется важным сказать несколько слов о его рецепции. Ореол чуда привлекал к нему многих разнообразных посетителей, которые, надо полагать, докучали ему своим любопытством. Шведский мистик вел себя безупречно: он любезно поддерживал тему, предложенную собеседником, никогда не заговаривал об иных мирах, если его не спрашивали, и в то же время корректно ставил на место тех, чья ирония становилась бесцеремонностью. Однако последние годы его жизни были омрачены кампанией преследования, организованной протестантскими епископами. Мир, нарисованный Сведенбогом, был мало похож на привычные средневековые схемы мироздания, а награды и наказания в загробных мирах теряли характер небесного суда, плавно продолжая земную цепочку причин и следствий. Более того, указывали, что миропорядок Сведенборга вполне мог обойтись без Христа и более соответствовал индийскому принципу кармы или гностическим мифам, чем религии воплощенного Слова. Однако сам Сведенборг категорично отверг обвинения и особенно подчеркивал несогласие с главным аргументом обвинителей, будто бы он, как некогда социниане, отвергает учение о воплощении Бога на земле. Слава Сведенборга, если не считать возбужденных его чудесами современников, никогда не была обширной. Ее можно представить в виде непрерывной эстафеты родственных душ, которые проносят традицию через века: Блейк, Новалис, Соловьев...

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в исследованиях о Сведенборге в качестве проблемы поставлены его видения. Между мистическим видением и просто видением нет принципиальной разницы. В обоих случаях присутствует явление, данное через субъективную чувственность, и есть интерпретация, которая создает смысл и образ. Нет оснований сомневаться в том, что Сведенборг имел личный опыт видений, но результат дан как интерпретация. И этот ре-

зультат согласуется с духом и стилем времени. Он есть факт его символической культуры. Символизм как метод и как способ восприятия феномена объясняет многое в причудливых концепциях Сведенборга. Это не античный символизм, где эйдос проявляет себя в материи, и не средневековый, где даны ряды воплощений смысла в земной и небесной иерархии. Перед читателем – почти постмодернистская модель: мир как свертхтекст, в котором буквами, стихиями, являются все клеточки космоса, могущие быть знаком. Причем текст этот, при его смысловом единстве, не имеет жесткой оболочки. Он бесконечен в физическом и метафизическом смысле. Отсюда страсть к толкованию Библии, которая понимается как модель символического мира. Сходным образом мыслил Григорий Сковорода, младший современник Сведенборга, называвший Библию третьим, «символическим», миром – миром между микро- и макрокосмом.

Пытаясь разобраться в том, что представляет собой область идеального, Кант ставит вопрос, насколько возможно допущение существования мира духов как самостоятельной сферы бытия. Знания человека об идеальном, как считает Кант, представляют собой своеобразный конгломерат расхожих представлений и общих мест: «Если собрать воедино все, что о духах твердит школьник, говорит толпа и объясняет философ, то окажется, что это составляет немалую часть нашего знания» [2, с.206]. Ни одна теория не дает исчерпывающего ответа на вопрос, что же понимают под духом. Описание, согласно которому дух определяется как существо, одаренное разумом, кажется Канту недостаточным.

Что же следует понимать под духовным существом? Немецкий философ полагает, что под духовным существом необходимо понимать существо, атрибутами которого являются такие качества, как проницаемость, неспособность составить одно обладающее плотностью целое и обладание разумом. Однако гипотетическое определение не означает действительности бытия такого рода существ: Кант ставит вопрос о возможности их существования.

Обо всем, что не может быть понято опытом или по аналогии, нельзя составить себе никакого понятия. Мыслить деятельность субстанций другого рода затруднительно, так как эта деятельность не имеет никакой аналогии с основанными на опыте представлениями. Можно признать возможность нематериальных существ, но доказать эту возможность разумными доводами невозможно. Духовные сущности, считает немецкий философ, могли бы находиться в пространстве, которое всегда оставалось бы проницаемым для существ телесных. Духовные существа своим присутствием оказывают какое-то действие в пространстве, но не наполняют его. Место духовной субстанции не локализовано: это не точка, а пространство как таковое. Так как границы протяжения определяют фигуру, то фигура не может быть свойственна духовным существам. Вопрос о местопребывании человеческой души в телесном мире остается открытым. Философ ссылается на эмпирический опыт: «я есть там, где я ощущаю» [2, с.211]. В этом отношении доводы так называемой школьной философии кажутся Канту правдоподобными: «Моя душа во всем теле и вся в каждой его части» [2, с.212]. Здесь имеется в виду произведение Дарьеса "Psychologia rationalis", в которой есть сходное положение: «Душа присуща всему телу в целом со всеми его органическими частями» [2, с.22].

Связь духа с телом остается невыясненной. Кант предполагает, что духовное начало внутренне присуще материи, с которой оно связано. Это духовное начало влияет не на силы, устанавливающие соотношения между элементами, а на внутренний принцип их состояния. Однако невозможно познать, составляют ли дух и тело неразрывное единство. Чтобы понять сущность духа, кенигсбергский мыслитель обращается к рассмотрению его противоположности – материи. Мертвая материя находится в однообразном состоянии инертности и устойчивости. Она обладает плотностью, протяженностью и фигурой. Явления материи допускают физические объяснения. Законы деятельности нематериальных существ могут быть названы пневматическими. Нематериальные существа суть самостоятельные начала. Кант предполагает, что они могут быть соединены непосредственно между собой и в состоянии образовать одно великое целое, которое можно назвать нематериальным миром. Части этого нематериального мира находятся во взаимной связи и общении без посредства телесных вещей. Общение нематериальных существ чрез посредство тел случайно и может быть присуще лишь некоторым. Нематериальный мир заключает в себе сотворенные разумные начала. Из них одни связаны с материей – это персоны, а другие нет – это все принципы жизни, какие есть в природе. Все эти нематериальные сущности находились бы в соответствующем их природе общении друг с другом. Человеческая душа рассматривается как одновременно связанная с двумя мирами. В качестве части мира духов она воспринимает воздействия нематериальных существ. Как только связь души с телом прекращается, остается одно лишь присущее ей общение с духовными сущностями.

Рассматривая частные положения теории Сведенборга, Кант обращается к проблеме общественного мнения. Общественное мнение в состоянии оказывать колоссальное влияние на умы людей. Люди, которые относятся к интеллектуальной элите, также подвержены этому влиянию. «Многие нелепости, – замечает Кант, – распространяются только потому, что о них говорят везде и всюду» [2, с.247]. В этом смысле положение философа шатко: с одной стороны, существуют вещи, которые он не может безнаказанно подвергать сомнению, и с другой стороны, веря им, он не может не подвергнуться осмеянию: «Для философа нет горше упрёка в легковерии и приверженности к ложным мнениям толпы» [2, с.244]. Обосновывая свою заинтересованность учением Сведенборга, Кант замечает: «Но так как философия, о которой речь была выше, тоже была сказкой из страны чудес метафизики, то я не вижу ничего неприличного в том, чтобы представить обе эти сказки вместе» [2, с.243]. В исследовании Кант использует диалектический метод: от тезиса через антитезис к синтезу. Для того, чтобы проникнуть в суть явления и постичь его, по мысли Канта, необходимо встать на точку зрения другого и рассмотреть явление изнутри другой системы – метод, который впоследствии будет развит герменевтикой: «Когда-то я смотрел на весь человеческий ум с точки зрения моего собственного ума, теперь становлюсь на точку зрения чужого и вне меня находящегося разума и рассматриваю свои суждения с точки зрения других людей» [2, с.240]. По мнению Канта, это единственное средство предотвратить оптический обман и поставить понятия на то место, какое они действительно занимают по отношению к познавательной способности человеческой природы. Моделируя точку зрения

Сведенборга, немецкий философ пытается рассмотреть существование мира духов как правдоподобное: «Я не решаюсь отрицать полностью всякую истинность различных рассказов о духах, сохраняя за собой естественное право сомневаться в каждом из них» [2, с.242]. Чтобы не утомлять читателя пространными описаниями, Кант останавливается лишь на частных положениях теории Сведенборга и преподносит квинтэссенцию книги шведского мистика.

Рассматривая его видения, немецкий философ классифицирует их на роды с функциональной точки зрения. С характерной рациональностью Кант выделяет три рода. К первому роду относятся случаи, когда Сведенборг якобы свободен от тела: это нечто среднее между сном и бодрствованием. В этом состоянии он видел, слышал и даже осязал духов. Ко второму роду Кант относит случаи, когда Сведенборг под водительством духа переносится в иные области: дух уводит его в то самое время, когда он гуляет по улице, нисколько не сбиваясь с пути. Вместе с духом он находится в совершенно иных краях и ясно видит там дома, людей и леса в течение нескольких часов, пока внезапно не почувствует себя на своём прежнем месте. К третьему роду относятся обычные видения, которые случались со Сведенборгом ежедневно и, главным образом, на них построены все его рассказы. Сделав вывод, что такого рода видения являются плодом больного воображения, Кант ставит вопрос о том, как возможен этот обман и в чем его природа. Учение Сведенборга интересует Канта как явление само по себе. Немецкий философ полагает, что рассказы Сведенборга возникли из какого-то фантастического созерцания и являются результатом обмана чувств. «Едва ли можно заподозрить, – говорит Кант, – что спекулятивные бредовые фантазии извращенного ума побудили его сочинить их с целью обмана» [2, с.252]. Хорошо изложенный обман чувств, по Канту, представляет собой более интересное явление, чем заблуждение ума. Он приходит к выводу, что болезнь коренится только в обмане чувств, а не поражает разум. Мнимое чувственное восприятие предшествует всякому суждению рассудка. Оно обладает непосредственной очевидностью, которая превосходит всякие другие убеждения. Поскольку чувства составляют первооснову всякого суждения, то, когда они дают неверную картину, законы логики бессильны.

В контексте этой проблемы Кант рассматривает сновидцев ума и сновидцев чувства. К сновидцам ума Кант относит представителей вольфианской философии; к сновидцам чувства «причисляют тех, кто иногда вступает в сношения с духами» [2, с.232]. И те и другие видят то, что не видит ни один здоровый человек. И те и другие представляют себе субъективно измышленные образы, которые обманывают чувства. По характеру своего происхождения эти заблуждения различны. «Бодрствующий сновидец» углубляется в вымыслы и химеры своего воображения. В этот момент он представляет химеры внутри себя, а другие ощущаемые им предметы – вовне себя. Первые он считает продуктами своей собственной деятельности, а вторые относит к тому, что воспринимает и испытывает извне. От «бодрствующих сновидцев» отличаются духовидцы. Духовидцы наяву и часто при исключительной яркости других ощущений относят те или иные предметы в места, занимаемые другими внешними вещами. Вопрос, который интересует Канта, – это вопрос о том, каким образом духовидцы обман своего воображения перемещают вовне себя и как возможен этот обман.

Человек имеет представление о местонахождении вещей как необходимое условие ощущения. Основное различие между движением нервов при игре воображения и при ощущениях заключается в направлении движения. В первом случае линии направления пересекаются внутри мозга, во втором – вне его. При умопомешательстве человек принимает предметы своего воображения за нечто внешнее, действительно находящееся перед ним. Немецкий философ истолковывает это явление рационально: «Из-за болезни некоторые органы мозга так изменены и выведены из своего надлежащего равновесия, что движения нервов, вибрирующих согласованно с некоторыми фантазиями, совершается по направлению таких линий, которые будучи продолжены, пересекаются вне мозга, в таком случае *focus imaginarius* будет перенесен вне мыслящего субъекта и образ, чистейший плод воображения, будет казаться предметом, доступным нашим внешним чувствам» [2, с.237]. Причину подобного заболевания Кант видит в ложном воспитании, которое подготавливает почву для восприятия обманчивых теорий. Понятия, привитые в процессе деформирующего воспитания, дают человеку материал для создания химерических образов. Отсюда логически вытекает вывод в духе эмпиризма о том, что человеку возможно познать только явления природы и ее законы. Сам принцип жизни, то есть духовную природу, нельзя мыслить положительно, так как для этого нет никаких данных во всей системе человеческих ощущений. Источником представлений, по Канту, являются либо чувственность, либо рассудок и разум. Чувственность дает знание, выражающее отношение предмета к особым свойствам познающего субъекта; «вторые (рассудок и разум) относятся к самим предметам». Чувственность имеет дело с явлениями, феноменами (интеллигибельный, умопостигаемый предмет Кант называет ноуменом). Всякое знание, по Канту, начинается с опыта, но не сводится к нему. Часть знаний человека порождается самой познавательной способностью, носит априорный характер. Эмпирическое знание единично, а потому случайно; априорное – всеобщее и необходимо. Доопытные формы знания не являются врожденными. Познающий индивид располагает определенными, сложившимися до него формами познания. Мир рассматривается Кантом как феномен, существующий во времени и пространстве. Время и пространство – это субъективные условия, изначально присущие человеческому уму и координирующие чувственно воспринимаемые предметы. В ноуменальном мире времени и пространства нет, поэтому невозможно познать, где и как обитают духовные сущности. Подводя итог, Кант говорит о том, что человеку надлежит судить о божественной воле только по гармонии, которую он замечает в мире, либо он может делать выводы, сообразуясь с правилами аналогии, «и не имеет он права по предначертаниям собственной мудрости, которые он в то же время предписывает божественной воле, измышлять новые и произвольные распорядки для настоящего или будущего мира» [2, с.226].

В статье «Об аристократическом тоне в новейшей философии» Кант выступает с критикой тех, кто полагает источник философского познания в интеллектуальном созерцании, ссылаясь на Платона как родоначальника этой метафизической традиции. Кант считает, что основным мотивом, побудившим Платона развить учение о непосредственном восприятии сверхчувственного, был его интерес к математике, положения которой общезначимы, а потому не могут

быть получены путем эмпирического чувственного созерцания. По мнению Канта, его собственная "трансцендентальная эстетика" решает проблему достоверности математического знания без использования гипотезы об интеллектуальном созерцании, и потому исчезает единственный рациональный повод предполагать наличие в человеке особого чувства сверхчувственного.

Здесь у Канта оказались связанными два лейтмотива его творчества: первый – мотив борьбы с философским эзотеризмом, второй – радикальный этический пафос. Философ, по Канту, не имеет доступа к какому-то особому источнику знания, закрытому для обыкновенных граждан. Философия – не посвящение в некие тайны, скрытые от прочих смертных. Это не значит, что философ не имеет своего взгляда на вещи. Но этим философским взглядом он обязан понятийному мышлению, достигающему в философии наибольшей силы, чистоты и свободы. Что касается свойственных нашему духу созерцаний, то они у философов те же самые, что у других людей. Философ не способен созерцать нечто, что им недоступно, но созерцая то же самое, он способен дать себе более ясный и глубокий отчет в созерцаемом благодаря способности дискурсивного мышления. Каковы же те основные созерцания, или интуиции, имеющие не специально философский, но общечеловеческий характер, которые составляют настоящую точку приложения философского мышления? Кант стремился указать основную и общую интуицию сознания, ту, которая присутствует в душе каждого человека: его моральное чувство, голос совести, говорящий на языке долга. Задача философии заключается в том, чтобы просветлять, разъяснять и углублять моральное чувство, чтобы построить мировоззрение, имеющее опору в той единственной интуиции, которая присуща каждому. Считается, что дискурсивный рассудок должен проделать большую работу, разделяя и снова соединяя свои понятия, чтобы продвинуть познание вперед, в то время как интеллектуальное созерцание овладевает своим предметом непосредственно. Эзотерическая философия, полагает Кант, претендует на то, что ее адептам не нужно работать, но достаточно прислушаться к своему внутреннему оракулу, чтобы вполне овладеть всей мудростью. Человек с рассудком (как способностью познания посредством понятий) не может распространить это познание на само понятие априори. Истинная философия, по Канту, – это напряженный труд. Иллюстрируя это положение, он ссылается на Аристотеля. Аристотель, как считает Кант, – метафизик в том смысле, что он расчленяет всякое познание на элементы, но он же и «художник разума», ибо способен собрать это познание воедино. «Принцип, согласно которому философствуют под влиянием высшего чувства, – говорит Кант, – более всего подходит для аристократического тона: ибо кто может оспорить чувство» [3, с.167]. Немецкий философ критикует «господ аристократов от философии» за то, что они пытаются убедить остальных в том, что это чувство не есть нечто субъективное, но что его можно требовать и в других, как объективную составляющую познания, которая имеет характер созерцания. Кант выделяет три степени достоверности: знание, вера и мнение. Эзотерическая философия, отмечает он, выдвигает ещё одну – некое наитие сверхчувственного, не имеющее отношение к логике. Кант определяет наитие как тёмное предожидание, заключающее в себе надежду на какое-то объяснение: «Такие понятия могут дать лишь суррогат знания, некое сверхъес-

тественное известие, мистическое озарение. Это – смерть философии» [3, ч.169]. Итак, «пренебрежение, с которым говорят о формальном в нашем познании (тогда как именно оно есть главное дело философии) как о педантстве или «мануфактуре форм», подтверждает подозрение, что за этим скрывается тайное намерение: под вывеской философии изгнать на деле всякую философию и кичиться своей победой над нею» [3, с.173]. В форме, по Канту, и заключается сущность вещи в той мере, в какой эта сущность должна быть познана разумом. Если вещь является предметом ощущений, то речь идёт о форме вещи, данной в созерцании. На этих формах основана возможность всех синтетических познаний априори. Переход же к сверхчувственному совершается посредством таких практических законов, которые возводят в принцип не материю свободных поступков (их цель), но лишь их форму, пригодность их максимум для всеобщего законодательства. «Та скрытая покрывалом богиня, перед которой обе стороны склоняют колени, – это моральный закон в нас самих с его нерушимым величием» [3, с.174]. Собственно философским является лишь дидактический метод. С помощью него моральный закон выражается в ясных понятиях логического учения. Персонафикация этого закона, «когда из морально повелевающего разума делают скрытую покрывалом Изиду» [3, с.170], является эстетическим способом представления того же самого предмета. При этом всегда существует опасность впасть в фантастическое визионерство, которое «означает смерть всякой философии» [3, с.174]. Вывод таков: «Предчувствовать эту богиню означает лишь направляться к понятию долга своим моральным чувством ещё до того, как стали ясны принципы, от которых это чувство зависит. Такое предчувствие закона, как только оно переходит в ясное усмотрение, становится делом собственно философии, без которой всякое суждение разума было бы лишь голосом оракула, изъясняемым каждым по-своему» [3, с.174].

Что же думали об этой полемике позднейшие философы? Гносеологические исследования Вл. Соловьёва, братьев Трубецких, Лосского, Франка, Флоренского содержат в себе доказательства существования интуиции и обосновывают новое направление в гносеологии, преодолевая критицизм Канта и оправдывая метафизику как науку. Эти труды не игнорируют направлений, выросших из кантианства. Они включают в себя ценные стороны трансцендентального идеализма; содержат в себе признание идеальных начал, исследуемых трансцендентальным идеализмом, но дают им метафизическое истолкование. Интуитивизм предполагает «живое» проникновение в предмет, преодолевающее расчленение реальности на субъект и объект. Это учение развивается в рамках неореализма в Англии и Америке, в русской философии оно связано с интуитивизмом братьев Трубецких. Интуиция означает процесс непосредственного получения знания посредством целостного схватывания ситуации без дискурсивного его выведения и доказательств. Выделяются несколько видов интуиции: чувственная, интеллектуальная, эмоциональная, мистическая.

Интуитивизм связан с учением о том, что чувственные качества, цвета, звуки, запахи суть не психические субъективные процессы в сознании наблюдателя, а свойства самого материального процесса. Чувственная интуиция предшествует понятию, выражаясь независимо от интеллекта в образах и ощущениях. Интеллектуальная интуиция представляет собой форму непосред-

венного интеллектуального схватывания сущности явлений (Гуссерль). Мистическая интуиция понимается как совершенно бессознательный процесс божественного откровения, таинственного озарения при общении с Абсолютом. Интуитивизм признает последним основанием бытия и познания непосредственное, «живое» проникновение в предмет. Анри Бергсон предметно противопоставлял интеллект и интуицию. Интеллект знает только материю, т.к. его метод работы – рядоположение, расчленение на элементы и установление внешних отношений между ними. «Чистая теория» предполагает незаинтересованное погружение в предмет, преодоление дистанции, которую субъект рационального познания удерживает по отношению к объекту исследования, и потому требует интуиции. Интуиция – это знание-переживание, которое не может быть концептуализировано. Для Гуссерля интуиция есть «сущностное видение», непосредственное созерцание общего. Все, обнаруживающее себя посредством интуиции, должно приниматься так, как оно себя обнаруживает. Это установка на описание не эмпирических фактов, а «идеальных сущностей» – смыслов, непосредственно открывающихся философскому сознанию. Эта операция переключения внимания с факта на смысл получила название редукции.

В статье «Своеобразие русской философии» Н.О.Лосский рассматривает особенности интуитивистской теории восприятия. В трактовке интуитивизма предмет внешнего мира, например дерево, увиденное человеком, есть не образ, копирующий внешнюю действительность в уме человека, не символ и не конструкция его познающего сознания, а само материальное бытие, вступившее в сознание человека. Содержание восприятия есть сама реальность, осознанная человеком. Н.О.Лосский говорит о том, что философия стоит перед альтернативой: или существует интуиция, и тогда метафизика возможна; или интуиции у человека нет, как это утверждает Кант, и тогда приходится вместе с ним признать, что метафизика как наука невозможна. Гносеология интуитивизма, как полагает Лосский, даёт синтез рационализма и эмпиризма гораздо более органичный, чем в критицизме Канта. Гносеология интуитивизма, которую утверждает Н.О.Лосский учитывает чувственный опыт, но говорит также о других его видах, более глубоко проникающих в бытие. Они имеют характер созерцания. К ним относится интеллектуальная интуиция (она открывает идеальные основы мира), нравственный и эстетический опыт, открывающий высшие ценности, и, наконец, опыт мистический, религиозный, который устанавливает связь человека со сверхмировым началом. По Канту, конкретное есть сумма отвлечённостей, и потому нет принципиального различия между конкретным бытием и бытием мыслимым в отвлечённых понятиях. Критикуя это положение Канта, Лосский говорит о том, что таким образом конкретное бытие подменяется псевдоконкретным: всякая человеческая личность есть целое, не исчерпаемая никаким множеством отвлечённых определений. Живое, личное бытие не есть только единство и порядок таких определений. Оно есть носитель и творческий источник бесконечного множества своих моментов, выразимых в отвлечённых понятиях. Конкретное бытие есть индивидуальное целое, которое содержит в себе бесконечное множество доступных отвлечению определённостей. С таким учением о конкретном бытии связан в метафизике ряд важнейших следствий. Первое, учение о приоритете конкретного перед отвлечённым.

Второе, учение о приоритете индивидуального над общим. Третье, господство идеи жизни как творческой активности: воля и сила представлены не как закон изменений, а как творческая активность. Рациональное знание, как отмечает Лосский, бывает только в сфере отвлечённостей, а задачей конкретной философии является опознавание иррационального или сверхрационального. Философ, совмещающая в себе две способности: абстрактного мышления и конкретного созерцания реальности, может достигнуть знания о сверхрациональном только с помощью сверхчувственной мистической интуиции.

Таким образом, в работе «Грёзы духовидца» Кант говорит о неразличении Сведенборгом феноменов и ноуменов, то есть данных явлений и созданных на их основе умозрительных предметов. Кант – оппонент и критик Сведенборга, но именно кантовское различие явленного и мыслимого доказывает возможность той картины мира, которую изображал его шведский корреспондент. Нельзя отменить требования необходимой интерпретации любого явления. Однако, человек несет ответственность за тот смысл, который он придает явлению – в этом радикальный этический пафос Канта. Идеи Канта и Сведенборга частично пересекаются. Недаром Кант считал своим долгом откликнуться на произведение шведского мистика. Чувственный мир – это функция личности во всех ее аспектах, включая моральный. В этом одна из самых впечатляющих черт сведенборгианских загробных миров. Та оболочка из вещей, домов, ландшафта, пространства, близких и далеких людей, которая дана человеку извне и без участия его воли, воспроизводится и в преисподней, и на небесах, так что человек не сразу осознает свою смерть. Но осознав, понимает, что сам создает свой мир и тем самым создает себе награду или наказание, делящиеся во всех мирах. Земная жизнь есть только явление, то есть чувственное представление о чисто духовной жизни, а весь чувственно воспринимаемый мир есть лишь образ, который представляется способу познания человека и, подобно сновидению, не имеет сам по себе никакой объективной реальности. Сведенборг был запретным, но соблазнительным плодом для критического метода Канта, чья внутренняя цензура не позволяла признать за картиной мира Сведенборга действительность, но в тоже время не в силах была отказать ей в метафизической и моральной привлекательности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гулыга, А.В. Коперниканский поворот Иммануила Канта // А.В. Гулыга. Немецкая классическая философия. – М.: «Рольф», 2001. – С.47-118.
2. Кант, И. Грёзы духовидца, поясненные грёзами метафизики / И.Кант // Кант И. Собр. соч. – Т.2. – М.: Изд-во «Чоро», 1994.
3. Кант, И. Об аристократическом тоне в новейшей философии / И.Кант // Ступени. – 1991. – № 2. – С.161-181.
4. Лосский, Н.О. Своеобразие русской философии / Н.О.Лосский // Ступени. – 1992. – № 1. – С. 122-138.
5. Лосский, Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / НоО.Лосский. – М., 1995.

Материал поступил в редколлегию 01.02.12

С.В. ГОВОРУШКИН**АНТРОПОСОЦИАЛЬНАЯ ПАРАЗИТОЛОГИЯ –
НЕДОСТАЮЩИЙ АСПЕКТ ПОЗНАНИЯ**

Предложен оригинальный подход к исследованию социальной жизни: рассмотрение социальных процессов и организмов, используя термины паразитологии.

Статья не содержит указания или намека на какую-либо национальную, религиозную или социальную группу; в ней совсем нет рассуждений о борьбе людей или народов за существование – следовательно, нет и так называемого «социал-дарвинизма». Между тем автор настаивает на правомерности аналогий между природным, компьютерным и социальными мирами потому, что задачей философии и является наднаучный анализ и общая координация познания. Излагаемый подход позволяет объяснить иначе не объяснимое.

Биологическая паразитология сделала удивительные открытия [2]. Оказалось, что паразиты существуют с самого момента зарождения жизни, они существенно повлияли на эволюцию и теперь паразитов в четыре раза больше, чем непаразитов. Их мир полон особенной рациональности и, следовательно, красоты: красоты нечеловеческой, ибо возникли они задолго до появления человека. Паразиты – это не хорошо, но и не плохо, а нормально для природы в целом.

Как можно понятие «паразит» оставлять только миру дикой природы, если оно возникло как социальное? Изначально «паразит» - это служитель на ритуальных пирах, в дальнейшем – типичный персонаж греческой трагедии (со своей маской): человек, подвизающийся при дворе богача и готовый за случайный подарок или обед на разные услуги. Потом понятие «паразит» переместилось в биологию и сейчас, в век глобализации и смешения всего, просится обратно в социологию. Будем считать паразитом структуру (систему), использующую ресурсы другой структуры (системы) для (само)возобновления и размножения.

Таков биологический вирус. Он живой. Система, использующая для жизни другую жизнь – тоже живая. Это дает многое. Можно говорить о машинной жизни, жизни идей и виртуальной жизни умерших людей в памяти живых. Таков гуманизм социальной паразитологии. Паразит может наносить и не наносить вред хозяину. Если польза взаимная, то речь идет скорее о симбиозе, который, однако, может иметь паразитную составляющую.

Применим наш новый аспект к взаимоотношению различных систем.

Люди – техника

В определенном смысле можно говорить о машинной жизни, паразитирующей на человеческой. Эволюция автомобилей аналогична эволюции биологических организмов. И если вирус живет только благодаря паразитированию на ДНК клетки, то и автомобили существуют, возобновляются и размножаются, паразитируя на людях. Хотя в основном отношения симбиотичны, социологи говорят о том, что в США автомобили поглощают творчество лучших инженеров и ученых, пахотные земли и энергоресурсы, при этом нанося вред экологии, запруживая улицы городов [3]. При недостатке общественного транспорта человек порой вынужденно покупает личный автомобиль – следовательно, имеет место насилие и причинение вреда автомобилем человеку. С другой стороны, человек, получивший в пользование машину и варварски к ней относящийся, уподобляется неразумному паразиту, а нормально относящийся уподобляется паразиту разумному; только человек, принявший участие в создании своей машины, становится творцом. Вот поэтому индивидуальный заказ машин и домов, хэндмэйд (самоделки) становятся популярными на Западе.

Люди – идеи

Напрашивается аналогия с компьютерными программами и вирусами. Благие идеи, религиозные и политические учения живут в симбиозе с людьми. Вредоносные религиозные (сектантские) и социальные учения – суть вирусы – паразиты [1].

Человек – общество

Если рассматривать человека не как целое, то окажется, что одни органы его тела паразитируют на остальных. Если считать общество совокупностью свободных, независимых, наделённых всеми «правами человека» индивидуумов, то выйдет, что дети, неработающие женщины, чиновники, многие другие – паразиты. И только рассмотрение общества (а лучше первобытного племени) как единого организма снимает этот парадокс.

Западный («цивилизованный») мир - нечто непознанное

Паразит может управлять не только физиологией, но и поведением (а значит мыслями и чувствами) хозяина. Например, гусеница, зараженная личинками осы-наездника, начинает потреблять много корма, растёт, обгоняя, здоровых особей, но при этом не откладывает жира и не готовится к размножению, так как стерилизована. После выхода из нее личинок осы и их окукливания наша гусеница защищает потомство осы как собственное [2]. Поведение людей Западного мира тоже выказывает признаки заражения. Они много потребляют, но не откладывают жира, то есть не делают накоплений; у них мало детей. Страны в целом ввязываются во вроде бы вредные для них войны на юге. То есть поведение людей «Цивилизованного мира» иррационально с точки зрения их пользы, но, наверное, рационально с точки зрения благополучия некоего паразита.

Человечество – Гея (биосфера в целом)

Человек, как молодой вид выступает неразумным паразитом, безмерно разрушающим среду своего обитания. Людям следует поучиться у паразитов продвинутых и не причинять вреда Гее более необходимого.

Чтобы совсем перестать быть паразитом, человечеству следует от защиты природы (обороны) перейти к наступлению – её творческому созиданию. Прецедентами могут служить японские пейзажные парки [4], Дубай. Человеку еще только предстоит стать сотворцом Биосферы – уподобиться Богу.

Список литературы

1. Грановская, Р.М. Психология веры / Р.М.Грановская.- СПб.,2010
2. Циммер, К. Паразиты. Тайный мир / К.Циммер.- М.,2011.
3. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмента / Ф.Котлер, К.Л.Келлер.- СПб.,2010.
4. Овчинников, В. Ветка сакуры / В.Овчинников.- М.,2005.

Материал поступил в редколлегия 01.02.12

ББК 87.6

В. МИХАЛЕВ-ВОЛОКОВ ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПОГИБНЕТ ОТ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

«... Во многих мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь».
книга Екклесиаста, гл. 1

Рассматриваются вопросы взаимосвязи научно-технического прогресса и гибели человечества.

Все факторы, влияющие на гибель человечества, можно разделить на две большие группы: внешние и внутренние.

К внешним факторам относятся землетрясения, цунами, климатические учащающиеся неблагоприятные изменения, моры, массовые заболевания типа чумы, оспы, холеры и других еще неизвестных; падения астероидов, изменения магнитных полюсов, смещение оси вращения и так далее. К внутренним факторам относятся собственно последствия научно-технического прогресса, становящегося все более совершенным. Эти последствия можно разделить на объективные и субъективные. К объективным последствиям (факторам) относятся все более опасное загрязнение нашей среды обитания отходами производства: химическими, ядерными, биологическими, бактериологическими. Они делают невозможным дышать свежим воздухом, пить чистую воду, есть чистые продукты. Следствие – жуткие болезни. Искусственные, генно-модифицированные продукты приводят, например, к женскому бесплодию, компьютеры и мобильные телефоны – к потере зрения и раку мозга. Ядерные и химические отходы загрязняют воду и почву, способствуют появлению новых вирусных заболеваний, нашествию биологически и химически устойчивых вредителей типа саранчи, червей и более мелких пожирателей живого, появлению новых болезней. Разумеется, есть безотходные технологии, но они слишком дороги в массовом производстве и число стран, их использующих, можно пересчитать по пальцам. Сюда же относится объективный фактор все более катастрофических последствий от аварий на более совершенных технических приборах и предприятиях. Ибо из теории вероятностей известно, что чем более сложнее и совершеннее техническое устройство, тем более вероятность аварии и поломки её. Это аварии типа разрушений и поломок на Чернобыльской АЭС, химического завода в Бхопале (Индия), взрыва на буровой платформе в мексиканском заливе, и других менее известных катастроф в разных странах и государствах (здесь применяется и человеческий фактор).

И, наконец, рассмотрим субъективные факторы. Сюда относятся неумение физическое и психическое приспособиться к управлению все более совершенствующейся техникой. Отсюда аварии и катастрофы заводов, электростанций, самолетов, подводных лодок, кораблей, автомашин и других технических объектов. Неумение, да зачастую и невозможность просчитать все последствия манипуляций с природной средой от обводнений, осушений, переброски рек до вырубки лесов, разведения тех или иных животных, рыб, растений не в их естественных средах ведут к гибели этой природной среды, «пилением нашего сука, на котором мы сидим». Еще одна причина – использование достижений НТП злыми людьми, злыми государствами в целях уничтожения людей, государств, природной среды обитания. Это – химическое, бактериологическое, биологическое, ядерное, климатическое оружие, нейтронные бомбы, лучевое оружие, высокоточные средства уничтожения и так далее. И это самый страшный фактор в деле нашей гибели из всех перечисленных. Индивидуальный и групповой терроризм – вот изощренное и самое последнее «достижение» соединения научно-технического прогресса (НТП) со злобой людской. Когда

бомбу может сделать каждый, следя за описанием её в интернете; когда террористы рвутся к созданию в кустарных условиях миниядерной бомбы и еще немного и это осуществится; когда маньяк солдат или офицер может запустить баллистическую ракету или злой охранник, ученый взорвать атомную электростанцию, то мир действительно висит на волоске. Гений и злодейство совместимы и естественны. Это не то, что было 200-300 лет тому назад. Тогда мечи, кинжалы, стрелы, кремневые ружья были таковы, что ими умело пользовались немногие, да и убивали они немногих, а в войнах были перерывы на обед и вечерний сон. Зато теперь злые люди, ученые (типа Вернера фон Брауна) могут убивать десятки, сотни, тысячи людей, а государства зла – миллионы и миллиарды. Вспомним Нью-Йорк 11 сентября 2001 года, взрывы на поездах и в метро. Почему же это так? Да потому, что зло естественно, как сорняк, который не надо поливать, окучивать, подкармливать. Он и так растет. Зло как нелюбовь ко всему и вся есть следствие чрезмерного функционирования и использования наших базовых качеств тела – голода, либидо, эгоизма и собственности. А добро неестественно, как пшеница, картофель, огурец, помидор. За ними нужен уход, заботливый уход и тяжкий. Чтобы быть добрым – нужно заставить себя заботиться о всех и вся, любить их, а значит – не завидовать, не убивать, не воровать, не доносить, не блудить, не объедаться, не обпиваться, что нелегко нами делается, так как это не в нашей натуре. Короче – любить себя, окружающих людей, природу значит не делать им вред, не унывать и не загрязнять природу, не насиловать и не гневаться, не гордиться... Это практически невозможно.

Да, все это трудно. Ибо чтобы делать это – нужно себя принуждать. А зло делать легко, ибо это нелюбовь ко всему и вся. Не люблю я его, равнодушен к нему и могу ударить, убить, обворовать; написать донос от зависти, изнасиловать. А кто из перечисленного хоть частично, но не делал? Да почти все. Единички могут сдерживаться и принуждать себя не делать этого, значит – зла. Ибо все против нас: и грехи предков, и наши деяния, и внешняя среда. Все эти смертные грехи ведут ко злу и гибели всех. И мы, наше поколение, свидетели такой гремучей смеси НТП и злых людей, вряд ли переживем это. Кстати сам НТП одновременно и положительно, прогрессивно действует на людей (улучшая условия работы, отдыха и общения в плане комфорта и объема) и отрицательно, негативно (ухудшая здоровье физическое и психическое (компьютеры, мобильные телефоны, интернет, автомобили, АЭС и другие технические новинки отрицательно влияют на зрение, головной мозг, психическое состояние типа компьютеро- и интернето-мании и так далее)). То, что прогресс сочетается с регрессом: это половинчатый прогресс. Прогресс есть регресс одновременно.

Научно-технический прогресс не остановить и не затормозить. И ничего не поделаешь со злом, ибо оно естественно и повсеместно. А потому мы погибнем от их смеси. Все в этом мире справедливо и закономерно, а справедливое и закономерное обязательно произойдет. Поистине, горек плод познания. Отметим, кстати, что нет обитателей других планет во Вселенной, которые могли бы установить с нами контакт. Как только развитие дошло бы до определенной, высокой стадии научно-технического прогресса, они бы уничтожили сами себя,

если они подобны нам. Ибо злая натура человека получает великолепнейший шанс, пользуясь последними данными НТП, уничтожить всех и вся.

Материал поступил в редколлегию 01.02.12

УДК 101.1:316

Е.А.ДЕРГАЧЕВА, О.А. ЛАППО

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматриваются экономико-социологические аспекты транснационализации мира.

Транснациональные корпорации (ТНК) являются важнейшим элементом развития мировой экономики, международной торговли и международных экономических отношений. Их бурное развитие в последние десятилетия отражает обострение международной конкуренции, углубление международного разделения труда. ТНК предстают как непосредственные участники всего спектра мирохозяйственных связей, как «локомотивы» мировой экономики. ТНК, с одной стороны, являются продуктом быстро развивающихся международных экономических отношений, а с другой стороны, сами представляют мощный механизм воздействия на них. Значение ТНК в развитии глобальной мировой экономики системно возрастает на протяжении последних 50 лет. Влияние ТНК на экономику миру весьма противоречиво: порой преимущества функционирования ТНК для одной страны могут обернуться крупными потерями для другой. Выход российских ТНК на мировой рынок связан с определенными трудностями, в связи с этим все более актуальным становится прогнозирование тенденций их развития в России с учетом национальных особенностей экономики.

Транснациональная корпорация — это комплекс, использующий в своей деятельности международный подход и предполагающий формирование транснационального производственного, торгового и финансового комплекса с единым центром принятия решений в стране базирования и с филиалами в других странах. Характерной чертой ТНК является сочетание централизованного руководства с определенной степенью самостоятельности входящих в нее и находящихся в разных странах юридических лиц и структурных подразделений.

Размах деятельности транснациональных корпораций характеризуется огромными масштабами. Некоторые ТНК (например, «General Electric», «ExxonMobil Corporation», «General Motors», «Ford», «Royal Dutch Shell») располагаются средствами, превышающими размер национального дохода многих суверенных национальных государств, а международный характер операций ставит их практически вне контроля любых национальных органов власти. По данным ЮНКТАД в 2011 г. в мире насчитывалось около 82 тысяч нефинансовых ТНК с 805 тыс. зарубежных филиалов. ТНК функционируют практически во всех отраслях экономики, но наиболее значительная их часть — 59,6 % — сконцентрирована в сфере производства [10].

Наиболее общей причиной возникновения транснациональных корпораций считается интернационализация производства и капитала на основе развития производительных сил, перерастающих национально-государственные границы. Формирование ТНК связано также и с тем, что оно дает большие преимущества в сфере международной торговли, позволяя более успешно преодолевать многочисленные торговые и политические барьеры. Фактором, повлиявшим на возникновение ТНК, считается их стремление к получению сверхприбыли [9, с. 92].

Сегодня в мире более 80% мирового товарного оборота, свыше 50% мирового промышленного производства контролируются корпорациями с мировыми именами. Им же принадлежат более 60% патентов, лицензии на новую технику, технологии, около 90% прямых зарубежных инвестиций. В зарубежных филиалах ТНК в 2011 году работало 62 млн. чел., на них производилось 33% мировой торговли, ими выпускалось более 10% мирового ВВП (в 1990 всего 6%) [1, с. 155].

Иностранный капитал, глубоко внедрившись в экономику многих стран мира, стал составной частью их воспроизводственного процесса. Доля предприятий, контролируемых иностранным капиталом, в общем объеме производства обрабатывающей промышленности в Австралии, Бельгии, Ирландии, Канаде превышает 33%, в ведущих западноевропейских странах составляет 21-28%, в США на предприятиях, контролируемых иностранным капиталом, производится свыше 10% промышленной продукции. Еще большую роль иностранный капитал в форме прямых инвестиций играет в экономике развивающихся стран.

Индекс транснационализации 100 ведущих компаний мира в 2011 году составлял в среднем 57%. У некоторых компаний, в особенности из малых и средних стран, этот показатель был значительно выше. Наиболее транснационализированными из стран являются Гонконг (86%), Ирландия (64%), Бельгия и Люксембург (59%), Сингапур (59%), Эстония (47%). В других странах индекс транснационализации значительно меньше: в Бразилии 15%, в России 14, в Германии 11, в Китае 10, в Японии 2% [8, с. 156]. Приоритетными странами по распределению производственных сил в транснациональной экономике являются развивающиеся страны, страны третьего мира. В первую очередь это Китай, Тайланд, Индия. Более 62% крупных транснациональных корпораций рассматривают Китай в качестве "места первого выбора" при создании зарубежных филиалов в 2005- 2009 гг. [12]. Основная часть ТНК и инвестиций принадлежит США, странам Европейского Союза и Японии. Лидерами на рынке мирового капитала являются США, Великобритания, Япония, Германия, Франция и другие страны ЕС, Канада, Гонконг, Австралия, Тайвань.

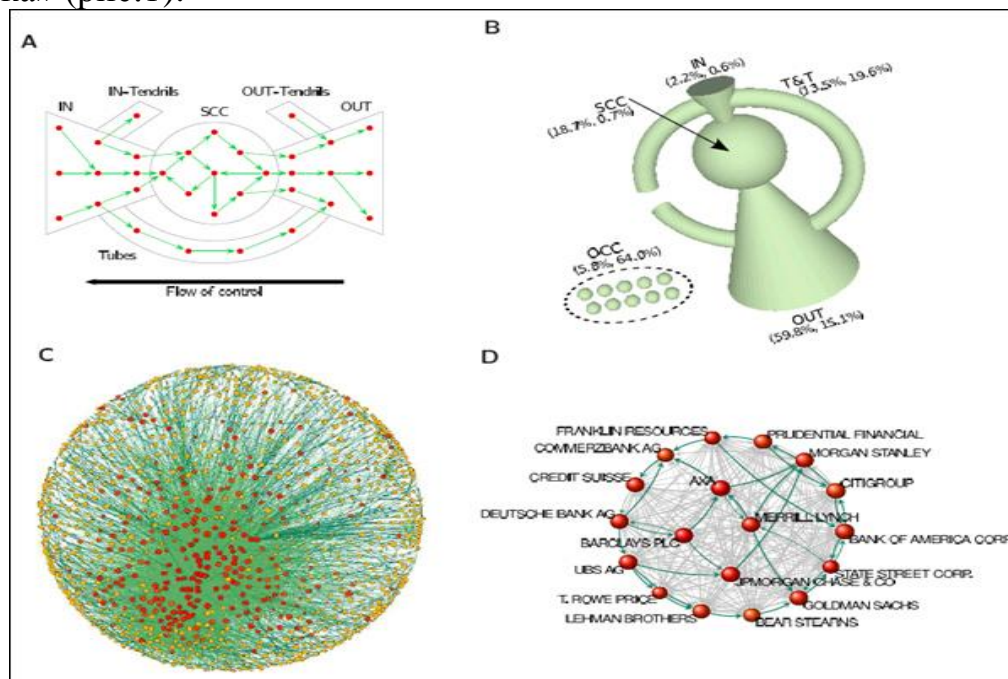
Материнские предприятия мировых ТНК распределяются следующим образом: из 100 крупнейших компаний больше половины находятся в США (55), больше трети предприятий – в Западной Европе (35) и всего 6 из 100 в Японии. Особенно велико влияние в нефтяной, автомобильной, химической и фармацевтической отраслях. 500 самых мощных ТНК реализует 80% всей произведенной продукции электроники и химии, 95% фармацевтики, 76% продукции машиностроения. 85 из них контролирует 70% всех заграничных инвестиций. ТНК охватывают 90% мировой торговли пшеницей, кукурузой, лесоматериалами, табаком, джутом и железной рудой, 85% - медью и бокситами, 80% - чаем и оловом, 75% - натуральным каучуком и сырой нефтью [2]. В XXI в. в условиях глобальной экономики установилось господство 300-600 ТНК. При этом 300 корпораций распо-

ряжаются 75% валового продукта мира, осуществляют значительную диверсификацию своего производства и услуг. Ведущими отраслями транснациональной деятельности по данным на 2009 г. являются производство электрического и электронного оборудования (14,4%), бизнес-услуги (11,0%), торговля (10,2%), производство машин и оборудования (8,3%) от общего числа компаний.

В последние годы отраслевая структура ТНК претерпевает значительные изменения, связанные с возрастанием доли услуг: бизнес-услуг, транспортных, телекоммуникационных и др., а также предприятий топливно-энергетического комплекса (ТЭК). В то же время сократилось представительство в числе ведущих ТНК мира предприятий химической промышленности, строительной индустрии, медиакомпаний, что объясняется происходящими на фоне возрастающей конкурентной борьбы слияниями и поглощениями ТНК, сокращениями объемов производства в основной химии и кризисными явлениями в строительной индустрии.

Транснациональные корпорации, являясь сетевыми структурами, реализуют сетевой подход за рамками компании, в отношении с внешними факторами своей деятельности, например выстраивая сетевое взаимодействие с независимыми посредниками, потребителями их продукта и даже с государством.

Рассмотрим механизм управления ТНК. Ученые из швейцарского Федерального технологического института в Цюрихе (С. Витали, Д. Глаттфельдер и С. Баттистон) осуществили масштабное исследование топологии структуры, которую образуют транснациональные корпорации. Пользуясь информацией из финансовой базы данных Orbis, исследователи выявили более миллиона связей между 600 508 экономическими субъектами, которые соответствовали определению транснациональной компании. Связи между 43 тыс. крупнейших компаний были представлены в графической форме; полученную структуру исследователи назвали «галстуком-бабочкой» с компактным и плотным «узлом галстука» (рис.1).

«Галстук-бабочка» (B), его структура (A), ядро мировой корпоративной системы (C) и его фрагмент (D) (схемы S. Vitali, J. B. Glattfelder, S. Battiston).

Рис. 1. Топологическая схема связей между ТНК [10]

В структуре, смоделированной исследователями из Цюриха, есть ярко выраженное ядро, плотность и связность которого увеличивается. Степень концентрации в «узле» чрезвычайно высока: в 2007 году 147 корпораций контролировали 40% стоимости всех транснациональных компаний. Данное исследование демонстрирует сильные и слабые стороны мировой корпоративной сети как системы. При ограниченном количестве «корневых» компаний на них легче влиять, заставляя бережно относиться к персоналу и окружающей среде. Но высокая концентрация и взаимозависимость элементов означают уязвимость системы (разорившаяся компания Lehman Brothers в 2007 году была одним из ключевых компонентов «ядра»).

Таким образом, анализ современной роли ТНК в мировой экономике не только подтверждает их детерминирующее глобальный хозяйственный прогресс значение, но и благодаря способности ТНК формировать производственно-распределительные сети, относительную устойчивость к негативному воздействию последствий мирового экономического кризиса.

Перераспределение капитала, вызванное деятельностью ТНК, включает следующие составляющие [6]:

- усиление позиций американского, японского и западноевропейского крупного капитала во многих странах;
- все большее переплетение экономических связей и интересов западных стран, углублением кооперации и специализации производства, усилением элементов взаимозависимости;
- укрепление средних размеров национальных предприятий, некоторым подтягиванием до уровня американских, японских, германских и других крупных корпораций;
- усиление сращивания промышленности и банковского капитала;
- появление новых «центров силы» (НИС) с быстрорастущими новыми ТНК и соответственно, усилением конкурентной борьбы, в том числе и за доминирование в Евразии.

Огромный объем товаров и услуг, производимых ТНК в различных странах, создал основу для развития международного разделения труда. Разделение труда между странами и независимыми фирмами дополняется международным разделением труда внутри фирм.

ТНК рассматриваются как неотъемлемый объективный элемент международных экономических отношений, имеющий большое позитивное начало, как результат развития процессов интеграции, переплетения хозяйственных связей. Следует отметить, что функционирование ТНК наряду с положительным влиянием на систему мирового хозяйства и международных экономических отношений оказывает и отрицательное. Причем порой преимущества функционирования транснациональных корпораций могут обернуться для принимающей страны крупными потерями. Отсюда вытекают противоречия в их деятельности.

Во-первых, ТНК как организационная форма функционирования крупного частного предприятия оказалась наиболее адекватной к современному характеру международного разделения труда, которая позволяет ей, с одной стороны, обеспечивать высокую экономическую эффективность, с другой - постоянно проявлять огромный потенциал приспособляемости к новым условиям и восприимчи-

ности к инновациям. При этом все больший объем двусторонней торговли приходится на предприятия одних и тех же ТНК, расположенных в разных странах.

Во-вторых, ТНК способствуют оптимальному распределению всех видов ресурсов и производства, но, с другой стороны, ТНК, как правило, концентрируют научные исследования и технические разработки в стране базирования, в результате чего принимающие страны остаются менее развитыми в области науки, техники и технологий по сравнению со странами нахождения материнской компании корпорации.

В-третьих, благодаря ТНК более активно распространяются новые товары и технологии, однако ТНК способны устанавливать монополю высокими ценами, диктовать условия, ущемляющие интересы принимающих стран.

В-четвертых, ТНК способствуют усилению конкуренции, совместному формированию рынка, монополии на этом рынке. Отрицательный момент заключается в том, что зачастую деятельность ТНК характеризуется хищнической эксплуатацией природных и трудовых ресурсов соответствующей страны.

В-пятых, благодаря ТНК расширяется международное сотрудничество. Однако существует опасность вторжения ТНК в сферы, которые традиционно считались областью государственных интересов. Учитывая размах их деятельности и несовпадение интересов страны базирования ТНК с интересами принимающей страны, они способны противодействовать реализации экономической политики стран, в которых они осуществляют свою деятельность, дезорганизовать внешнеэкономическую сферу страны-партнера.

В-шестых, консолидация финансовой отчетности в рамках всей системы позволяет прибегнуть к стратегии наименьших налогов, т.е. возможности перераспределения прибыли между компаниями, входящими в корпорацию с тем, чтобы наибольший доход получали те из них, которые пользуются налоговыми льготами и т.п. Тем самым ТНК способны обойти национальные законодательства по налогообложению, в результате чего недопоступают средства в государственный и местные бюджеты принимающей страны. Используя трансфертные цены, дочерние компании ТНК, действующие в различных странах, умело укрывают доходы от налогообложения путем перекачивания их из одной страны в другую.

В-седьмых, стимулирование глобализации, рост единства мирового хозяйства, с одной стороны, сопровождаются появлением мощных центров экономической власти, действующих в частных интересах, которые могут не совпадать с общечеловеческими.

В-восьмых, транснационализация деятельности снижает экономические риски для корпораций, но повышает их для принимающих стран. Дело в том, что транснациональные корпорации могут довольно легко перемещать свои капиталы между странами, покидая страну, испытывающую экономические трудности, и уходя в более благополучные.

Наиболее распространенным заблуждением о последствиях деятельности транснациональных корпораций является мнение, будто в результате международных операций транснациональных корпораций одни страны обязательно вы-

игрывают, а другие несут потери. В реальной жизни возможны и другие результаты: обе стороны могут оказаться в выигрыше или в проигрыше. Баланс выгод и потерь от деятельности ТНК во многом зависит от контроля над их деятельностью со стороны правительств, общественных и наднациональных организаций.

Важную роль в стимулировании развития ТНК играет государство, независимо от того, желает ли оно помочь «своим» предпринимателям или помешать «чужим». *Во-первых*, правительства поощряют деятельность «своих» ТНК на мировой арене, обеспечивают им рынки сбыта и возможности для иностранных инвестиций путем заключения различных политических, экономических и торговых союзов и международных договоров. *Во-вторых*, стимул для прямых зарубежных инвестиций создают национальные тарифные барьеры, создаваемые для защиты «своего» бизнеса от зарубежных конкурентов.

Итак, деятельность ТНК усиливает взаимозависимость отдельных государств через переплетение их хозяйственных связей. Транснациональная экономика приводит к резкому контрасту между благополучием крупнейших компаний и серьезными трудностями хозяйства страны в целом - неустойчивым развитием производства, инфляцией, недостаточным объемом капиталовложений, массовой безработицей.

В 1970–1980-е на уровне ООН предпринимались попытки выработать кодекс поведения транснациональных корпораций, который поставил бы их действия в определенные рамки, прежде всего экологические и социальные. Эти попытки встретили сопротивление ТНК, и в 1992 переговоры по выработке кодекса поведения транснациональных корпораций были прекращены. Впрочем, в 2002 г. 36 крупнейших ТНК все же подписали заявление о «корпоративном гражданстве», содержащем признание необходимости социальной ответственности бизнеса. Но это добровольное заявление пока остается скорее декларацией о намерениях, чем сводом конкретных обязательств. ТНК, будучи монополистами на рынке, часто используют экологически опасные и вредные для организма человека компоненты (химические добавки, генно-модифицированные организмы), которые представляют опасность для человека и общества в целом [11].

Для современного этапа развития мирового хозяйства характерно нарастание активности крупных зарубежных компаний, деятельность которых обуславливает увеличение масштабов глобализации и активизацию интеграционных процессов. Стратегии развития ТНК основаны на концентрации ресурсов (маркетинг, разработка услуг, повышающих лояльность потребителя и стоимость продукта, НИОКР) в сфере собственных стратегических преимуществ. Такая концентрация обеспечивается в значительной степени за счет прямых иностранных инвестиций (далее ПИИ).

Стратегии ТНК варьируются в зависимости от региона. В настоящее время в отраслевом аспекте внимание ТНК все более привлекают сфера услуг и инфраструктуры, которые ранее мало интересовали международные компании и были преимущественно сферами деятельности естественных монополий (это прежде всего телекоммуникации). Для инвестиционной активности ТНК в развивающихся странах характерно использование новых, основанных на кон-

трактных отношениях форм интернационализации: продажа лицензий с предоставлением технологий и технических услуг; строительство предприятий «под ключ» (с подготовкой местного персонала); управление предприятиями; изыскательские работы и создание добывающих предприятий на условиях «раздела продукции»; франчайзинг; субподряды на поставку продукции из зарубежных стран [10, с.211].

В то же время сегодня имеет место известная тенденция: фактором, определяющим географию размещения зарубежных филиалов международных корпораций, становится не дешевое сырье или недорогая квалифицированная рабочая сила, а близость рынков сбыта. Это объясняется распространением трудосберегающего системного производства, экономичного с точки зрения потребления энергии и сырья, и протекционизма на мировых товарных рынках.

В последние годы широкое распространение получило международное стратегическое партнерство или стратегические альянсы (СА) между ТНК. К середине 1990-х гг. их количество превысило четыре тысячи. Обычно цель альянсов - объединить научный потенциал, ускорить процесс внедрения в производство результатов НИОКР, снизить их стоимость и разделить риски освоения производства и сбыта новых сложных наукоемких изделий [4].

В структуре международного производства товаров и услуг предприятиями ТНК следует отметить преимущественный рост капиталовложений в сферу услуг. По оценкам экспертов ЮНКТАД, более 50% прямых иностранных инвестиций крупнейших ТНК направлялись в сектор услуг, включая НИОКР и маркетинговые исследования. Стратегии входа крупных компаний на национальный рынок разнообразны: от greenfield-инвестиций до поглощения существующей национальной компании. В последнее десятилетие особое значение приобрели так называемые "промежуточные" формы вхождения крупных компаний на национальный рынок (brownfield investment), сочетающие элементы традиционных способов. Основной тенденцией процесса интернационализации крупных компаний можно считать трансграничное размещение общекорпоративных функций как в форме внутренних подразделений, так и в виде внешнего аутсорсинга. Стратегия "единого аутсорсинга", подразумевающая сокращение количества поставщиков и их замену одним или несколькими центрами поставок, формирует глобальные производственные сети, позволяя компаниям сосредоточиться на маркетинге и брендинге.

Несмотря на относительно позднее включение в этот процесс, российские компании демонстрируют высокую динамику транснационализации. По данным ЮНКТАД, за период с 2000 по 2011 гг. по суммарному показателю вывезенных ПИИ Россия вышла на лидирующие позиции в мире. Этому способствует наличие в стране уникального ресурсного, кадрового и интеллектуального потенциала, опыта ведения бизнеса в мультикультурной среде и в условиях территориального удаления различных объектов управления. В последние годы российские компании все чаще выступают в качестве инициаторов масштабных трансграничных слияний и поглощений, при этом темпы роста зарубежных ак-

тивов ведущих российских компаний на порядок выше, чем в других странах мира.

Необходимо отметить наличие препятствий на пути экспансии российского капитала, в числе которых выделяется ряд внутренних и внешних факторов. *К внутренним факторам* относятся: недостаточный уровень качества управления в российских компаниях, необходимость налаживания работы в незнакомой правовой и культурной среде принимающих стран, растущие потребности координации и контроля за деятельностью филиалов со стороны материнских компаний; а *к внешним* – негативное отношение к российскому бизнесу в принимающих странах и низкий уровень государственной поддержки ТНК.

Одним из наиболее эффективных инструментов продвижения отечественных ТНК является их позиционирование в мировом экономическом пространстве. В зарубежной практике накоплен значительный опыт работы по поддержанию и продвижению ТНК в мировом экономическом пространстве, главными достоинствами которого являются стратегический подход. Что касается России, то поддержка отечественного бизнеса, выходящего на международный уровень, пока еще не носит стратегического характера.

Обобщая сказанное, отметим, что для успешного выхода российских ТНК на мировой рынок на государственном уровне необходимо:

во-первых, определить приоритетные направления развития отечественных ТНК как части государственной внешнеэкономической стратегии и политики; *во-вторых*, принять закон «О российских ПИИ за рубежом» и откорректировать нормы закона «О регулировании иностранных инвестиций в РФ» с ориентацией на режим взаимного обмена технологиями, активами и ресурсами;

в-третьих, способствовать интеграции российских специалистов в структуры экспертного сообщества – ассоциации, аналитические центры, т.к. в настоящее время РФ не имеет представительства ни в одной из международных экспертных структур в сфере транснационализации (ООН, ЮНКТАД и др.);

в-четвертых, форсировать вступление России в Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС); *в-пятых*, создать Агентство страхования экспортных кредитов и инвестиций;

в-шестых, сформировать Агентство по содействию инвестициям за рубежом с приданием ему следующих функций: внешнеполитический анализ, систематизация и прогнозирование зарубежных проектов ТНК, разработка и совершенствование системы мер и инструментов господдержки транснациональной деятельности российских компаний за рубежом;

в-седьмых, определить целевые параметры господдержки ТНК: для крупных ТНК энергетического, транспортного и других развитых секторов – в информационной, аналитической, дипломатической областях; в развивающихся отраслях – в области поддержки инновационных проектов, страхования рисков, а также консультационной и финансовой помощи.

Тенденцией развития ТНК в современных условиях является сочетание конкуренции и сотрудничества. То и другое дает положительные результаты, если опирается на экономические достижения и преимущества каждого из уча-

стников. Отсюда следуют выводы и для российских компаний: рассчитывать на успех в конкуренции на мировом рынке трудно, а вот в сфере сотрудничества, несомненно, есть возможности и перспективы.

Тенденцию интернационализации экономики характеризует такой отрицательный фактор, как потеря контроля государства властями. Новое экономическое устройство порождает соответствующие ему надгосударственные политические институты и международные организации – такие, как Мировой банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд и т.п. В результате возникает ситуация двоевластия. Суверенным государствам приходится сначала в экономической, а затем и в политической сфере делить власть с вышеуказанными организациями. При этом влияние государств идет на убыль, и власть все более переходит в руки транснациональных корпораций и контролируемых ими международных институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, В.Л. Мировая экономика / В.Л.Абрамов. - М.: Дашков и К, 2007.
2. Бабанова, К. Стратегии ТНК в условиях глобальной экономики / К. Бабанова // <http://www.inesnet.ru>
3. Булатов, А.С. Транснациональные корпорации в мировом хозяйстве / А.С.Булатов // Мировая экономика. - М.: Экономистъ, 2008.
4. Владимирова, И.Г. Исследование уровня транснационализации компаний / И.Г.Владимирова // <http://www.cfin.ru>
5. Глобализация и конкурентоспособность: стратегии успеха. - М.: Ассоциация менеджеров, 2009.
6. Костянцев, А.Е. Транснационализация как международная форма организации предпринимательства в глобализирующейся экономике / А.Е.Костянцев // <http://journal-nio.com>
7. Крупнейшие компании России. Интернационализация экономики России как предпосылка реализации международного маркетинга // Маркетинг в России и за рубежом. - 2006. - № 2.
8. Мировая экономика и международные экономические отношения: учебник / под ред. проф. А. С. Булатова, проф. Н.Н. Ливенцева. - М.: Магистр, 2009.
9. Попов, В.М. Транснациональные и многонациональные компании - качественно новые предприятия постиндустриального развития / В.М.Попов // Менеджмент и маркетинг бизнеса в международных компаниях. - М.: Финансы и статистика, 2009.
10. Создана топологическая схема связей между транснациональными корпорациями // <http://science.compulenta.ru>
11. Транснациональные корпорации. ГРЯЗНЫЙ ТОП 20 // <http://zhdanov.ucoz.ru>
12. Фаминский, И.П. Глобализация – новое качество мировой экономики / И.П.Фаминский. – М., 2010.
13. Чеховский Н. Назад в прошлое / Н.Чеховский // РБК. – 2008. - №5.

Е.Е. СТРУГОВЕЦ

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Рассматриваются перспективы человека в контексте технического прогресса.

Предсказывать будущую историю человечества - занятие антинаучное и несправедливое. То, что несколько десятилетий назад казалось несбыточными мечтами писателей-фантастов, является неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Ученые всего мира едины во мнении, что в ближайшем будущем чипы смогут выполнять функции диагностических устройств, а для того, чтобы оказаться в открытом космосе, потребуется не космический корабль, а устройство, очень сильно напоминающее современный лифт.

Технологии в схемотехнике, способные изменить мир, - именно эта тема стала наиболее волнующей для ведущих ученых всего мира. В частности, общественность больше всего поразили дерзкие прогнозы Мичио Каку, профессора теоретической физики Нью-йоркского университета. Именно он первый из всего ученого сообщества встал на защиту, казалось бы, безумных и бесперспективных проектов. Предвидения профессора, которые сегодня противоречат основным законам физики, в настоящий момент весьма призрачны. Однако мы не застрахованы от того, что уже завтра эти предсказания станут реальностью.

Благодаря этому прорыву в схемотехнике, такая процедура, как диагностика человеческого организма, станет сродни чистке зубов. Например, во время посещения туалета чипы с ДНК всевозможных вирусов, бактерий, раковых клеток, вмонтированные в унитаз, будут проводить немедленный анализ содержимого стула и смогут, к примеру, выявить раковые клетки задолго до появления самой опухоли. Причем подобные микрочипы и прочие новинки схемотехники будут вмонтированы не только в сантехнику, но и в ту же таблетку аспирина, после приема, которой можно осмотреть состояние всего пищеварительного тракта изнутри. Передача данных с такой микровидеокамеры, проглоченной человеком, возможна на специальный суперкомпьютер, который в особо серьезных случаях вполне самостоятельно виртуально вызовет врача, такого же виртуального.

Помимо таких предположений, американский ученый говорит о том, что уже в 2025 году каждый житель планеты Земля будет иметь флешку с записанными на нее его собственными генами. Такое устройство прекрасно заменит медицинскую карту, а стоимость расшифровки полной карты ДНК каждого отдельного хомосапиенса будет не миллион долларов, как два года тому назад, а всего лишь около 200 долларов. А вот полное исчезновение компьютеров ученый видит уже в начале четвертого десятка лет двадцать первого века. Однако это исчезновение Каку тоже воспринимает по-своему. Кроме того, Каку говорит о том, что к этому времени компьютеры станут полностью одноразовыми. А файлы, очень важные и жизненно необходимые, будут записываться на портативные микросхемы. Не исключено, что последние будут находиться непосредственно в теле человека.

УДК 101.1:316

А.А. МАЖУКИНА

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Рассматриваются изменения в обществе в контексте технического прогресса.

В приличном обществе признаком интеллектуальной просвещенности является осведомленность в важности нанотехнологий. Они конечно важны, но постепенно и неотвратно на первой место выдвигаются NBIC-технологии, которые обещают так перевернуть мир, что прежние научные революции отойдут на второй план. NBIC-технологии – это создание саморазвивающихся по существу живых интеллектуальных систем из неживой материи, которые могут быть использованы повсюду – от медицины, до промышленности.

Полеты на другие планеты становятся обычным делом. Однако чтобы, предположим, «привенериться», космический аппарат должен преодолеть раскаленную и плотную атмосферу. Создать защитный материал, который выдерживал бы такие без преувеличения адские условия, непросто. Но еще сложнее испытать его на земле. Пожалуй, даже вагранка, где металлурги варят сталь, не предоставит исследователям весь спектр условий, с которыми можно столкнуться на Венере. А вот в уникальном плазмотроне, действующем в Институте тепло- и массообмена им. А.В. Лыкова НАН Беларуси, – пожалуйста.

В этой установке можно провести испытания материалов в очень широком диапазоне температур, тепловых потоков, химического состава предполагаемой атмосферы. Таким образом можно фактически имитировать посадку не только на Венеру, но и на любую планету Солнечной системы. Это оборудование уже позволило улучшить свойства некоторых типов теплозащитных материалов примерно вдвое. Для практической космонавтики эти исследования имеют огромное значение.

Группа ученых из США и Великобритании разрабатывает уникального робота под названием Cyberplasm, который сочетает передовые достижения микроэлектроники и последние исследования в области биомимикрии (технологии, вдохновленные природой).

Cyberplasm имеет электронную нервную систему, «глаза» и «нос», собранные из клеток млекопитающих, а также искусственные мышцы, которые используют глюкозу в качестве источника энергии для приведения робота в движение. Преследуя цель создания компьютеров и вычислительных систем, способных выполнять параллельную мнемоническую обработку данных, подобно тому, как это делает головной мозг живых существ, ученые и исследователи давно работают над созданием искусственных синапсов и чипов на их основе. (Синапс— место контакта между двумя нейронами или между нейроном и получающей сигнал эффекторной клеткой. Служит для передачи нервного импульса между двумя клетками, причём в ходе синаптической передачи амплитуда и частота сигнала могут регулироваться.) Таким образом, можно прогнозировать широкий спектр изменений в обществе под воздействием НТП.

ДЕМИДЕНКО Эдуарду Семеновичу – 75 лет

Э.С.Демиденко – доктор философских наук, профессор кафедры философии Балтийского федерального университета (БФУ) им. И.Канта (г. Калининград). Работает по совместительству с 2002 г. профессором Брянского госуниверситета (БГТУ). Возглавляет там аспирантуру по философии, руководит научно-философской школой исследований социотехноприродных процессов и социально-техногенного развития мира, которая признана Минобрнауки в 2007 г. при аттестации вуза и отмечена дипломом РАЕ в 2011 г. Специалист по социальной философии, социологии, теории урбанизации, экософии, глобалистике (техносферизации планеты, переходу жизни и человека от естественных, биосферных форм к постбиосферным и т.п.). Родился 27.02.1937 г. в Ленинграде.

В трудах Э.С.Демиденко с научно-философских позиций анализируются урбанизация, ее социально-экономическая основа и исторические границы. Им разрабатывается новая для соц. философии проблематика: материально-пространств. и архитектурно-технич. организации постземледельческого общества и его культуры. Анализируются социально-политические и демографические проблемы урбанизации, раскрываются ее характерные черты и методы управления ею. Урбанизация впервые рассматривается как процесс техносферизации, т. е. формирования на земном шаре глобальной техносферы, благодаря чему социум ускоряет свое развитие, техносоциализацию и сайентификацию человека и живой природы. Последние два десятилетия его внимание уделяется разработке социально-философск. концепции техноген. обществен. и социоприродного развития, раскрытию сущности и содержания техногенного общества. Его работы посвящены формированию глобальн. социотехноприродной системы, приходящей в III-м тысячелетии на смену биосферной, осуществляющемуся переходу жизни от эры кайнозоя к эре ноозоя – первой постбиосферной эре жизни, от естественных форм жизни – к искусственным. Особое внимание уделяется разработке коренных принципов и эффективных мер по сохранению вековой биосферы, человека и земной биосферной жизни.

Активно работает в научных и других организациях. Является действительным членом Международного Информационно-экологического Парламента (МИЭП при Совете Европы), МАИ, Российской Экологической Академии и ряда других. Президент АНО «Всемирная Информ-Энциклопедия». В 2002-2007 гг. возглавлял Брянское отделение Российского философск. общества. На базе БГТУ и отделения РФО им создана Брянская научно-философская школа исследований социотехноприродных процессов, философами, учеными и аспирантами которой за 10 лет опубликовано около 40 монографий, книг, учебников и учебных пособий, свыше 40 статей в центральных и рекомендуемых ВАК научных журналах, более 300 статей в других сборниках.

Э.С.Демиденко является автором более 250 науч. и методич. публикаций, среди них 10 авторских и 20 коллективных монографий и книг. За последние 4

года (2008-2011) он становился 5 раз лауреатом конкурсов на лучшую книгу: всероссийских – в Москве и Сочи (РАЕ и РАО), региональных в Брянске, а соавторы и его ученики в эти годы – свыше 10 раз. Авторские книги: «Демографические проблемы и перспективы больших городов. Урбанизация при социализме. М., 1980», «Урбанизация: концепция и политика городск. развития. М., 1992», «Экотехнологический Апокалипсис, или «конец света» природного человека. Брянск, 1993» (доклад на XIX Всемирном Философском конгрессе, Москва), «Ноосферное восхождение земной жизни. М., 2003»; сб. статей «Урбанизация села и техно-ноосферные перспективы земледелия. Брянск, 2005», «Урбанизация: проблемы управления и социального развития. Брянск, 2005»; «Основы экософии. Комплексная эксперимент: учебная авторская программа. М., 2006», «Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни. М., 2006», «Философия о глобальных процессах и проблемах современности. М., 2007», «Быт и семья в советском обществе. М.; Брянск, 2007». Отмечены дипломами (2008-2011): «Демиденко Э.С., Попкова Н.В., Шустов А.Ф. Техногенное развитие общества и жизни на Земле. В 2-х кн. Брянск, 2007» (в Сочи); «Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В. Техногенное общество и земной мир. М.; Брянск, 2007» (в Брянске); Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Техноген. развитие общества и трансформация биосферы. М., 2010» (в Брянске и Сочи); «Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины. М.; Брянск, 2011» (в Москве). Имеет сертификат участника энциклопедий «Элита информацииологов мира» и «Ученые России».

В ноябре 2011 года Российская Академии Естествознания (РАЕ) присвоила Э.С.Демиденко почетное звание основателя Брянской научно-философской школы по исследованию социотехноприродных процессов и социально-техногенного развития мира.

Брянское философское общество сердечно поздравляет Эдуарда Семеновича с юбилеем, желает ему крепкого биосферного здоровья, долгих творческих лет, творческих свершений на благо сохранения нашей биосферно-природной жизни в техносферизирующемся мире!

Сведения об авторах

Горбачев Владимир Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГУ.

Говорушкин Сергей Владимирович – член РФО.

Демиденко Эдуард Семенович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и социологии БГТУ, кафедры философии Балтийского федерального университета им. И.Канта (г. Калининград), президент АНО «Всемирная Информ-Энциклопедия» (наукоград Дубна), действительный член Международной Академии Информатизации, Российской экологической академии, Международного информационно-экологического парламента, Всемирного Гуманитарного Союза и ряда др., почетный председатель Брянского отделения Российского философского общества (РФО).

Дергачева Елена Александровна – специалист по экономике и социальной философии, кандидат философских наук, доцент кафедр экономики и философии Брянского государственного технического университета (БГТУ), заместитель декана факультета экономики и управления, ученый секретарь Брянского отделения РФО.

Кошлаков Дмитрий Михайлович – специалист в области социальных технологий, аспирант кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Лаппо Ольга Александровна – специалист в области экономики, студент-выпускник БГТУ.

Ларичева Елена Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики БГТУ.

Мажукина Анна – студент кафедры экономики БГТУ.

Михалев-Волооков Виталий Михайлович – специалист по математике и экономике, кандидат экономических наук, доцент кафедры математики и информационных технологий БГУ.

Ноздрина Наталья Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Попкова Наталья Владимировна – доктор философских и кандидат технических наук, профессор кафедры философии, истории и социологии БГТУ, член-корреспондент Академии промышленной экологии, председатель Брянского отделения РФО.

Свидерский Александр Александрович – специалист в области философии, старший преподаватель кафедры философии, истории и политологии Брянской государственной сельскохозяйственной академии (БГСХА).

Сиверина Юлия Юрьевна – аспирант кафедры философии, истории и социологии БГТУ.

Степанищев Анатолий Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и социологии БГТУ.

Струговец Евгения – студент кафедры экономики БГТУ.

Хотинская Анна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Хотинская Галина Александровна – доктор философских и кандидат филологических наук, поэтесса и литературный переводчик с немецкого языка, ректор Международного университета общественного развития (Германия), вице-президент Всемирного союза писателей, действительный член Международной Академии информатизации, Американской академии прикладной психологии, Немецкого Форума профессоров и ряда других.

Шлемина Ирина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики БГТУ.

Шустов Александр Федорович - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии БГСХА.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ В СБОРНИК «ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ»

Редколлегия принимает научные статьи по социально-гуманитарным наукам в формате научного сообщения **объемом до 0,5 п.л. (20 000 знаков)**. К публикации принимаются **научные статьи по проблематике антропосоциального познания**, включая не только социально-гуманитарные, но и любые другие науки, занимающиеся изучением взаимосвязей человека, общества, техники, техносферы, природы и т.п. Статьи публикуются бесплатно. Для **авторов из других организаций** материалы должны содержать дополнительное письменное направление организации и экспертное заключение о возможности опубликования материалов в открытой печати. Статьи представляются **в одном печатном экземпляре с приложением электронной версии на диске**. В тексте сначала указывается фамилия автора, затем название статьи. Текст должен быть набран **14 шрифтом Times New Roman** с интервалом 1 и концевыми сносками (14 шрифт), составленными **в алфавитном порядке**. Отдельным файлом должны прилагаться **авторские данные** с указанием домашнего и служебного адреса (в том числе телефона и e-mail), места работы, должности, ученой степени и ученого звания. Все поступающие статьи рецензируются и обсуждаются на редколлегии, которая сообщает авторам о принятом решении.

Адрес редколлегии: 241035 Брянск, бульвар 50-летия Октября, д. 7, Брянский государственный технический университет, кафедра «Философия, история и социология». Тел. (4832) 588-267. **Электронные адреса членов редколлегии:** *Дергачева Е.А.:* lena_debusi@yahoo.com, dergacheva@hotmail.ru; *Попкова Н.В.:* popkov@tu-bryansk.ru, npopkova12@rambler.ru. **Информация о сборнике:** www.tu-bryansk.ru (сайт БГТУ).

Требования к авторскому оригиналу

- Подготовка электронного варианта рукописи
- Формат бумаги – А4 (210 x 279 мм), ориентация книжная.
- Программа – Word, гарнитура – Times.
- Поля – верхнее и нижнее - 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см.
- Слева – **ББК, УДК научной статьи**.
- Справа – инициалы и фамилия автора (шрифт Arial, жирный, прописные буквы).
- По центру – название статьи (шрифт Arial, жирный, прописные буквы).
- Аннотация (на русском языке) – до 5 предложений. Начинается словами: «рассмотрены», «даны», «определены» и т.д.
- Размер шрифта (кегель) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер 16).
- Межстрочный интервал – одинарный (Формат – Абзац – Междустрочный – Одинарный).
- Межбуквенный интервал – обычный.
- Абзацный отступ – 1 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ 1).

- Выравнивание текста по ширине (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- Нумерация страниц (Вставка – Номера страниц – Внизу – По центру).
- **Переносы обязательны** (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
- Квадратные скобки – из латинской клавиатуры (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту (например, «фундаментальные ценности культуры»).
- Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.
- Буква ё/Ё заменяется буквой е/Е, за исключением важных для смыслового различия контекстов, например: Всем обо всём.
- Не допускаются пробелы между абзацами.
- Союзы, предлоги в названии статьи переносятся на вторую строку.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи – рубрикационные (заголовки, подзаголовки) и смысловые (термины, значимые положения, логические усиления).
- Основные приемы выделений – шрифтовые (курсив светлый и полужирный, прямой полужирный, мелкий кегль, прописной и строчный) и нешрифтовые (разрядка, отбивка, втяжка).

Ссылки на литературу и примечания

- Ссылки на использованные источники литературы приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например [1, с. 27]. **Список литературы** располагается после текста статьи (шрифт 14), нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Список литературы» (шрифт слов «Список литературы» Arial, жирный, прописные буквы, по центру) и **оформляется в алфавитном порядке**.
- Литература указывается в соответствии с правилами библиографического описания работ.

Список членов Брянского отделения Российского философского общества в 2012 году

1. Бышова Ольга Юрьевна, соискатель
2. Гайворонский Евгений Геннадьевич
3. Говорушкин Сергей Владимирович
4. Горбачев Владимир Григорьевич, к.ф.н. доцент
5. Горин Дмитрий Геннадьевич, д.ф.н.
6. Григоренко Ирина Григорьевна, студентка
7. Демиденко Эдуард Семенович, д.ф.н. профессор
8. Дергачева Елена Александровна, к.ф.н. доцент
9. Жемоедова Наталья Леонидовна, аспирант
10. Золотарев Алексей Вадимович, к.ф.н. доцент
11. Исаченко Борис Андреевич, к.ф.н. доцент
12. Исканцев Никита Викторович, студент
13. Кошлаков Дмитрий Михайлович, аспирант
14. Кочергина Зинаида Алексеевна, преподаватель
15. Кравченко Владимир Владимирович, преподаватель
16. Лапченко Наталья Николаевна, к.ф.н. преподаватель
17. Ларичева Елена Анатольевна, к.э.н. доцент
18. Лобеева Вера Михайловна, к.ф.н. доцент
19. Логвиненко Юрий Николаевич
20. Мирошников Вячеслав Васильевич, д.т.н. профессор
21. Михалев-Волооков Виталий Михайлович, к.ф.н. доцент
22. Моисеева Анна Юрьевна, преподаватель
23. Непомнящий Константин Евгеньевич, преподаватель
24. Ноздрин Наталья Александровна, к.п.н. доцент
25. Павлов Юрий Михайлович, ассистент
26. Патракова Алла Владимировна, соискатель
27. Подвойский Анатолий Дмитриевич
28. Попкова Наталья Владимировна, д.ф.н. профессор

29. Пушная Ольга Александровна, студентка
30. Сазонов Андрей Филиппович
31. Свидерский Александр Александрович, соискатель
32. Сиверина Юлия Юрьевна, аспирант
33. Скородумов Владимир Михайлович, преподаватель
34. Степанищев Анатолий Федорович, д.ф.н. профессор
35. Сычева Татьяна Михайловна к.ф.н. доцент
36. Фокин Андрей Юрьевич, ассистент
37. Черниловский Артем Александрович, к.ист.н. доцент
38. Чувин Сергей Николаевич, преподаватель
39. Чупика Ольга Николаевна, студентка
40. Шустов Александр Федорович, д.ф.н. профессор

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
АНТРОПОСОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ**

Вып. 10

Под общей редакцией доктора философских наук
Н.В. Попковой

Редактор *Т.И. Королева*
Компьютерный набор *Е.А. Дергачева*

Темплан 2012 г., п. 35

Подписано в печать 25.06.12 Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ.л. 10,4 Уч.-изд.л. 10,4 Тираж 40 экз. Заказ

*Издательство Брянского государственного технического университета
241035, г. Брянск, бульвар 50-летия Октября, 7, БГТУ. Тел. (4832) 588-249.
Лаборатория оперативной полиграфии БГТУ, ул. Институтская, 16.*